

НОВЫЙ
АФОНСКИЙ
ПАТРИК

Том I

Анонимный автор

**Новый Афонский патерик.
Том I. Жизнеописания**

Электронное Издательство "Орфограф"

2011

УДК 271
ББК 86.372

Анонимный автор

Новый Афонский патерик. Том I. Жизнеописания / Анонимный автор — Электронное Издательство "Орфограф", 2011

ISBN 978-5-9903621-2-3

Составитель этой книги – один из уважаемых афонских старцев, по смирению пожелавший остаться неизвестным. Более 30 лет он собирал и систематизировал повествования и изречения, отражающие аскетическое и исихастское Предание Святой Афонской Горы. Его восьмьсотстраничная книга, вышедшая на Афоне в 2011 году, выдержала несколько переизданий. Ради удобства читателей и с благословения старца русский перевод выходит в трёх томах – «Жизнеописания», «Сказания о подвижничестве» и «Рассказы старца Паисия и других святогорцев», которые объединены общим названием «Новый Афонский патерик».

Первый том патерика содержит ранее не известные жития 25 афонских подвижников, по большей части наших старших современников, угождавших Богу в середине XX века.

УДК 271
ББК 86.372

ISBN 978-5-9903621-2-3

© Анонимный автор, 2011
© Электронное Издательство
"Орфограф", 2011

Содержание

Предисловие	9
Часть первая. Жизнеописания	15
1. Иеромонах Григорий, духовник	17
2. Иеромонах Даниил, исихаст из келии святого Петра	24
3. Старец Филарет Карульский, нестяжатель	28
4. Исихаст Пётр, которого также называли Петракис	33
5. Подвижник Гавриил Карульский	38
6. Кавиот Костас, Христа ради юродивый	51
7. Пустынник иеромонах Тихон	58
8. Старец Михаил Кавсокаливит	64
9. Старец Феофил Лавриот	69
10. Иеромонах Мефодий Карейский	73
11. Делатель трезвения, григориатский монах Авксентий	77
12. Старец Арсений, насельник монастыря Симонопетра	83
13. Старец Георгий из келии Фанеромёну	92
14. Старец Давид Дионисиатский	97
15. Иеромонах Кирилл Карейский	102
16. Исихаст Фанурий Капсалиот	106
17. Отец Андрей, игумен монастыря святого Павла	111
18. Старец Евдоким, монах обители святого Павла	122
19. Отец Феодосий, монах обители святого Павла	128
20. Отец Евдоким, игумен монастыря Ксенофонт	134
21. Таинственный затворник Иродион	145
22. Зографский игумен отец Евфимий	149
23. Старец Митрофан, насельник монастыря святого Павла	158
24. Старец Георгий, насельник монастыря святого Павла	165
25. Подвижник Евфимий Виглолавриот	175

Новый Афонский патерик.

Том 1. Жизнеописания

Новопрозябшим побегам пустыни, юным инокам и инокиням, с молитвенным пожеланием от всего сердца возлюбить монашеское Предание, укорениться в нём и от него питаться, дабы в своё время принести плоды – посвящается эта книга

Если не перестанем сами себя испытывать и сравнивать житие наше с житием прежде нас бывших святых отцов и светил, то найдём, что мы ещё и не вступали на путь истинного подвижничества, ни обета своего как должно не исполнили, но пребываем ещё в мирском устроении. Преподобного отца нашего Иоанна Лествица, Слово 23, п. 21

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 3–309–1688

Перевод братии Свято-Преображенского подворья Данилова мужского монастыря г. Москвы с греческого издания:

ΑΠΟ ΤΗΝ ΑΣΚΗΤΙΚΗ ΚΑΙ ΗΣΥΧΑΣΤΙΚΗ
ΑΓΙΟΡΕΙΤΙΚΗ ΠΑΡΑΔΟΣΗ.
Ἁγίον Ὄρος, 2011.

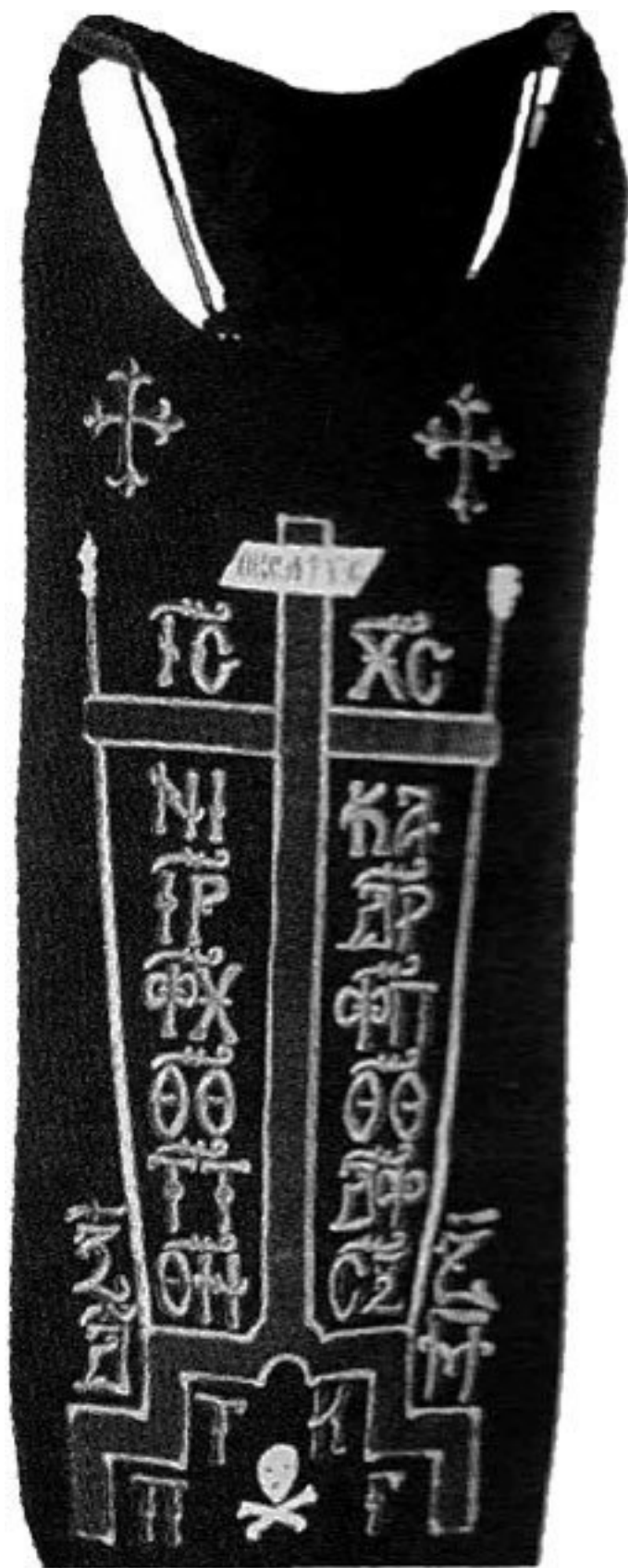
© Ἱερόν Ἡσυχαστήριον «Ἅγιος Ἰωάννης ὁ Πρόδρομος», Μεταμόρφωση Χαλκιδικῆς, текст, 2011

© Свято-Преображенское подворье Данилова мужского монастыря г. Москвы, перевод, 2012

© Издательство «Орфограф», Москва, 2013

* * *

*Во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа, в честь Хранительницы нашей
Пресвятой Богородицы, в поминовение вечное zde подвижавшихся святогорских*

*отцов, в подражание им, в продолжение и укрепление Предания Святой
Афонской Горы и читающим на пользу.
Аминь.*

Предисловие

Святая Афонская Гора – символ любви, всецелого посвящения монахов Богу и благоговения верующих византийских самодержцев, которые наделили её самоуправлением, вытекающими отсюда привилегиями и недоступностью для женщин. До сих пор Святая Гора остаётся живым свидетельством былого могущества и просвещённости Византийской империи. Духовные плоды, принесённые Святой Афонской Горой на протяжении веков – бесценны, и исчислить их невозможно.

Несмотря на пережитые за свою историю испытания, Святая Гора Афон пребывает неизменной. Можно сказать, что ныне она приобрела большую известность, чем в прежние времена, и привлекает всё большее число паломников. *И будет в последние дни, гора дома Господня.*¹ Происходит это потому, что мир имеет необходимость в её свидетельстве и помощи, а саму её хранит благодать Божия и предстательство Госпожи Богородицы.

За свою долгую историю Святая Афонская Гора пережила всякое: она сотрясалась от пиратских набегов, задыхалась под многовековым варварским игом, страдала от трений на национальной почве, от богословских и догматических распрей, от нехватки иноков, от недостатка самого необходимого и от тысячи других – больших или меньших – бед. Сегодня, благодатью Божией, всё это в прошлом. В наши дни Афону угрожает одна-единственная опасность: уклонение от спасительного пути святогорского монашеского Предания, опасность его искажения. Ведь именно оно, это живое аскетическое и исихастское святогорское Предание, на протяжении столетий опытно хранимое как образ жизни, аскезы и богочитания, причём хранимое во всём многообразии монашеской жизни и таким огромным количеством монахов, – это-то самое Предание и делает Святую Афонскую Гору явлением исключительным и неповторимым.

Но, к несчастью, сегодня это драгоценное живое наследие – монашеское Предание Святой Афонской Горы – подвергается опасности быть изменённым мирским мудрованием и многими мирскими удобствами и влияниями.

На Афоне сохраняются разнообразные традиции, например: архитектурная, музыкальная, литургическая, иконописная и др. Все они достойны внимания, однако в нашей книге речь пойдёт о другом – мы будем говорить о живом опыте аскетического и исихастского Предания. Этот «вид» традиции не ограничивается географическими рамками и не исчерпывается внешними выражениями. То есть те, кто живёт в пустыне (где бы ни была эта пустыня), суть подвижники и исихасты, поскольку аскеза и безмолвие – это главным образом духовное состояние, подвиг и достижение. Те, кто понуждают своё естество и имеют трезвение и молитву, также опытно переживают это Предание – независимо от того, подвизаются ли они в келии² или в общежительном монастыре. Поэтому мы не имели целью «разрекламировать» традицию какого-то конкретного старца, келии или монастыря – нет, мы пытаемся познакомить читателя с единым, непрерывным, живым и многообразным Преданием всей Святой Афонской Горы.

Ведь именно это переживаемое личным опытом святогорское Предание и монашеский образ мышления уподобляют нас нашим предшественникам и духовно соединяют с преподобными святогорскими отцами. Эта добрая подвижническая закваска переквашивает наше бренное тело и освящает его, ибо «подвижничество есть мать освящения».³ Предание даёт крылья, чтобы мы духовно возвысились. Святогорское Предание – подземная река, которая

¹ Ис. 2:2.

² Келия – 1) отдельно стоящий дом с церковью, где подвизается один или несколько монахов; 2) комната монаха в монастыре. – Здесь и далее, если специально не оговорено, примечания редакции.

³ Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 74.

невидимо напояет и питает святогорское монашество, оно – чистый оживотворяющий кислород, оно – та объединяющая сила, которая оберегает и хранит от распада святогорское братство, оно есть гарантия того, что мы идём по правильному пути, и, наконец, Святогорское Предание есть преемственность нашей монашеской жизни.

Традиционный монашеский дух вкупе с аскетическим образом жизни могут исправить монашество и явить новых преподобных отцов. Без этого оживотворяющего духа мы *кости мертвы и бездныны*.⁴ Ведь если на Святой Афонской Горе будут сохранены здания и святыни, а монашеское Предание утеряно и ограничено формальным совершением богослужения, то Афон превратится в «очень интересный музей» с одетыми в рясы зрителями «залов» и «экспозиций».

Безусловно, из всех святынь, которые есть на Афоне, самые драгоценные – это «живые святыни»: благоговейные подвижники, носители и выразители монашеского Предания Святой Афонской Горы.

Жизнь аскета похожа на один вид растущих на Афоне цветов. Эти цветы очень хорошо произрастают в безводных местах, ловко пробиваются сквозь каменные кладки террас, их можно увидеть распускающимися высоко на стенах монастырских башен – в местах, где нет даже следа влаги. При цветении они издают непередаваемое, пьянящее благоухание. Многие паломники брали с собой со Святой Горы семена этих цветов, сажали их в своих благоустроенных садах в миру, щедро поливали эти растения и удобряли вокруг них почву. И что же? К сожалению, в миру, в самых «тепличных» и благоприятных условиях эти цветы теряли свой аромат и уже не источали запах. То же самое происходит и с монахами. Насколько монахи лишают себя мирских благ и удобств – настолько они обогащаются духовным богатством. Чем больше они живут и подвизаются в горькой пустыне, лишённой земных и человеческих утешений – тем больше они хранимы и питаемы утешениями божественными и небесными. От этого монахи начинают благоухать добродетелью и святостью. Если же мы, монахи, стремимся сделать «жёсткое» нашего подвижничества мягким, а узкий путь – широким, то становимся похожи на цветы, которые никак не пахнут.

Прежние отцы, известные и безвестные, знатные и незнатные, жившие давно и недавно, – отцы, речь о которых пойдёт в этой книге, по большей части были малообразованными, а иногда и совсем неграмотными людьми. Некоторые из них стали монахами «по воле случая»: кто-то из них осиротел в детстве, другие овдовели в браке, третьи дали Богу обет стать монахами, находясь в опасности на войне. И несмотря на это, все они стали настоящими монахами и следовали путём строгой аскетической жизни. А некоторые сподобились взойти на вершину жизни созерцательной, достичь боговидения и ещё в этой жизни узреть славу Божию – Нетварный Свет. Эти неграмотные люди стали *избранными сосудами* Божественной благодати и стяжали сверхъестественные дарования. Всего этого они удостоились потому, что уподобили свой дух духу отцов, бывших перед ними, потому что подъяли подвиг, следуя по стопам своих предшественников.

Раньше на Афоне можно было встретить старцев с чётками в руке и монашеским мешком на плечах, идущих издалека по труднопроходимым горным тропам. Их тела истощались от многолетней аскезы, глаза впали от бдений, губы иссохли от постоянного соблюдения девятого часа.⁵ Некоторые старцы жили затворниками в своих келиях. Они не ходили в Кариес⁶ или

⁴ См.: Иез. 37:1–10.

⁵ Соблюдение девятого часа – полное воздержание от пищи и воды до окончания вечерни, которая совершается после чтения девятого часа. В общежительных монастырях Святой Афонской Горы в ходу так называемое «византийское время», когда заходу солнца соответствует 00:00. Соответственно, в зависимости от времени года девятый час и вечерня могут начинаться от 14 до 19 часов по европейскому времени. В скитах и на кельях византийское время обычно не используется и вечерня весь год совершается около 16–17 часов по европейскому времени.

⁶ *Кариес* (Карёя) – посёлок на северо-западном склоне афонского полуострова, «столица» Святой Афонской Горы, её

Дафни⁷ за покупками, но Сам Бог посылал им ангелов любви – других монахов, которые им помогали. Эти старцы были лишены человеческих утешений и мирского комфорта, но они чувствовали себя свободными, ни в чём не нуждающимися и абсолютно беззаботными – в хорошем смысле этого слова. Другие почтенные старцы, в терпении проводившие свой путь в общежительных монастырях и достигшие там седин в послушании старцу и служении братии, дышали Богом и старцем – и так достигли меры бесстрастия.

Многие старые, иссохшие от аскезы монахи скрывали в себе Дух и жизнь. Их внешний вид был своеобразен: они были одеты в ветхие, грязные и разорванные подрясники, однако внутри сих пренебрегаемых сосудов они скрывали драгоценное богатство – божественную благодать. Они стяжали её многими подвигами, деннонощным понуждением себя к добродетели. Эти люди были чужды миру, однако они были родными, своими, *присными Богу*.⁸ Им были неведомы мирские достижения, однако они хорошо знали *путь, ведущий в жизнь вечную*.⁹ Они подвергали себя страданиям и молились о пребывающих в наслаждении и покое. Старцы бдели за спящих. Они проливали слёзы и каялись за улыбающихся и смеющихся. Находясь вдали от мира, они всех людей ощущали своими братьями и всех их заключали в духовных объятиях – в своей молитве.

Прежние отцы были простыми не только по образу жизни, но и по характеру. Они совершенно не считали себя людьми духовными, осознавали свои слабости и жили в покаянии. Встречаясь и прощаясь друг с другом, они желали «доброго покаяния и доброй кончины».

Этих-то освященных старцев, которые есть на Святой Афонской Горе и по сей день, найти нелегко, потому что они умеют искусно скрываться. Да и встретивший их должен иметь орган духовного чувства, чтобы узнать их и суметь общаться с ними «на одной волне». Многие отцы не открывали другим пережитый ими опыт и своё богомудрое учение. Они уносили собранное с собой как таинственное приношение Подвигоположнику Господу. Однако среди них были и такие, кто, желая помочь более молодым монахам, давал им советы или приоткрывал малую толику своего духовного опыта. Третьи стали явлены другим по Промыслу Божию – сами того не желая. Их подвиги, здесь описанные, – это осязаемые знаки присутствия Божия, вдохновение для юных к аскетической борьбе и обличение во лжи тех, кто говорит, что такого рода освященные старцы – всего лишь достояние прошлого. Нет! – каждое поколение имеет своё собственное боголюбивое настоящее, которое становится прошлым лишь впоследствии.

Конечно, на Святой Горе – в саду Пресвятой Богородицы – в любые времена были не только цветы, но и сорняки и колючки. Однако во времена прежние в общежительных монастырях, в пустыне и даже в монастырях идиоритмических¹⁰ подвизалось множество добродетельных монахов. И старшие монахи «подбивали» (в добром смысле этого слова) более молодых на духовную борьбу. Разговоры братии между собой вращались вокруг чудес, аскетических подвигов и спасения души. В те благословенные времена Святая Гора была удалённой от мира – безмолвнее, таинственнее и аскетичнее. Прежде жившие отцы-святогорцы – все без исключения – имели большее уважение к Преданию, к начальствующим и к установлениям. Также с уважением они хранили то, что было принято ими от предшественников. Они

административный центр. Помимо множества монашеских келий, в Кариес расположены Священный Кинос и Эпистасия Святой Горы, представительства (конаки) 20 общежительных афонских монастырей, резиденция губернатора, полиция, почта, пожарная охрана, медицинский пункт, магазины и т. п.

⁷ *Дафни* – главный порт Святой Афонской Горы на юго-восточной стороне афонского полуострова, место расположения афонской таможни и подразделения береговой охраны ВМФ Греции.

⁸ См.: Еф. 2:19.

⁹ См.: Мф. 7:14.

¹⁰ *Идиоритмический*, т. е. особножительный, монастырь по уставу сильно отличается от общежительного (киновийного) монастыря. В идиоритмическом монастыре братия не выбирают игумена, могут иметь личную собственность, собираются на общую трапезу только по праздникам, получают от монастыря деньги за послушания. Последний идиоритмический монастырь Святой Горы (Пантократор) был преобразован в общежительный в 1992 году.

имели предельное благоговение к Пресвятой Богородице и доверие Её промыслу. Они были терпеливы в немощах и искушениях и не забывали цели ухода из мира – спасение своей души. Они были настоящими странниками, вся их жизнь была соплетена с трудом. Они лишали себя самого необходимого и избегали комфорта. Они отличались простотой, а не рационализмом. Они были богаты жизненным опытом, а не бесплодными знаниями. Они были носителями подлинной монашеской нравственности.

Таким образом, зная силу воли и многообразный подвиг, трезвенные восхождения и простой нелицемерный нрав, а также всецелую самоотдачу Богу этих отцов, понудителей естества и рачителей Царства Небесного, мы можем возжечь от них нетленный огонь – чтобы и в нас самих возгорелась ревность к подвигу и молитве.

Благодать Божия причислила нас к монашескому чину, мы принадлежим огромной семье монахов Святой Афонской Горы. Это делает нам честь. Но, кроме этого, наша обязанность и долг – уважение и почтение к святогорскому монашескому Преданию и следование путём прошедших перед нами отцов. Мы должны постараться жить как они. Мы должны подражать делами.

Всё, что содержится в книге, которую вы держите в руках, относится не к теории, а к практике, к *практическому* учению святогорских отцов. Всё это собрано, систематизировано и напечатано для того, чтобы подвигнуть читающего к покаянию и подражанию аскезе этих отцов или хотя бы сделать нас более внимательными по отношению к собственным страстям.

Русское издание книги состоит из трёх томов.

Том I. *Жизнеописания*. В этом томе описывается жизнь, аскетические подвиги, представления о духовных вопросах и учение тех старцев, о которых удалось найти достаточно сведений, чтобы составить хотя бы краткое жизнеописание.

Том II. В этом томе представлены краткие сказания о подвижничестве, отражающие аскетический опыт и учение старцев. Многие из этих старцев известны, о некоторых из них написаны книги, однако опубликованные нами сказания этих старцев доселе не были изданы. Они невелики по объёму, однако в них много духовной силы, потому что они происходят из опыта борьбы, из подвига, выражают древний дух святогорских отцов. Возможно, покажется, что одни сказания в чём-то противоречат другим, например: один из старцев советует совершать богослужение по чёткам, произнося Иисусову молитву,¹¹ тогда как другой рекомендует петь стихиры и тропари. Пусть это не смущает читателя: отцы говорят *просто*, из собственного опыта, и не придают сказанному ими абсолютный догматический смысл.

Том III состоит из трёх частей:

Духовные рассказы. Здесь собраны рассказы о чудесах, явлениях святых и бесов, о падениях и заблуждениях некоторых монахов. Цель всех этих заметок – назидательная. Имена повредившихся монахов, о которых идёт речь в этой части, сознательно не называются.

Изречения и рассказы старца Паисия Святогорца. В этой части старец Паисий повествует о монахах, которых он знал, рассказывает разные поучительные истории и случаи. Отец Паисий часто беседовал с приходившими к нему о духовной жизни, преимущественно о монашеской. Его речь жива, афористична и содержит много практических советов. Из неё ясно видно уважение старца к святогорскому Преданию, его забота о том, чтобы это Предание было живо. Замечания и советы старца Паисия – драгоценное подспорье в нашей монашеской борьбе. По причине большого объёма материал, связанный со старцем Паисием, выделен в отдельную часть.

¹¹ Здесь в греческом тексте εὐχή обозначает краткое прошение, многократно произносимое при молитве по чёткам, преимущественно это молитва Иисусова, но может быть и молитва ко Пресвятой Богородице, Ангелу-хранителю, святым, молитва об усопших. Здесь и далее εὐχή мы переводим как «молитва Иисусова».

Дух старых святогорцев. Дух старых святогорцев виден и в предыдущих частях книги, однако здесь подчёркнут особо. В рассказах старцев становится заметной разница в духе и образе жизни прежде живших святогорцев и нас, монахов современных. Вполне естественно, что общий дух пустой похвалы и растления, отличающий нашу эпоху, влияет и на нынешних монахов – детей этого времени. Незадолго до того, как на Святой Горе праздновалось её 1000-летие,¹² здесь ощущалась нехватка братии, что ослабило святогорское Предание. Но Пресвятая Богородица устроила так, что на Афон прибыли «новобранцы». Монастыри стали возрождаться, однако не исключено, что «новобранцы» недостаточно усвоили древний дух, и поэтому сейчас на Святой Афонской Горе есть духовные недостатки. Наверное, сегодняшнее монашество не стоит мерить по меркам древних отцов. Возможно, в очах Божиих то малое, что совершают современные монахи, имеет большее значение, чем в прежние времена. Но сомнению не подлежит следующее: в прежнюю эпоху было много добродетельных, освященных старцев, которые опытно переживали и передавали другим предание монашеской жизни и отличались монашеским мудрованием; их аскетическая борьба и сверхъестественный опыт вызывают восхищение. В этой части изречения отцов усопших представлены по имени, тогда как отцов ещё живущих – анонимно. При этом все они – и усопшие, и живущие ныне – с благоговением и ностальгией говорят о древнем, подлинно святогорском монашеском духе.

Наконец, необходимо сделать несколько последних пояснений и замечаний:

- Хотя в книге представлены многие известные старцы, мы не включали сюда ранее опубликованное – насколько нам удалось это охватить. Единственное исключение: в томе «Жизнеописания» для того, чтобы дать полноценную картину, мы включали в повествование некоторые ранее известные и опубликованные случаи, например, явление Пресвятой Богородицы игумену монастыря святого Павла отцу Андрею и некоторые другие.

- В этой книге представлены изречения и подвиги не только известных афонских старцев, но и тех отцов, чей подвижнический опыт может быть значительно менее авторитетным. Возможно, кто-то из читателей был лично знаком с этими старцами, с их человеческими несовершенствами, возможно, кто-то не поверит их опыту, который описан в этой книге, или будет оценивать его по-другому. Однако написанное здесь имеет своей целью доставить пользу читающему и побудить его к покаянию, а не оправдывать немощи и слабости отцов. *Бог оправдывает – кто осуждает?*¹³ Мы отнюдь не пытаемся канонизировать немощи и несовершенства отцов, поскольку, делая это, мы «деканонизируем» святых. Конечно, некоторые старцы имели немощи и недостатки, однако мы подчёркиваем их подвиги и добродетели для того, чтобы получить от этого пользу. Ведь эти подвижники тоже были носителями древнего монашеского духа святогорского Предания. К сожалению, нам удалось собрать весьма и весьма немного, поскольку об этих отцах почти не осталось достоверных сведений.

- Мы старались подчеркнуть значение святогорского Предания, от сокровища которого *износятся новая и ветхая*.¹⁴ Поскольку Предание живо, речь идёт не только о почивших отцах, но и об отцах, подвижающихся ныне. При этом ныне живущие отцы не называются по имени и их духовное состояние мы не оцениваем.

Материал был собран с большим трудом и тщательностью. В книгу вошло только то, что составитель видел своими глазами и слышал своими ушами, либо позаимствовал из рассказов других старцев о прежде живших отцах. После проверки материал был изложен на бумаге – насколько возможно просто, искренне и без преувеличений.

¹² В июне 1963 года торжественно праздновалось 1000-летие монашества на Афоне, в праздновании принимали участие представители многих Поместных Церквей.

¹³ Рим. 8:33–34.

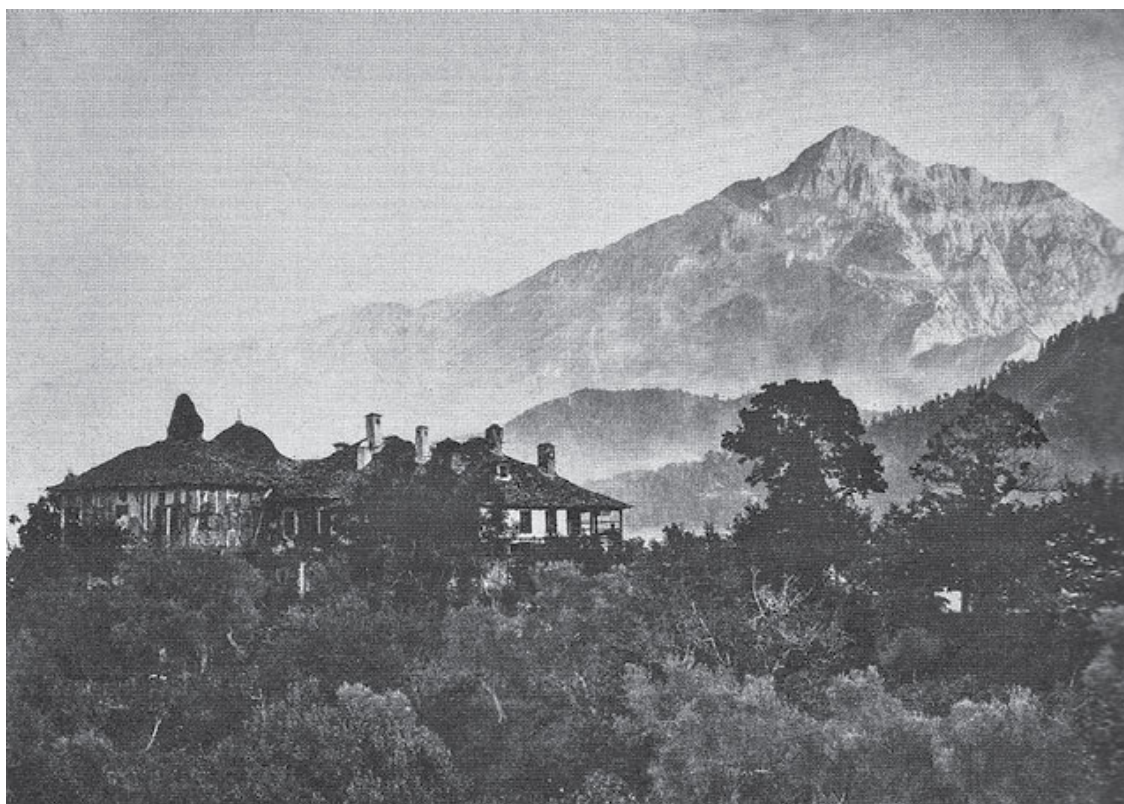
¹⁴ См.: Мф. 13:52.

Мы безмерно благодарны тем, кто доверил нам разного рода сведения (а таких людей очень много), и тем, кто смиренно потрудился для того, чтобы это издание увидело свет.

Да простят нас представленные в этой книге святогорские старцы за то, что мы дерзнули сделать явными их подвиги. Эти отцы уже не имеют нужды в похвалах, однако для нас, живущих, их примеры путеводительны и спасительны. Они – образцы, на которые мы должны равняться, они – наши проводники в Царство Небесное.

Да простит меня и Благий Бог за то, что я, не имея здоровых органов духовного чувства, не осознавал той божественной благодати, которую скрывали в себе встреченные мною добродетельные старцы. Увы, пользы от знакомства с ними я не получил, из-за моей гордыни я недооценил их и пренебрёг ими, судя поверхностно. Пусть же, по крайней мере, получают пользу читающие. Пусть они молятся о потрудившемся над этой книгой недостойном монахе, только воспевавшем подвиги святогорских отцов, но, к несчастью, так и не ставшем их подражателем.

Часть первая. Жизнеописания

Вид на Афон из Кареи

Вершина горы Афон

1. Иеромонах Григорий, духовник

Отец Григорий родился в славном своей историей городе Миссолонги и был одним из отроков, спасённых при героическом миссолонгском прорыве.¹⁵ Его фамилия была Манолатос, по всей вероятности, предки отца Григория были родом с острова Кефалония. Придя на Святую Афонскую Гору, он стал монахом и священником в Новом скиту, в каливе¹⁶ святого Спиридона Тримифунтского. Видя добродетели отца Григория, насельники Нового скита предложили главенствующему монастырю святого Павла поставить его духовником.¹⁷ Известно, что затем он отправился на поклонение в Иерусалим. Вернувшись из паломничества, отец Григорий какое-то время подвизался в каливе Честного Предтечи в скиту святой Анны.

Приблизительно в середине 1850-х годов отец Григорий ради более высокой духовной жизни переселился в Малый скит святой Анны, где стал подвизаться в каливе Успения Пресвятой Богородицы. Кроме отца Григория в его братстве были ещё двое: иеромонахи Косма и Дамиан.

Устав келии был таков: неопустительное совершение богослужений суточного круга и ежедневная Божественная Литургия. Накануне каждого воскресного дня вместе с отцами соседних келий они совершали всенощное бдение – то в одной, то в другой келии по очереди. В те времена район Малого скита святой Анны был очень бедным, безмолвным и безводным. Но все эти трудности превозмогала ревность отцов к жизни аскетической. Отец Григорий с братией жили за счёт рукоделия: они вязали свитера и носки, а также делали простую деревенскую обувь. Кроме этого, у них был маленький огород, чтобы обеспечивать себя необходимыми овощами.

¹⁵ *Миссолонгский прорыв* – одна из героических страниц Освободительной войны Греции 1821–1829 годов. В Вербное воскресенье 10 апреля 1826 года около 3 000 греческих бойцов, женщин и детей прорвали блокаду города Миссолонги, осаждённого 50-тысячной армией турок и египтян. Почти все жители погибли во время боя и резни, учинённой ворвавшимися в город турецко-египетскими войсками.

¹⁶ *Калива* (греч. καλύβα – хижина) – небольшой отдельно стоящий домик, где живут один или несколько монахов. В каливе обычно нет храма, калива не имеет собственной земли.

¹⁷ В греческой Церкви исповедовать может не каждый священник, а только тот, над кем архиерей совершил хиротэсию в духовника. В духовники избираются наиболее благоговейные священники, обычно старше 40 лет.

Отцы жили безмолвной и подвижнической жизнью, не отвлекаясь на лишнее и не занимаясь ненужным. Немногие посетители, осилившие подъём до их каливы, просили отца Григория принять их на исповедь, поскольку распространилась молва о добродетельном и рассудительном духовнике. Как духовник он отличался строгими принципами. Смотря на исповедовавшихся у него монахов сквозь призму подвижничества, отец Григорий был взыскателен, требовал акривии¹⁸ и совершенства. Его отличали духовные сила и ведение. Он был настолько строгим постником, что в среду и пятницу никогда не разрешал себе вкусить пищи с растительным маслом, даже на Светлой седмице. Нравом отец Григорий был кроток, очень молчалив, сострадателен, благодать его души сияла и была видна другим. Образование у него было лишь самое элементарное, однако, постоянно читая Священное Писание и аскетические сочинения святых отцов, он приобрёл духовные знания.

Отец Григорий обладал огромным опытом, умел распутывать даже самые сложные духовные случаи, подобно искусному врачу предлагая исповедающимся те или иные духовные лекарства. Кроме этого, старец отличался прозорливостью в различении помыслов и видений братии.

Однажды иеромонах Даниил из каливы Трёх Святителей пришёл к отцу Григорию и открыл на исповеди, что ему было видение святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Он рассказал, как поспешил пасть в ноги Василию Великому, и тот подставил ему для поклонения большой палец ноги. Услышав этот рассказ, старец Григорий распознал бесовскую прелесть: «Да, батюшка мой, большому же бесу ты поклонился! Ты что же думаешь: если бы это и правда был святитель Василий, стал бы он перед тобой ногами своими трясти?»

У отца Григория исповедовался и известный на Святой Афонской Горе безмолвник Каллиник. Однажды, когда приближался престольный праздник каливы отца Каллиника, он спросил духовника, можно ли на праздничной трапезе предложить пищу с растительным маслом, поскольку престольный праздник выпадал на среду. «Подвижники – они постятся всегда, – ответил отец Григорий. – Престольный ли праздник, не престольный – разницы им никакой». Так, на праздничной трапезе отцы вкушали сухари и варёные овощи без масла.

Послушник отца Каллиника часто ходил в Дафни, относя на почту письма своего старца. Нередко он был вынужден совершать богослужения суточного круга по чёткам в пути, однако мучился помыслом: считается ли это за службу? Вместе со своим старцем они спросили об этом своего духовника отца Григория, и тот задал простой вопрос послушнику:

– Скажи-ка, если бы по дороге в Дафни ты нашёл на тропинке кошелек и взял его себе, то считалось бы это кражей?

– Конечно, считалось бы! – ответил послушник. – Это было бы грехом и я должен был бы в этом исповедоваться.

– Ну так если недоброе дело, сделанное по пути, считается недобрым и вредит тебе, тот как может не считаться богослужением та служба, которую ты совершил в пути по чёткам? Конечно, она считается службой, и не мучайся помыслами на этот счёт.

Однажды в Иверский монастырь пришёл страшный разбойник – капитан Георгакис. Он требовал причастить его и угрожал в противном случае сжечь монастырь. Отцы не знали что делать и позвали отца Григория. Старец, благодаря своей рассудительности, благодатью Божией успокоил разбойника, и тот, следуя его совету, сначала исповедался, выдержал пост, причастился Святых Христовых Таин, а затем в корне изменил свою жизнь.

Как-то раз в торговый день отец Григорий сидел в Кариес, продавая своё рукоделие. Выглядело это так: разложив на камнях вязанные чулки и свитера, он надвигал на глаза скуфью

¹⁸ *Акривия* (греч. ἀκρίβεια – точность, строгость) – принцип отношения к священным канонам, монашеским правилам и установлениям и вообще к Преданию Церкви с позиции строгой определённости и ненарушимости.

и, склонив голову, творил молитву Иисусову. В это время мимо проходил сосланный на Святую Гору патриарх Иоаким III. Вид старца, сидящего под навесом усыпальницы, держащего в руке чётки и опустившего взгляд вниз, произвёл на него сильное впечатление, и он спросил, кто это. Узнав, что старец – известный духовник отец Григорий, патриарх обрадовался, подошёл к нему и сказал:

– Отче, что же ты не расхваливаешь своё рукоделие? Оглянись вокруг: может, найдётся какой покупатель?

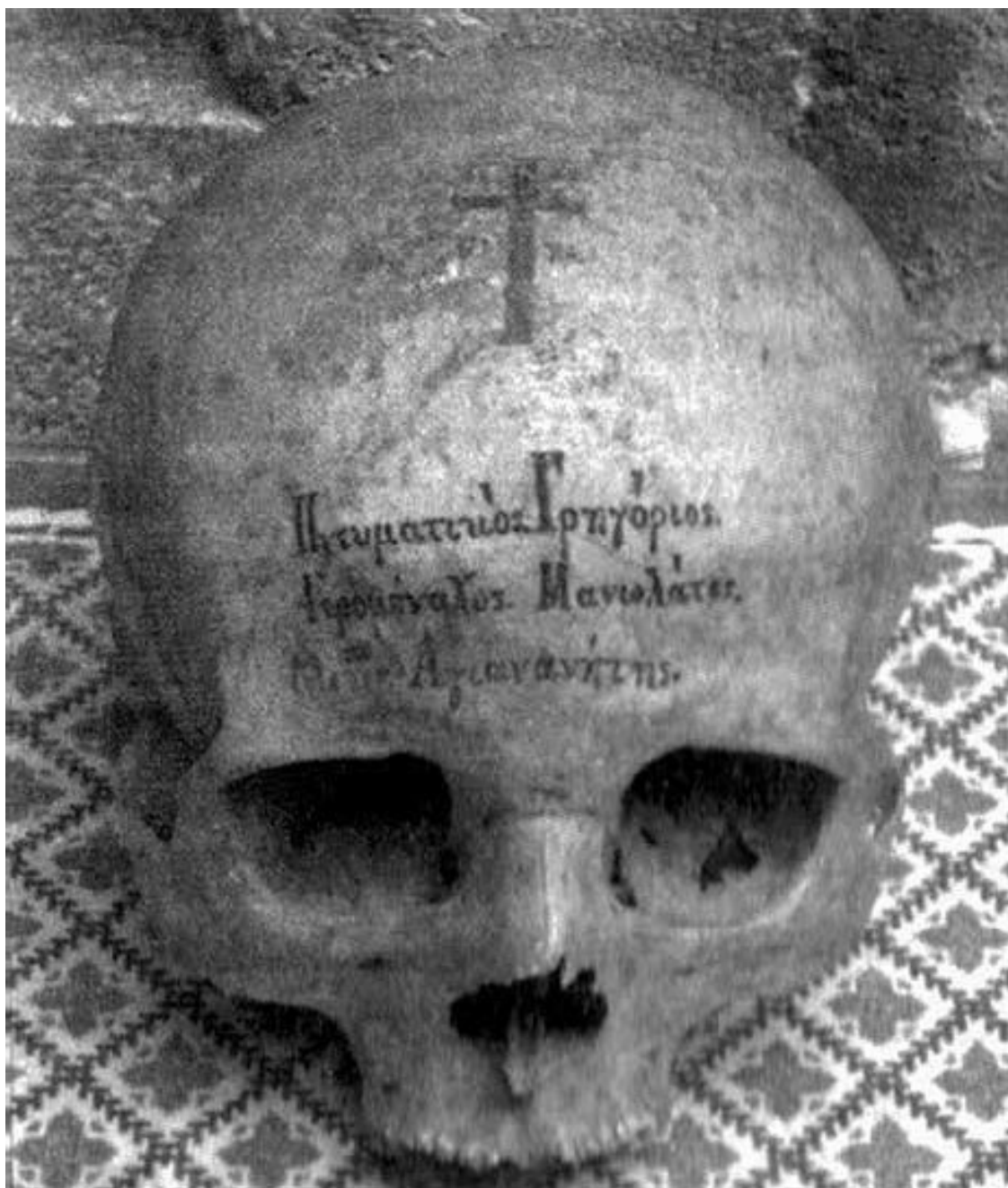
– Кому моё рукоделие нужно, Ваше Святейшество, тот и сам может ко мне подойти и купить, – ответил отец Григорий, не глядя на патриарха. – К чему же мне самому покупателей-то искать?

– Я подошёл к тебе, отец духовник, не для того, чтобы тебя искушать. Я хочу выбрать день и навестить тебя в твоей каливе, – сказал патриарх.

– Спасибо тебе, Ваше Святейшество, – смиренно ответил отец Григорий, – однако не бери на себя, пожалуйста, такой труд. Каливка моя очень маленькая, потолки в ней низкие-пре-низкие, и патриархи в ней не помещаются.

– Что ж, пусть будет маленькая и низкая, – улыбнулся патриарх. – Я пригнусь и помещусь.

– Если бы ты, Ваше Святейшество, умел пригибаться, то был бы сейчас не здесь в ссылке, а сидел бы в Константинополе на высоком троне, – ответил отец Григорий, имея в виду бескомпромиссность и мужество этого великого патриарха.

Честная глава отца Григория

Келья Успения Пресвятой Богородицы, где подвизался отец Григорий

Патриарха привёл в восхищение лаконичный и удачный ответ духовника. Знакомство с отцом Григорием стало важной вехой в жизни Святейшего Патриарха Иоакима. Он действительно посетил старца в Малом скиту святой Анны. Старец стал духовником патриарха, и тот часто приходил к нему для исповеди и духовной беседы. Его Святейшество говорил, что отец Григорий – столп добродетели и монашеского жития. Патриарх подарил братству отца Григория литургические сосуды, церковные книги, а также бытовые предметы: тарелки, кружки и чашки. В те времена монахи жили бедно, и подаренная посуда кочевала из каливы в каливу окрестных скитов – отцы брали её на свои престольные праздники.

Однажды каливу отца Григория посетил епископ, приглашённый возглавить торжественное богослужение на престольном празднике в Великой Лавре. Владыка попросился на исповедь, однако старец, духом видя, что у того есть канонические препятствия к священству, не принимал его, говоря, что тот не окажет ему послушания. Епископ уверил отца Григория, что подчинится его слову, и старец принял его исповедь, после которой сказал, что епископ должен сложить с себя сан. Архиерей смиренно принял благословение духовника, однако переживал, что пригласившая его Великая Лавра в свой престольный праздник, который должен был наступить через несколько дней, останется без архиерейского богослужения. Тогда отец Григорий предложил епископу постриг в великую схиму, после которого, согласно православной традиции, архиерей уже не может литургисать. Владыка принял великий постриг и оставил архиерейство.

Зная добродетельное житие отца Григория, с ним поддерживали связь и отшельники, как свидетельствовал блаженнопочивший игумен монастыря Дионисиат, отец Гавриил. Вот что рассказывал старец Григорий отцу Гавриилу:

«В Великий Четверг я служил Божественную Литургию, в конце которой в крохотный храм моей каливки вошёл юный монах, державший в руке зажжённый фонарь. Он сказал мне: – Не потребляй все Святые Дары, святой духовниче. Я за тобой. Нужно, чтобы ты пошёл со мной и причастил трёх братьев, которые живут там, выше.

Я не стал задавать лишних вопросов и, взяв Святые Дары, пошёл за ним. Очень скоро, несмотря на мой преклонный возраст и крутой подъём, мы с ним вошли в просторную пещеру, где нас ожидали трое монахов. Они сразу же причастились Святых Тела и Крови Христовых и, поблагодарив меня, смиренно попросили:

– Святый отче! Пожалуйста, приди причастить нас и на будущий год, тоже в Великий Четверг. Только просим тебя никому ничего не говорить о нас.

Естественно, я не дерзнул спросить их ни о чём из того, что видел и слышал, и в сопровождении того же самого юноши стал спускаться по тропинке. Вскоре юноша поцеловал святую дароносицу и сказал, что сейчас вернётся и догонит меня. Оглянувшись через полминуты, я увидел, что он исчез. Всё происшедшее потрясло меня. Однако, храня заповедь таинственных отшельников, я целый год никому ни о чём не рассказывал. А потом произошло вот что. У нас в скиту есть следующая традиция: вечером в Лазареву субботу все отцы приходят в соборный храм скита на всенощное бдение. После бдения, во время традиционного угощения, один из братии сказал:

– Как же низко пало нынешнее монашество! Сегодня уже нет отшельников, какие были раньше...

Тогда, по невниманию, я машинально произнёс:

– И сегодня, благодатию Божией, такие люди есть.

И на вопрос: “Где же?” – я ответил: “Вот здесь, на Эмоне¹⁹”, – и показал рукой.

На всех отцов произвели впечатление мои слова, но больше меня ни о чём не спрашивали, потому что все устали после всенощного бдения, были измождены постом и готовились расходиться по своим каливам. Пошёл в келию и я, по дороге укоряя себя за то, что проговорился.

И вот в Великий Четверг во время Литургии в моём храме снова появился тот же самый юный монах и сделал мне знак, по которому я понял, чего он хочет. Закончив Божественную Литургию, я положил в дароносицу Святые Дары и пошёл за ним. Вскоре мы пришли в ту же самую пещеру, где были год назад. Отцы нас ждали. Причастившись Святых Христовых Таин, старший сказал мне:

– Зачем же ты, святой духовнике, нарушил нашу заповедь и открыл нас братии?

Я не нашёлся, что ответить, и он продолжил:

– Ну ладно, что же теперь делать... Но за то, что ты проговорился, на будущий год не приходи сюда с Пречистыми Тайнами. Если же ты придёшь, то застанешь нас такими, как будет угодно Всеблагому Богу. И снова просим тебя: не рассказывай о нас никому.

На этот раз я ушёл из их пещеры один. Я был поражён этими необыкновенными людьми и недоумевал: как они могли узнать, что я рассказывал в соборном храме скита? Наконец, я утвердился в мысли, что Бог послал мне встречу со святыми мужами.

В следующем году, взяв с собой только антидор и крещенскую воду, я с огромным трудом добрался до этой пещеры, где нашёл всех трёх старцев мёртвыми. (Четвёртый – юноша, безусловно, был ангелом Господним, который им служил.) Старцы лежали на полу пещеры. Их вид был очень мирен, руки скрещены на груди. Став на колени, я поцеловал их руки и лбы. Их святые мощи были высохшими, из чего я заключил, что они отошли в вечные обители в тот самый день Великого Четверга в прошлом году, после причащения Пречистых Христовых Таин». ²⁰

В другой раз отец Григорий совершал Божественную Литургию, и самом конце, когда он остался в храме один и собирался потребить Святые Дары, в храме появились семеро подвижников, одетых в лохмотья, но сияющих от божественной благодати. Их сопровождал Свет. Отец Григорий смотрел на них в изумлении.

– Святой духовнике, мы знаем твою жизнь, – сказали они. – Мы живём недалеко, выше тебя в горах, и просим, чтобы ты приходил причащать нас. Единственное требование: никому не рассказывай о нас, иначе больше не увидимся.

¹⁹ Эмон – одно из предгорий Афонской вершины.

²⁰ Ἀπό τὸν κῆλτο τοῦ παλποῦ. Ἐκδ. τὸ Περιβόλι τῆς Παναγίας, 1994. Σελ. 71–74.

Отец Григорий принял это условие, и вот время от времени к нему стали приходить семь «обнажённых-невидимых»²¹ подвижников, и он их причащал. Отец Григорий заранее знал, когда придут невидимые старцы, и в те дни не потреблял Пречистые Христовы Тайны, но ожидал их, пребывая в молитве. Старцы входили к нему в каливу через заднюю маленькую дверь. Их внешний вид был дивно благообразен, они шли с преподобническим благоговением, мирными и смиренными шагами, один за другим. Они сияли от благодати аскетической жизни и с умилением причащались Пречистых Тела и Крови Господних. Они всегда были молчаливыми, слегка согбенными в небольшом полупоклоне. Они просили прощения и благодарили духовника, который их причащал. Наученный опытом, отец Григорий уже как следует хранил эту тайну и радовался, что Бог сподобил его послужить этим освященным монахам.

Но однажды к отцу Григорию пришёл на исповедь юный монах, которого душили помыслы. Он дошёл до отчаяния и решил возвратиться в мир, оправдывая себя тем, что, на Святой Афонской Горе якобы иссякла добродетель. Духовник пытался переубедить его, говоря, что это демонское наваждение, что добродетель есть, однако она сокрыта и не бросается в глаза. Юноша просил у старца осязаемых примеров, отказываясь верить его словам. Тогда для того, чтобы спасти душу монаха, духовник открыл ему тайну невидимых старцев. В день, когда должны были прийти семь подвижников, чтобы причаститься, отец Григорий посадил этого юношу в келейку напротив церкви так, чтобы он сам мог тайно увидеть старцев и убедиться в их существовании. Когда подвижники, как обычно, пришли и причастились, последний из них сказал старцу: «Святой духовниче, благодарим тебя, что ты столько лет преподавал нам Пречистые Тайны. Однако ты нарушил наш уговор и открыл нашу тайну. Больше ты нас не увидишь».

Юный монах пришёл в умиление и сокрушение от увиденного. Со слезами и сердечной болью попросил у духовника прощения, решив никуда не уходить со Святой Афонской Горы и подъять подвиг ради спасения своей души. Духовник с горечью ответил ему: «Ты-то получил пользу, а вот я из-за тебя потерял драгоценное сокровище, которое держал вот в этих самых руках».

После этого случая отец Григорий впал в глубокую скорбь из-за того, что потерял общение с равноангельными святыми отшельниками – невидимыми отцами, и, когда пришло время, скончался в 1899 году – на 90-м году своей жизни.

Перед кончиной старец со всеми подробностями рассказал своему братству о невидимых подвижниках, сделав это к утверждению, пользе, назиданию и во славу Божию.

Когда останки отца Григория доставали из могилы,²² его честная глава имела цвет святых мощей,²³ и многие из присутствующих почувствовали благоухание.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

²¹ Согласно с живым и многократно подтверждённым святогорским Преданием, существуют семь или, по другим вариантам, двенадцать монахов, которые живут в предгорьях Афонской Горы. Эти монахи ведут совершеннейшую аскетическую жизнь и постоянно молятся за весь мир. Когда один из них умирает, его место замещает кто-то другой, и таким образом их количество остаётся неизменным. «Обнажёнными» они называются в переносном смысле, поскольку облачены в старые рваные рясы, а невидимыми – так как по благодати Божией они обычно сокрыты от людских глаз. – *Прим. сост.*

²² По святогорской традиции тело усопшего монаха через три года после кончины достают из могилы и складывают кости и череп в усыпальнице.

²³ По афонской традиции считается, что жёлтый, восковой цвет останков монаха свидетельствует о его угождении Богу.

2. Иеромонах Даниил, исихаст из келии святого Петра

Иеромонах Даниил из келии святого Петра²⁴ был великим исихастом своего поколения и подражателем преподобного Петра Афонского – первого и величайшего афонского исихаста. Отец Даниил подвизался в том же самом месте, что и преподобный Пётр. Поскольку после кончины отца Даниила прошёл уже почти век, а жизнь его была предельно скрытой, то мы можем представить здесь лишь некоторые факты его аскетической биографии.

Место его рождения и жизнь до того, как он стал монахом, неизвестны. Достоверно, что он принял постриг в келии святого Петра от благоговейного старца и духовника иеромонаха Антония,²⁵ который, согласно документам из архива Лавры, стал старцем келии 15 сентября 1874 года.²⁶ Когда отец Даниил достиг высот в монашеских подвигах, его старец рассудил, что он достоин принять благодать священства. Отец Даниил был хиротонисан в Лавре во диакона и пресвитера. После этого до конца своей жизни он ни разу не покинул место своего безмолвия – келию святого Петра.

Иеромонах Даниил был записан старцем келии и духовником 1 апреля 1909 года. По всей вероятности, до этого времени ещё был жив его старец. Он имел следующий устав – каждую ночь совершал всенощное бдение. Он считал грехом, если темнота застанет его в кровати. Старец отдыхал после обеда, а когда смеркалось, начинал своё всенощное бдение. В конце бдения всегда совершал Божественную Литургию, а в святую Четыредесятницу каждый день – Литургию Преждеосвященных Даров. Его Божественные Литургии продолжались часами, поскольку он часто был восхищаем в созерцание и от многого умиления ему было трудно произносить возгласы.

Утром старец немного отдыхал, а днём, надев рясу и куколь,²⁷ совершал необходимые работы по келии или исповедовал монахов. Он не прерывал своего духовного делания весь день и избегал общения и разговоров с людьми.

²⁴ Келия святого Петра – келия в высокогорной и труднодоступной местности, на полпути от Катунак к Афонской вершине.

²⁵ Ἐπισκόπου Ροδοστόλου Χρυσόστομου. Πόθος καὶ χάρις στὸν Ἀθῶνα. Ἅγιον Ὄρος, 2000. Σελ. 221.

²⁶ Даты приводятся по церковному календарю (старому стилю).

²⁷ Кюколь, наметка – покров из лёгкой чёрной ткани, часть головного убора монахов. В отличие от русской традиции, в

Около полудня отец Даниил вкушал свою скудную аскетическую трапезу и уходил в келию для того, чтобы отдохнуть перед бдением. Жизнь его была подвижнической и простой. В келии не было даже стёкол в оконных рамах. Она обогревалась камином и несколькими старыми кирпичными печками. Надо сказать, что в этих высокогорных местах глубина снега зимой превышает два метра.

Келия преподобного Петра Афонского

Однажды некий старец послал своего послушника исповедоваться отцу Даниилу. Послушник подошёл к келии, постучал в дверь и произнёс: «Молитвами святых отец наших...» – однако ответа не последовало. Тогда он заглянул в окошко церкви и увидел, что отец Даниил стоит на коленях под паникадиллом в молитве и в огненном пламени. Послушник в ужасе побежал обратно к своему старцу и закричал: «Геронда,²⁸ духовник горит!» Когда они вместе прибежали в келию святого Петра, то застали там «обычного» отца Даниила – тихого, мирного.

Отец Даниил взял себе послушника, постриг его в монахи и дал ему имя Антоний – в честь своего старца. Однажды послушник заболел и пошёл в Лавру, где остался до выздоровления. Всё это время на Литургиях, которые совершал отец Даниил, пел один из его соседей-монахов. Обычно старец сам совершал входные молитвы и проскомидию. В определённое время приходил этот монах, и они начинали Божественную Литургию. Однажды отец Даниил совершил проскомидию, но брат всё не появлялся, и он понял, что что-то случилось. В огорчении старец молился, не зная, что же ему теперь делать. В это время в церковь вошли три монаха, приложились к иконам, и отец Даниил в радости начал служить Божественную Литургию, а эти трое пели.

Когда Литургия завершилась, отец Даниил, желая разрешить своё недоумение, спросил их, кто они и каким образом оказались ночью в столь пустынном и высокогорном месте. «Мы ктитория²⁹ монастыря Ивиرون и нас послал Господь», – ответили они и тут же стали невидимы.³⁰

Этот облагодатствованный священнодействователь Вышнего помимо всего прочего, преподавал Святые Тайны «обнажённым-невидимым» подвижникам, которые находились в тех пустынных местах.

У отца Даниила многократно бывал и старец Иосиф Исихаст, который жил от него в трёх часах пешего пути. Он приходил вместе со своим сподвижником старцем Арсением помолиться на Божественной Литургии и причаститься Святых Христовых Таин. Старец Иосиф говорил, что из всех подвижников, которых он знал, – а в те времена пустыня изобиловала добродетельными мужами, – отец Даниил был выше многих:

«Был и другой, ещё более удивительный подвижник, у святого Петра Афонского – отец Даниил, подражатель Арсения Великого. Крайне молчаливый, затворник, до конца дней служивший Литургию. Шестдесят лет он ни на один день не помышлял оставить божественное священнодействие. А в Великий пост во все дни служил Преждеосвященные Литургии. И, не болея до последних дней, скончался в глубокой старости. А Литургия его продолжалась всегда три с половиной или четыре часа, ибо он не мог от умиления произносить возгласы. От слёз перед ним всегда увлажнялась земля. Поэтому он не хотел, чтобы кто-то посторонний находился на его Литургии и видел его делание. Но меня, поскольку я очень горячо его просил, меня он принимал. И каждый раз, когда я ходил к нему, три часа шагая ночью, чтобы предстоять на этом страшном воистину Божественном зрелище, он говорил мне одно или два слова, выйдя из алтаря, и сразу скрывался до следующего дня. Он совершал до конца жизни умную молитву и всенощное бдение. У него я взял устав и нашёл величайшую пользу. Ел он двадцать пять драм³¹ хлеба каждый день и весь возносился ввысь на своей Литургии. И пока земля у него под ногами не превращалась в грязь, не заканчивал Литургию».³²

Старец Иосиф Исихаст вместе со старцем Арсением в благодарность отцу Даниилу помогали в работах по келии, например, строили каменную террасу.

²⁸ *Геронда* (от греч. γέρων – старец) – почтительное обращение к духовному лицу.

²⁹ *Ктитория* (от др. – греч. κτίτω – строю, создаю) – основатель монастыря либо благодетель, чьими усилиями была построена (восстановлена) обитель.

³⁰ *Ἐπισκόπου Ροδοστόλου Χρυσοστόμου. Πόθος καὶ χάρις στὸν Ἀθῶνα. Σελ. 222.*

³¹ 25 драми составляют 80 грамм.

³² *Иосиф Исихаст. Выражение монашеского опыта. / Пер. иером. Симеона (Гагатика). ТСЛ, 2006. С. 70–71.*

Кроме отца Антония в келии старца Даниила был ещё один послушник – отец Пётр, которого также звали Петракисом. Он был подражателем исихастского образа жизни своего старца и отца Гедеоны – человека образованного, впоследствии рукоположенного в иеромонаха.

Послушник старца отец Антоний страдал человекоугодием и перед гостями пытался показать себя добрым послушником. Смирняя его, отец Даниил звал его как маленького: «Антон! Эй, Антон!»

Когда отец Даниил впервые увидел летящий самолёт, он с удивлением воскликнул: «Что это такое? Мир погибнет!»

Почувствовав, что дни его на исходе и конец его приближается, отец Даниил надел рясу и начал ходить по двору своей келии. Он поглядел на небо, потом обвёл взором всё вокруг и, вздохнув, сказал: «О, суета сует, всяческая суета». В тот же самый день, совершив Божественную Литургию, он представился ко Господу. Старец Даниил отошёл в вечную жизнь мирно, без болезней, исполненный дней, обогащённый добродетелью и божественной благодатью. Это произошло в 1929 году.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

3. Старец Филарет Карульский, нестяжатель

Карульский старец отец Филарет родился в 1889 году в предместье Константинополя Рисион. Его родителями были Апостолос и Мария Базмацидис. Во святом крещении мальчику было дано имя Фотий. По всей видимости, в детстве отец Филарет был научен от своих родителей доброму нраву и получил достаточное образование. Он почувствовал влечение к монашеской жизни, и в возрасте 19 лет оставил своих родителей и родину, придя на Святую Афонскую Гору в монастырь Ставроникита. Это произошло 17 августа 1908 года. В следующем году он стал монахом, и ему было дано имя Филимон. Его старцем был иеродиакон Иеремия. Отец Филимон был пострижен в великую схиму старцем Кириллом Слепым 10 августа 1918 года, и ему было дано новое имя – Филарет, а 8 марта 1919 года он был избран проэстаменом.³³ Первым послушанием отца Филарета было пономарское. В келии он совершал великие подвиги. Желая жить в пустыне как отшельник, он считал особножительный монастырь наиболее пригодной средой для того, чтобы подготовиться к этому.

Иеромонах Хризостом, старый насельник монастыря Ставроникита, рассказывал, что когда он только пришёл в монастырь, старец Филарет окружил его своей заботой и любовью, принимал в своей келии, угощал его. В турке, в которой готовили кофе, отец Филарет варил фасоль ему и себе, а во время этой аскетической трапезы предлагал юному монаху поучение о монашеской жизни из своего многоценного опыта.

Когда отца Хризостома поставили на послушание помощника пономаря, один из проэстаменов дал ему сосуд, в котором было пять ок³⁴ масла, и строго велел следить, чтобы этого масла хватило на весь год, поскольку, сказал он, больше масла не будет. Естественно, выполнить это требование было невозможно. В недоумении отец Хризостом спросил старца Филарета что делать. Тот с уверенностью ответил, что масла хватит:

– Когда ты наполняешь маслом лейку, то перед тем, как доливать в храмовые лампы, подойди к иконе Пресвятой Богородицы, перекрести лейку и попроси Матерь Божию благословить это масло, – посоветовал отец Филарет.

³³ *Прозэста́мен* – один из нескольких монахов особножительного монастыря, координирующих общие административно-хозяйственные вопросы обители.

³⁴ *Ока* – мера твёрдых и жидких продуктов. 5 ок масла составляют примерно 6 литров.

Так отец Хризостом и поступал ежедневно, и – о чудо! – пяти ок масла хватило на весь год, и даже ещё осталось.

Отец Филарет дал отцу Хризостому и такой совет: если он увидит на море шторм и судно в опасности, то пусть возьмёт лампаду от иконы святителя Николая и выльет это масло в море, чтобы шторм прекратился. Как-то на Страстной седмице отец Хризостом пошёл на море посмотреть, попалась ли рыба в сети. Ставроникита был самым бедным монастырём, и поэтому на Пасху отцы не имели возможности заказать себе яйца, сыр и рыбу. Каждый монах заботился о себе сам. Спустившись к морю, отец Хризостом увидел вдалеке маленький кораблик, который отчаянно боролся с волнами. Вспомнив о совете отца Филарета, он побежал в церковь, взял лампаду от иконы святителя Николая и спустился к пристани. Дул сильный ветер, и на поверхность воды попало лишь несколько капель масла. Несмотря на это, вскоре ветер прекратился и море утихомирилось. Отец Хризостом увидел, что кораблик пошёл к ватопедской пристани. Разгрузив там рыбу, яйца и сыр, кораблик снова вышел в море и прибыл к пристани Ставроникиты. Моряки позвали отцов и спросили их, какого святого они почитают. Услышав, что покровитель монастыря – святитель Николай, они выгрузили на пристань гору пасхальных благословений для отцов в благодарность спасшему их святителю.

Старец Филарет был очень внимательным в своём послушании. Он очень любил богослужение, в своей келии держал пост, совершал всенощные бдения и молитвы так, чтобы об этом не ведали другие отцы. Зная, что основание духовной жизни есть смирение, старец время от времени вытворял разного рода Христа ради юродства, с одной стороны, для того, чтобы его презирали и смиряли, а с другой – чтобы его освободили от обязанности проэстамена и он мог бы удалиться из особножительного монастыря и навсегда переселиться для исихастской жизни в пустыню.

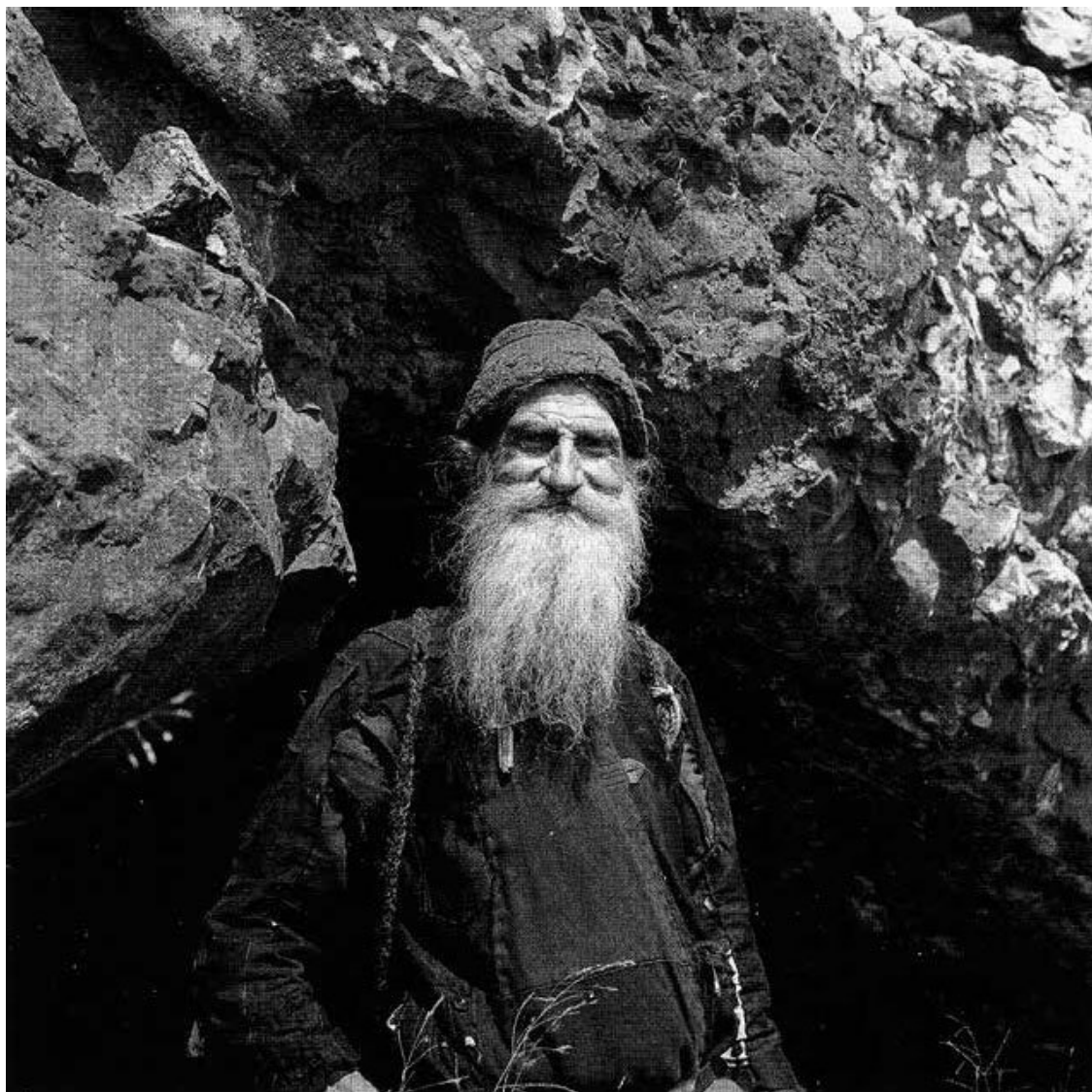
Юродства отца Филарета были, например, такие: однажды он без благословения уехал из монастыря в мир, где «совершал противные монашеству бесчинные действия, выставляя на посмешище святую обитель и монашеский образ». Когда его вызвали на Духовный собор, он дал следующее объяснение:

«Я тайно удалился из обители, сделав это сознательно. Я приплыл на остров Тасос для того, чтобы чрез сие действие быть обвинённым как преслушник и человек слабоумный, и в результате освободиться от звания проэстамена, оставшись в обители в качестве простого брата. Ныне же я заявляю, что слагаю с себя обязанности проэстамена по собственной воле и без принуждения, делаю это по причине моей слабости и неспособности. Святая обитель может использовать меня, начиная с сегодняшнего дня, как простого насельника и определить меня на любое благословенное послушание, которое она посчитает нужным».³⁵

Старец подал в Духовный собор письменный отказ от обязанности проэстамена и 12 января 1921 года принял послушание келаря.³⁶

³⁵ Протокол собрания Духовного собора от 1 октября 1920 года.

³⁶ *Келарь* – заведующий монастырским столом, кладовой со съестными припасами и их отпуском на монастырскую кухню.

Старец Филарет Карульский

Старец Филарет говорил отцу Хризостому: «Видно, для того, чтобы мне уйти из монастыря, надо было тебе прийти на смену». Оставив отца Хризостома своим преемником по послушанию, 12 марта 1921 года старец Филарет ушёл в пустыню. Пожив короткое время на побережье скита святой Анны, он удалился на Карулю,³⁷ где поселился в крохотной келии с церковкой, длиной в два метра, низко в скалах у воды. В этой церковке изредка, когда ему удавалось найти священника, совершалась Божественная Литургия.

Старец был настолько нестяжателен, что не хотел иметь запасов продуктов даже на два дня. «Я ведь завтра могу умереть», – говорил он. Старец всегда ходил босиком. Некоторые братья давали ему ботинки, а он, поносив их один день, отдавал другим. Его подрясники и рясы были старые, со многими заплатами и с «бахромой», однако он содержал их в чистоте.

У старца была кружка. Он говорил, что с помощью этой кружки делает сразу три дела: пьёт из неё воду, использует её в качестве половника, когда готовит пищу, и в качестве мастерка, когда строит что-то из камня.

Будучи нестяжателем, абсолютно нищим, одетым в рубище и необутым, старец по своей великой любви жертвовал своим безмолвием и ходил по соседним келиям собирать мило-

³⁷ *Кару́ля* – скалистая, неприступная оконечность Афонского полуострова, место подвигов многих аскетов.

стыню. После этого он шёл в другие келии – к более нищим, чем он сам, старцам и раздавал всё собранное.

Рукоделия отец Филарет не имел никакого. Он занимался умной молитвой. Молясь, он не держал в руках чётки, но произносил молитву Иисусову, делая пальцем такие движения, словно перебирает чётки. Все богослужения суточного круга он совершал, произнося Иисусову молитву, и единственной книгой в его келии был авва Исаак Сирийский. Этого святого отец Филарет имел тайноводителем и учителем.

Для большего безмолвия время от времени отец Филарет прятался в расщелинах скал, где молился на протяжении многих часов и даже дней. Бесы воздвигали на него брань, являлись перед ним, и он изгонял их знамением Честного Креста и возгласением: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» Иногда бесы со страшным грохотом бросали камни на жестяную крышу его каливки, однако при этом она оставалась невредимой.

Старца украшали великая простота и совершенное странничество. Он не знал о том, что в миру есть люди, никого ни о чём не спрашивал, не знался ни с кем, кроме монахов. Верил в то, что во всём мире существует только он сам и Бог. Он очень строго постился. Обычно старец вкушал плоды кактусов³⁸ и сухой хлеб. Кроме того, он собирал дикий сельдерей, варил его, и одной такой варки ему могло хватить на неделю. Когда к нему приходил духовник со Святыми Дарами, то, причастив, быстро уходил, потому что не мог терпеть зловоние, которое издавала пища старца – полусгнившая трава. Отец Филарет советовал и отцу Гедону, который тогда был молодым монахом:

– Ты, сынок, кушай вот такую травку, а в конце съешь сухарик. Делай так и выживешь.

Однако несмотря на то, что старец Филарет жил предельно аскетично, некоторое время он перестал причащаться. Он исповедался духовнику в том, что накануне Святого Причастия «съел окуня». Услышав это, духовник не разрешил ему причаститься. Один рассудительный старец, догадавшись, что здесь кроется какая-то ошибка, начал расспрашивать отца Филарета и докопался до истины. «Окунем» старец называл изъеденный червяками сухарь. Он не знал, что окунь – это рыба. По всей вероятности, кто-то сказал ему это в шутку, а он поверил и стал говорить другим, что ест окуня. Старец Филарет имел тонкий орган духовного чувства и исповедовался предельно чисто, с глубоким покаянием. Например, по прошествии многих лет он вспомнил и поисповедовался в том, что, находясь в монастыре Ставроникита на послушании садовника, обрывал крохотные плоды кабачков, не давая им вырасти. Старец считал это несправедливостью и безутешно плакал.

В те годы в келии святого Петра жил один старец, который подолгу отсутствовал в келии – он трудился на сборе лесных орехов. Этот старец сам попросил отца Филарета какое-то время пожить в его келии в качестве сторожа. Старец Филарет согласился, прожил в этой келии около трёх месяцев, однако там ему было не по душе, и он вернулся на Карулю. Когда старец келии святого Петра вернулся со сбора орехов, то потребовал с отца Филарета «арендную плату» за те месяцы, которые он прожил в его келии. Конечно, ни о какой арендной плате речь ранее не шла. Денег у старца Филарета не было, и поэтому он расстраивался и винил в случившемся себя. Встречая старца из келии святого Петра на тропинке, клал ему поклон и говорил: «Прости, благослови меня! Я потерял годы своей монашеской жизни! Увы, я не могу отдать арендную плату, которую я тебе должен». В конце концов, когда о происходящем узнали другие отцы, они сделали замечание старцу келии святого Петра, который несправедливо требовал денег у нестяжательного подвижника. Лишь после этого он прекратил беспокоить чудесного отца Филарета.

³⁸ На Афоне произрастает кактус цабр (греч. φραγκόσυκο), плоды которого едят в свежем виде.

Старец имел чистое покаяние и самоукорение. Он был очень мирен, никогда ни с кем не ругался. Однажды старец пришёл в келию Данилеев.³⁹ Как всегда, он был бос, тогда данилейский старец отец Геронтий сделал ему очень строгое замечание, отчитав его: «В другой раз не приходи сюда босым, надевай ботинки. Ах ты, лицемер, ишь изображаешь из себя святого!» Это произошло в присутствии многих паломников и молодых монахов, однако отец Филарет принял замечание невозмутимо и положил отцу Геронтию поклон, повторяя: «Прости меня, прости меня».

В следующий раз старец пришёл к Данилеям в ботинках и снял их за дверью келии. Все поразились его смирению. Тогда старец Геронтий отозвал его в сторонку и объяснил, что в прошлый раз сделал ему замечание, чтобы послушники учились самоукорению и смирению, научились говорить: «Прости, благослови», – а сам старец Филарет пусть ходит босой или обутый, как ему нравится.

На праздники подвижники Карули собирались в одной из калив, где была церковь, совершали службу, пели молебный канон и, если у них не было священника, сами читали Евангелие. Старца Филарета как грамотного просили читать Евангелие, и он читал его нараспев – как читают его священники в Греции. Один старец сделал ему замечание, что не следует читать Евангелие так, поскольку он не иерей. Отец Филарет сказал: «Простите, благословите», – но, продолжив читать, увлёкся непреодолимым желанием и снова стал произносить слова нараспев. Он делал это не для того, чтобы кому-то что-то показать, а по простоте и благоговейному расположению – как певческое приношение. На трапезе ему сделали прилюдное замечание, и он положил всем поклон со словами: «Благословите, отцы, я потерял годы моей монашеской жизни. Ну вот, снова читал Евангелие нараспев».

Как-то братство отца Герасима Песнописца⁴⁰ начало строить церковь в пещере Святых Отцов. Некоторые из братии скита, боясь, как бы стройка не осталась незаконченной, говорили, что лучше бы она и не начиналась. Старцы, слыша этот ропот, расстраивались. Тогда однажды их посетил старец Филарет и сказал: «Отцы, дело ваше богоугодно. Я видел святого Дионисия над пещерой, видел, как он благословляет её. Он сказал мне, что церковь в этой пещере будет хранить он сам и что эта церковь простоит до скончания века». С того времени старец Филарет по ночам стал тайно приходить в эту пещеру и там молиться.

За месяц до кончины у старца Филарета заболел желудок, и он ничего не ел. Старец предчувствовал свою кончину и готовился к ней. Попросив прощения у всех отцов-соседей, старец, не имея никого рядом, предал свой дух в руке Божии в 1956 году в возрасте 67 лет. Отцы нашли его бездыханным, со скрещёнными на груди руками, и похоронили в могиле, которую он сам себе приготовил. В его келии нашли корыто, в котором старец стирал свою одежду в морской воде. Кроме корыта в келии старца были ещё две вещи: одно одеяло и одна книга – «Слова» аввы Исаака Сирина. Его сосед старец Гавриил Карульский после обретения мощей отца Филарета хранил его останки в одной пещере вместе с останками своего старца Серафима. Честная глава старца Филарета – медово-жёлтого цвета.

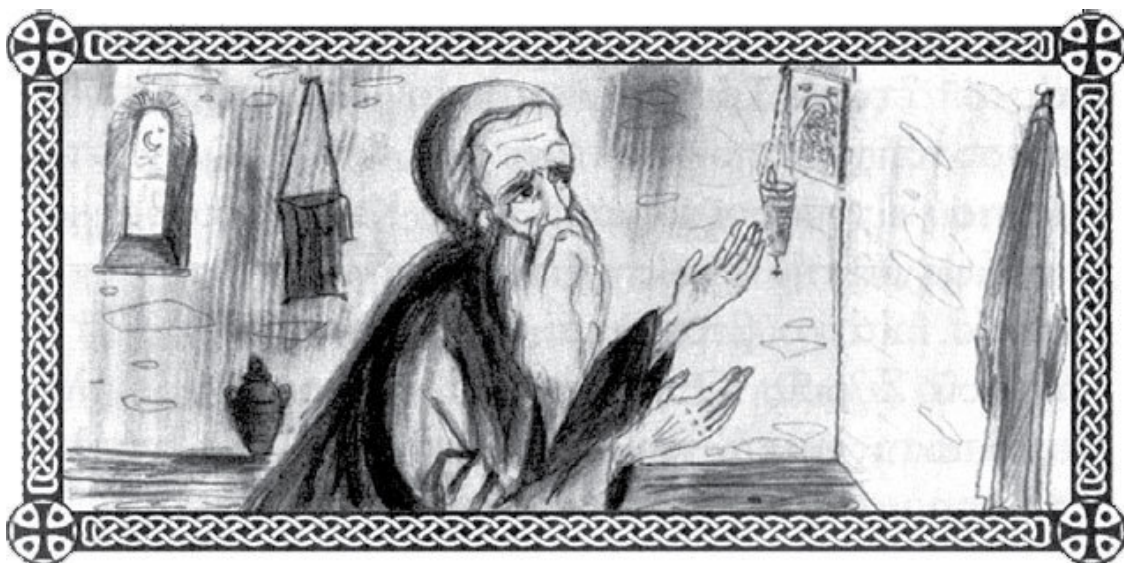
Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

³⁹ *Келия Данилеев* – большая общежительная келия на Катунках с храмом в честь Преподобных Отцов, на Святой Горе Афонской просиявших, основанная в 1880 г. блаженным старцем Даниилом, другом святителя Нектария Эгинского.

⁴⁰ *Монах Герасим Песнописец* (1905–1991) – добродетельный старец, подвизавшийся в Малом скиту святой Анны и за свои литургические труды удостоившийся от Вселенской Патриархии в 1955 году титула «Гимнограф Великой Христовой Церкви». Один из наиболее талантливых и плодовитых составителей православных богослужебных последований поствизантийской эпохи. Творческое наследие отца Герасима составляет более 37 тысяч страниц, на церковнославянский язык почти не переведено.

4. Исихаст Пётр, которого также называли Петракис

В миру его звали Георгий Лагибс. Он родился в 1891 году на острове Лемнос.⁴¹ По всей вероятности, в юности Георгий попал под дурное влияние, начал пить и часто злоупотреблял алкоголем (мы приводим этот факт по воспоминаниям людей, знавших старца в миру, и делаем это для того, чтобы были понятны некоторые особенности его монашеского подвига). Однако Благий Бог, увидев доброе произволение Георгия, дал его простой и редкой душе огненное покаяние, и он приехал на Святую Афонскую Гору для того, чтобы стать монахом. Это произошло в 1908 году.

Георгий искал жизни безмолвной. В то время на Афонской Горе был широко известен великий исихаст иеромонах Даниил из келии святого Петра. Стремление Георгия к безмолвию направило его стопы к отцу Даниилу – в самые удалённые и безмолвные места в предгорьях Афона, в келию, где подвизался преподобный Пётр Афонский – первый и величайший афонский исихаст. Георгий поступил в послушание к иеромонаху Даниилу, старался подражать ему в подвигах и во всём отсекал перед ним свою волю.

Послушнический период Георгия продлился дольше чем обычно. Только в 1926 году он был пострижен в монахи с именем Пётр. От своего освящённого старца он научился практической монашеской жизни и был посвящён им в тайны безмолвия, трезвения, затвора и непрестанной умной молитвы. Все эти делания отец Пётр не оставлял до самой смерти.

Принося глубокое покаяние за совершённые в ведении и неведении прегрешения юношеской жизни, отец Пётр попросил у своего старца благословение в течение трёх месяцев вовсе не пить воды для того, чтобы Бог простил ему грех пьянства. Это благословение старец ему дал. Конечно, эти три месяца отец Пётр ел на трапезе, в том числе разного рода овощи и травы, однако воды всё это время он действительно не пил.

Он всегда был готов на аскетические подвиги, преисполнен мужества. С великой простотой, которая отличала отца Петра, он оказывал своему старцу совершенное послушание. То доброе начало, тот духовный фундамент, который он заложил в своей монашеской юности, во многом определили его светлый путь.

⁴¹ Лёмнос – остров в Эгейском море, принадлежит Греции.

Приблизительно в 1929 году скончался отец Даниил. После его кончины отец Пётр несколько лет прожил вместе со своими духовными братьями.⁴² Потом один из них оставил Святую Гору и вернулся в мир. Остальные один за другим ушли из жизни земной и, по всей вероятности, отцу Петру стало трудно жить одному. Кроме этого, пришли страшные годы немецкой оккупации и голода.⁴³ По этим причинам в 1942 году отец Пётр был вынужден оставить келию своего пострига и переселиться в маленькую заброшенную каливу в Малом скиту святой Анны. Калива, в которой продолжил свой подвиг отец Пётр, находится чуть выше келии святого апостола Фомы и чуть ниже тропы, которая ведёт в Катунаки.⁴⁴ С тропы её не видно, потому что она находится внутри скалы. В каливе – две крохотные и низенькие комнатки. Внутренняя дверь ведёт из каливы вглубь скалы, где расположена довольно просторная пещера с отверстием, через которое в неё попадает свет. В этой пещере старец уединялся для большего безмолвия.

Эта пещера и стала духовной мастерской отца Петра, его духовным ульем. Сам он называл это место «моя сладкая Катуня».⁴⁵ Калива была для старца земным раем: живя там, он наслаждался мёдом безмолвия и вкушал небесную манну, поэтому сердце и не тянуло его за стены пещеры и келии. У него не было желания выходить из каливы и разговаривать с людьми. Отец Пётр – маленький, бедный и неграмотный Петракис – был исихастом великой меры. Он стяжал непрестанную молитву, часто видел Нетварный Свет и уже в этой жизни переживал райские состояния.

Старец Герасим Песнописец рассказывал:

«Я был знаком со старцем Петром (Петракисом), подвизавшемся на Катунаках. Да, это был действительно святой монах. Он много молился и крепко подвизался. Готовил старец один раз в неделю и потом всю неделю этим питался. Однажды он пришёл в нашу келию необычный, какой-то особый. Плача, отец Пётр поведал мне, что этой ночью, когда он молился, его окружил белый преизливающийся свет и его келия наполнилась благоуханием. Он говорил, что в это время чувствовал неизреченное блаженство, сладость и мир. Он не знал, находился ли тогда в своей келии или вне её. Ко мне старец пришёл, чтобы посоветоваться, спросить, что это было. Говорит: «Отец, вот ты человек образованный, начитанный, так скажи мне, пожалуйста: может быть, это прелесть сатаны, может, в пережитом мною таится какое-то зло?» Однако всё то, о чём он мне рассказывал, было плодом не зла, но благодати. Рассказывая мне об этом, старец вновь был пленён необычным состоянием, вышел из себя. В какой-то момент его лицо внезапно просияло. Я растерялся, молчал и не перебивал. Отец Пётр продолжал говорить, а я, слушая его, запоминал и пытался разобраться в том, что слышали мои уши. Ни в одном его слове я не различил и следа прелести. Когда он закончил, я сказал ему: «Надо прославить Бога, Который удостоил тебя всего этого. Это от Бога, никакая это не прелесть». Уходя, он попросил меня никому об этом не рассказывать и молиться Богу о том, чтобы Он помиловал и не попустил ему впасть в прелесть. Старец Пётр был человеком умной молитвы, монахом очень смиренным и простым».

По всей вероятности, когда отец Пётр приходил к отцу Герасиму, подобное событие произошло с ним впервые, потому что потом он переживал много сходных состояний, как впоследствии открыл старцу Паисию.⁴⁶ Старец часто видел Нетварный Свет, его непрестанную

⁴² Духовными братьями на Афоне называются постриженники одного старца.

⁴³ В 1941–1944 годах Греция была оккупирована войсками нацистской Германии и её союзников – Италии, Болгарии и Румынии. Эта оккупация принесла много страданий греческому народу.

⁴⁴ *Катунаки* – принадлежащая Великой Лавре скалистая местность у подножия Афонской Горы, между Малым скитом святой Анны и Карулей, где расположено более 20 келий и калив.

⁴⁵ *Катуни* – уменьшительная форма от Катунаки.

⁴⁶ *Старец Паисий Святогорец*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. М.: Святая Гора, 2009. С. 91–92.

молитву всегда сопровождали непрекращающиеся слёзы. Он вышел за границы уставов и правил.

Как-то раз некий старец спросил отца Петра, совершает ли он монашеское правило и богослужение суточного круга, и получил такой ответ: «Я ни правила не совершаю, ни богослужений не вычитываю. Когда заходит солнце, я сажусь есть, потом совершаю повечерие и сплю два часа. Просыпаюсь, когда уже стемнело. Тогда начинаю молиться по чёткам. После двух-трёх чёток ко мне приходят слёзы, и после этого до самого утра я не понимаю, где нахожусь. Летом я начинаю бдение с вечера. Когда выходит солнце, прихожу в себя и иду в келию». По всей вероятности, старец был восхищаем в созерцание.

«Не желая лишиться сладости Божией»,⁴⁷ отец Пётр жил затворником и избегал общения с людьми, чтобы не потерять общения с Богом. «Кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединённым».⁴⁸ Когда к старцу приходили отцы и стучали в дверь его келии, он чуть-чуть приоткрывал окошко и спрашивал, кто там и чего он хочет. Если посетитель говорил, что принёс ему благословение с трапезы, то старец просил оставить это возле двери, но из келии не выходил, пока принесённое не начинало гнить. Он делал это специально – чтобы отцы видели сгнившие продукты и больше их не приносили.

Калива старца Петра

Однажды его спросили, почему он не выходит из келии. «Если я выйду из келии, – ответил отец Пётр, – то мы скажем лишнее».

Старец был нестяжателем. Один-два раза в год он выходил из келии для того, чтобы продать своё рукоделие (он плёл чётки) и запастись сухарями. Каждый день он не вкушал пищу до девятого часа, а пищу с елеем не употреблял почти весь год. Его обычной пищей был травяной чай⁴⁹ с сухарём. Часто старец воздерживался от пищи по три дня, причём делая это по веле-

⁴⁷ Лествица. Слово 27, п. 27.

⁴⁸ Преподобный Исаак Сирин. Слово 41, О молчании.

⁴⁹ Травяной чай – часто в Греции в качестве чая заваривают цветы и листья железницы. Такой настой греки называют «горный чай».

нию сердца, а не только тогда, когда это предписывает церковный устав. Отец Пётр говорил иеромонаху Дионисию из Малого скита святой Анны, когда тот был молод:

«Чтобы жить в пустыни, надо быть хорошим поваром. Гляди: в воскресенье надо сварить фасоль и потом есть её до вторника. В среду в эту фасоль надо добавить немного водички и снова её отварить, а в четверг добавить туда помидорку. В пятницу – ещё немного соли и воды. Ну, а в субботу туда можно долить воды с мукой, а уж в воскресенье... да, в воскресенье приходит время готовить новое блюдо. Так на одной готовке можно прожить целую неделю».

Однажды, когда выпал снег, отец Дионисий (чья келия находилась на скале напротив) видел, как старец ходит взад-вперёд босиком по снегу. Отец Дионисий спросил, зачем он это делал, и тот по секрету рассказал, что был обуреваем плотской бранью и поэтому ходил босиком по снегу, преодолевая плотское разжжение.

Старец Пётр имел благодатное дарование видеть события, которым предстояло случиться. Однажды, по повелению свыше он пришёл к старцу каливы святого Харалампия в Новом скиту и сказал ему: «Геронда, приближается волк, который хочет утащить твою овечку, ты это знаешь? Твой послушник в опасности, ты наблюдаешь за ним? Будь к нему внимателен: иначе он уйдёт в мир и оставит монашество». И действительно, этого послушника душили помыслы, и он вынашивал план, желая уйти, а старец Пётр из своей кельи видел это. К несчастью, послушник ушёл в мир и женился, несмотря на все старания его старца.

Отец Пётр жил, совершенно не отвлекаясь ни на что постороннее. Летом он поднимался к Афонской вершине, объясняя это тем, что идёт собирать чай. Но в действительности старец шёл туда ради исихии. Там, высоко в горах, он предавался непрестанной умной молитве и созерцанию. Старец очень мало общался с людьми. Он старался жить невидимо для других, и поэтому о его жизни сохранилось очень мало сведений. Но, как говорят святые отцы, часто достаточно и одного слова, чтобы понять духовное состояние и внутреннее делание монаха. Ведь и одного глотка достаточно, чтобы распробовать вино, находящееся в большой бочке. Так и со старцем Петром. Если судить по тем немногим сведениям, которые сохранились, он, по всей вероятности, был человеком, преуспевшим в молитве. Отец Пётр был монахом молитвы, монахом внутреннего делания. Он был настоящим аскетом – монахом, понуждающим себя, подвижником, сочетающим практику и теорию.

Все отцы, знавшие старца Петра, говорят о нём самые добрые слова: «самый лучший в этих местах», «настоящий монах», «необыкновенно святой старец». И старец Паисий Святогорец говорил, что из подвижников, которых он знал, отец Пётр достиг наивысшей меры, и поэтому сам отец Паисий хотел стать его послушником.

Отец Ефрем Катунакский⁵⁰ имел глубокое благоговение к отцу Петру и говорил: «Встреча с этим человеком, беседа оставляли в сердце какую-то сладость. Он никогда не шатался по бдениям, чтобы рыбки поест, никогда и никому не послужил поводом для соблазна. Прожить на Святой Горе всю жизнь и находиться со всеми в мире – это дорогого стоит».

Встречая на дороге других монахов, отец Пётр не говорил им обычное: «Благословите!» Он приветствовал их следующим – намного более глубоким – приветствием: «Отцы, мы уходим⁵¹».

Старец был очень деликатным человеком. Он избегал ночёвки в чужих келиях, чтобы и отцов не обременять, и самому не терять безмолвия и не нарушать своего устава. Однажды старец Иоаким Карейский из ватопедской каливы Вознесения убеждал старца переночевать у

⁵⁰ *Старец Ефрем Катунакский* (1912–1998) провёл 65 лет строгой подвижнической жизни на Святой Горе, духовный преемник старца Иосифа Исихаста, учитель послушания и молитвы.

⁵¹ То есть умираем. – *Прим. сост.*

него, однако отец Пётр никак не соглашался. Из Кариес он пешком пошёл в Дафни. По дороге стемнело, начался дождь, и старцу пришлось ночевать в дупле большого каштанового дерева.

Почувствовав, что приближается кончина, старец оставил свою келию в Малом скиту святой Анны и пошёл умирать в келию своего пострига – каливу святого Петра, желая там оставить свои кости. Здесь он прожил несколько месяцев и скончался в 1958 году, в день памяти святого Петра Афонского, имя которого носил и в честь которого был освящён храм его келии. После его кончины нашли только несколько сухарей в старой корзине и полбутылки оливкового масла для лампы. Ни кровати, ни подстилки в каливе не было.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

5. Подвижник Гавриил Карульский

Старец Гавриил, великий карульский подвижник, родился в 1903 году в деревне Платáni в Ахайи.⁵² Его отца звали Димитрий Воязбглу, а мать – Пагбна. В крещении ему было дано имя Георгий.

Однажды, когда Георгий был ещё младенцем, мать, держа его в своих объятиях, приговаривала: «Когда мой сыночек вырастет, я его женю». А младенец ответил: «Я стану монахом». – «Ой-ой-ой, Боже упаси!» – испугалась мать.

Придя в совершенный возраст, Георгий стал полицейским и служил в Каламáте. Когда он принял непреклонное решение стать монахом, его сестра видела сон: брат уходит в монахи, а она осыпает его цветами. Он спросил её: «Ты хочешь, чтобы я стал монахом?» И она ему ответила: «А разве есть на свете что-нибудь лучше?» Когда впоследствии их родители вспоминали об этом, они очень сетовали, что сестра, зная о намерениях брата, ничего им не рассказала. Из-за этого они били несчастную девушку. Так позднее вспоминал сам старец.

В 1930 году, в возрасте 27 лет, Георгий оставил суету мира и прибыл на Святую Афонскую Гору, чтобы стать монахом. Сильное рвение и стремление к высшей аскетической жизни привели стопы Георгия на суровую Карулю – в самое сухое и лишённое утешений место на всём Афоне. Там, в одной пещере, при которой была церковь святых Архангелов, жил тогда старец Серафим. Этот отец Серафим, будучи молодым монахом, однажды преслушался своего старца Гавриила, основателя сего аскетирия,⁵³ и по попущению Божию стал одержимым. Его старец Гавриил с болью обратился к Архангелу на храмовой иконе, спрашивая:

– Что же с ним такое, мой святой Архангеле?

От иконы раздался голос:

– Я наказываю упряма для того, чтобы он взялся за ум.

– Ну, давай тогда его исцелим, – попросил старец Гавриил.

Отец Серафим после этих слов тут же избавился от власти диавола и стал здоров.

В другой раз отец Серафим поругался со своим старцем Гавриилом, и тот его прогнал. Отец Серафим пошёл к одному духовнику, рассказал об этом и получил следующий совет:

⁵² Ахайя – область на юге Балканского полуострова (на севере Пелопоннеса).

⁵³ Аскетерий – уединённое монашеское жилище, место аскетических подвигов.

«Возвращайся, мил человек, положи своему старцу поклон и сделай это с наибольшим по возможности смирением, поскольку диавол всеми силами навалился, чтобы погубить хотя бы одного из вас. И знай: вскоре один из вас отойдёт ко Господу». Отец Серафим вернулся к старцу, помирился с ним, а вскоре его старец, отец Гавриил, скончался.

Вот к этому-то старцу Серафиму и поступил в послушание юный Георгий и начал подвизаться в отсечении своей воли и самоотвержении.

17 марта 1933 года Георгия постригли с именем Гавриил в честь святого Архангела, покровителя аскетирия, и в честь его «духовного деда» – старца Гавриила.

В день пострига он увидел, как бес в образе обезьяны прыгает прямо перед ним. «Геронда, обезьяна!» – закричал отец Гавриил. «Скажи ей: “Во огонь вечный!”», – ответил старец. И как только отец Гавриил повторил эти слова, бес-обезьяна исчезла.

В послушании у своего старца отец Гавриил прожил шесть лет. Старец Серафим отошёл ко Господу вечером, сразу же после возгласа «Молитвами святых отец наших...» в конце вечерни, которую читал отец Гавриил. С почтением и любовью он похоронил старца и, имея в качестве напутствия его благословение, отдал себя большому подвижническому подвигам. Это благословение он унаследовал, поскольку честно дослужил старцу до конца и его упокоил.

Отец Гавриил искал всё больших и больших подвигов: спал на досках и вместо подушки клал камень, держал строжайшие посты. В аскезе он «шёл по самому краю обрыва». Его обычной трапезой был один сухарь: он не ел ни горох, ни фасоль, поскольку считал их лакомством. Так, он ел только сухари, немного растолчённых в ступе миндальных орехов, а в августе – несколько смокв. Возле келии он посадил виноградную лозу, но виноград раздавал другим, отговариваясь, что сам не может есть его, потому что у него нет зубов. Также он питался дикими травами и листьями одуванчика. Подвижник не нарушал своего поста даже на Пасху. Такой образ жизни старец утверждал на апостольском изречении *подвизаясь от всех да воздержится*,⁵⁴ понимая слова «от всех» во временном смысле. Однажды в монастыре Дионисиат на Пасху отец Гавриил попросил, чтобы ему дали то, что осталось от Страстной седмицы. Когда ему сказали, что всё уже выбросили, он в сам день Воскресения Христова поел только хлеба и маслин. Однажды старец оказался на трапезе в общежительном монастыре. В тот день было разрешение на всё, однако отец Гавриил не нарушил своего устава, не разрешил своего поста. Он ел только хлеб и маслины. В другой раз там же было предложено повидло. Увидев его, старец попросил: «Уберите отсюда эти сопли».

Свой пост отец Гавриил нарушал крайне редко. За последние 14 лет своей жизни он ни разу не вкусил пищи с елеем. В конце жизни, когда старца спрашивали, почему он так жёстко постится, тот отвечал: «Ну как почему? Монахом я несколько раз ел скоромное, но никакой пользы мне это не принесло. А когда я был мирянином, то ел много и за это сейчас держу посты».

Поскольку старец много постился, одни величали его постником, а другие осуждали как прельщённого. Отец Гавриил Дионисиатский говорил: «Он был великим аскетом, великим понудителем себя». Отец Геронтий из келии Данилеев вспоминал: «Он был один из великих аскетов, великий понудитель себя, однако уклонялся в крайности». Старец Паисий говорил, что «отец Гавриил был настоящий аскет». Старец Иларион утверждал, что «о старце Гаврииле надо писать книги». Иеромонах Григорий из келии Данилеев свидетельствовал: «Он как подвижник шёл по самому краю. Великое подвижничество! Возводя у себя в келии каменные стены, он трудился на пределе человеческих сил. Он причащался на каждой Божественной Литургии, поскольку был великим постником».

Однажды братство Данилеев совершало поминовение в честь своего старца. После поминальной трапезы они послали одного молодого человека отнести еду с этой трапезы отцу Гав-

⁵⁴ 1 Кор. 9:25.

риилу. Увидев юношу, старец сказал: «Добрый мой мальчик, к чему столько труда? Слава Богу, в этом году Бог дал мне столько благословений. Гляди, сколько у меня картошки!» Сказав это, он показал юноше два-три килограмма картошки, каждая из которых была размером не больше куриного яйца. Варёные картофелины отец Гавриил считал изысканной пищей. Бобы он ел вместе со стручком. Старец посадил и несколько кустов мальвы, листья которой ел сырыми. Иногда, когда Данилеи что-то ему присылали, он в благодарность давал им стебли и листья мальвы, но только просил их не есть её сырыми, а отваривать.

Однажды, придя к Данилеям в день своего Ангела, отец Гавриил попросил у них горсть риса для того, чтобы украсить праздничную трапезу плоской риса без масла.

В келии старца стоял глиняный горшок с мукой. Отверстие этого горшка было покрыто тряпчочкой и перетянато тесьмой. Одному посетителю старец предложил: «Ну-ка, давай посмотрим: не растащили ли воры-муравьи мою муку?» Он открыл сосуд и убедился, что «воры» ничего не растащили. Старец устраивал эти «представления» не просто так – он хотел, чтобы посетители видели, что у него есть мука, и думали, будто он замешивает из неё тесто и ест горячий хлеб.

Каждую ночь отец Гавриил совершал бдение – часов шесть-восемь. Среди кустов и колючек он расчистил узенькую тропу, примерно в полметра шириной и 40–50 метров длиной. Старец застелил эту тропу тряпками и домоткаными ковриками и по ночам ходил по ней, творя Иисусову молитву. Он делал это для того, чтобы его не поборол сон, а когда уставал, то присаживался на пенёк или камень. Разравнивая эту дорожку, подвижник выбивался из сил, но он сделал это, потому что боялся бродить по краю пропасти возле своей келии, где диавол мог легко столкнуть его вниз. Совершая всенощное бдение внутри своей келии, отец Гавриил держался за верёвку, которая обоими концами была прикреплена к потолку. Старец совершал бесчисленные земные поклоны – словно в ногах у него были не мышцы, а стальные пружины.

В конце своих шестичасовых бдений старец кадил иконы своей церкви и пел: «Егда поставятся престолы, и отверзутся книги, и Бог на суде сядет...»⁵⁵ – вспоминая при этом Страшный суд. Желая не терять память смертную, он выкопал могилу недалеко от поклонной иконы Пресвятой Богородицы на тропе, ведущей к скиту святой Анны. Однако какой-то человек написал рядом с этой могилой: «Плод прелести», – и поставил стрелочку. Узнав об этом, отец Гавриил посоветовался со своим духовником, игуменом монастыря Дионисиат Гавриилом, и по его благословению могилу эту закопал.

Старец настойчиво и упорно избегал празднословия. Когда один знакомый священнослужитель захотел его посетить, он ответил: «Если хочешь, чтобы мы говорили духовно, приезжай, будем разговаривать весь день и всю ночь, но на празднословие у меня времени нет». Отец Гавриил был человеком молчания: он говорил и советовал, только если его спрашивали. Он обладал даром учительства.

Из собственного опыта старец Гавриил убедился в том, насколько губительна страсть осуждения, и избегал её. Некогда он осудил одного монаха, и потом всю ночь диавол будоражил, мучил и искушал его кошмарами. Он пришёл в ужас от этого искушения и хорошо понял то, что написано в «Лествице»: «Осуждение одно, само по себе, может нас погубить совершенно».⁵⁶ Людям, приходящим к келии старца, было сложно его заметить – он часто скрывался среди скал. Он избегал людей, потому что они начинали с любопытством расспрашивать: «Откуда ты родом? А что ты тут ешь? А как вообще ты тут живёшь?» и прочие глупости. Старец говорил: «Неужели ради этого я пришёл сюда? Я поселился в пустыне для того, чтобы терять своё время? Конечно, нет. Сюда я пришёл, чтобы иметь непрестанное общение с Господом, чтобы постоянно молиться».

⁵⁵ Триодъ Постная. Неделя мясопустная. Вечерня, славник стихир на «Господи воззвах».

⁵⁶ Лествица. Слово 10, п. 15.

Сам старец рассказывал, что иногда происходило следующее: «Бывает, приходят в каливу некоторые люди, чтобы просто со мной поболтать. Я сижу в скалах, они проходят совсем рядом, чуть ли не спотыкаются о мои ноги, но меня не замечают». Оттого, что старец молился, Бог делал его невидимым для любителей пустословия.

Высокопреосвященнейший митрополит Верейский и Наусский кир-Пантелеимон описывает своё первое посещение старца. Тогда владыка Пантелеимон был ещё учеником Афониады,⁵⁷ а со старцем Гавриилом он предварительно переписывался.

«Братия из келии Данилеев объяснили мне, как найти старца Гавриила. Следуя их указаниям, я с трудом спустился к крутым скалам под афонской вершиной и нашёл его келию. Постучал и стал ждать. Не последовало никакого ответа. Я снова постучал, и вновь ответом мне было молчание. Я закричал: “Отец Гавриил! Это я, Иоанн Калпакидис!” Опять никакого ответа. Абсолютное молчание.

Меня окружали только острые скалы, а внизу плескались морские волны. Я сел на камень и, следуя совету отца Нифонта, начал петь “Богородице Дево, радуйся...”, молебный канон Пресвятой Богородице и другие песнопения, которые помнил наизусть.

Время шло, но дверь не открывалась, отца Гавриила не было видно. Наступил полдень. Вдруг дверь резко отворилась, и я увидел на пороге старца.

– Ты что – ещё здесь? – спросил он меня.

– А как я мог уйти, геронда? – с трепетом ответил я. – Да и куда? Я ведь пришёл, чтобы Вас увидеть. Это было моей целью.

– Ну ладно. Заходи внутрь, – сказал он мне.

Я заглянул внутрь. Заходить? Но куда? В келии старца было... некуда зайти! Сразу за дверью лежала доска, а за ней зияла открытая пропасть! Старец понял, почему я не двигаюсь с места, и вкратце объяснил мне, что совсем недавно на его келию упала часть скалы и разрушила полкелии вместе с крохотной церквушкой, поэтому сейчас он был вынужден ютиться в тесном углу. Он сказал мне, что просил Пресвятую Богородицу и Господа Иисуса Христа послать ангела, который удерживал бы другую часть скалы, готовую рухнуть на то, что осталось от каливы. Если и она свалится, то от келии не останется уже совсем ничего.

Кое-как я протиснулся внутрь и осторожно уселся. Старец начал говорить со мной о Пресвятой Богородице, о Её посещении Афона, о Её покровительстве и заботе о монахах. Постепенно он перевёл разговор на тему умной молитвы и подвижничества отцов. Моё внимание было приковано к его рассказу, и я слушал с благоговением долгое время, не прерывая, но в какой-то момент я мельком взглянул на свои часы. Это не ускользнуло от взора старца, и он спросил:

– Ты что – спешишь? Тебе надо уходить?

– Нет, геронда, – ответил я ему, – но Данилеи сказали, чтобы я возвращался к обеду.

Старец только развёл руками от такого ответа, наклонился ко мне и сказал:

– Ничего себе! Я даю тебе самую сердцевину, а ты хочешь пойти напиться себя внешним? Не волнуйся: сегодня угощать тебя буду я.

Я расстроился из-за допущенной ошибки и попросил у старца прощения:

– Нет, геронда, я останусь. Я пришёл сюда для того, чтобы Вас встретить, и не хочу упустить ни одного Вашего слова.

⁵⁷ *Афониада* – специализированная церковная средняя школа-пансион для мальчиков, расположенная в Кариес на Афоне.

Храм святых Архангелов и келья старца Гавриила

Отец Гавриил продолжил говорить со мной о тайнах умной молитвы, а я слушал его в молчании, не произнося ни слова. Пришло время трапезы, старец поднялся и принёс пустую консервную банку и бутылку, внутри которой плескалась какая-то жидкость.

– Вот, принёс тебе попить, – сказал он, наливая жидкость из бутылки. – Понравится – налью ещё.

Не зная, что это за жидкость, я сделал несколько глотков. Но к такому питию я был непривычен, и выпитое камнем стало у меня в желудке.

– Налить ещё? – спросил отец Гавриил.

– Нет, геронда, благодарю Вас, – ответил я ему.

– Значит, не понравилось, – заключил он.

– Нет, почему же, мне очень понравилось, но больше не хочу. Большое спасибо, – ответил я.

Принесённая жидкость была отваром кактусов, которыми он питался. Отец Гавриил никогда не ел пищу с растительным маслом. Я даже слышал такую историю: однажды к отцу Гавриилу пришёл юноша, желавший стать монахом и подвизаться рядом с ним. Прошло много времени, и у юноши, расспрашивавшего старца о разных духовных вещах, ненароком вырвалось: “Так когда же, геронда, мы будем есть масло?” На это последовал ответ: “Никогда. Даже на Пасху”. Настолько строгой и жёсткой была жизнь старца, подвергавшего себя неопишным испытаниям.

Знакомство со старцем Гавриилом охватило мою душу порывом навсегда остаться на Святой Афонской Горе. Старец был самым священным явлением, что я когда-либо встречал на своём жизненном пути».

Непрестанная молитва была главным делом старца Гавриила. Чтобы бороться с диаволом непрестанной молитвой, он уходил в пещеру, которая находилась высоко в горах, справа от вымощенной камнями тропы, ведущей вверх от карульской пристани. Она представляла собой углубление в скале, отгороженное стеной из камней, сложенных без цемента. Там вместо кровати у старца была широкая доска, а вместо подушки – пенёк, обёрнутый тряпкой. Тропы до этой пещеры не было. В этой пещере он скрывался по нескольку дней и там, не отвлекаясь ни на что, отдавал себя любимой им умной молитве.

Старец ходил на Божественную Литургию в скит святой Анны и в другие места, где она совершалась. Однажды утром, возвращаясь с Литургии, он на дороге встретил знакомого священнослужителя. Глаза старца Гавриила выглядели уставшими от бдения, но он был очень радостным. Не в состоянии скрыть переживаемую им радость, он вдохновенно сказал: «Отец, слышал о ядерном оружии? Знай: всё это ядерное оружие, которым хвалятся люди мирские, такая ерунда! У нас есть оружие посильнее! Молитва и Божественное Причащение делают нас пламенными “аки львов, огонь изрыгающих”. Разве может к нам приблизиться диавол? Мы повелеваем ему – и он рассыпается в прах, убегает от нас далеко!.. Ух!»

Время от времени старец приглашал в свою келию иеромонаха, чтобы Литургия совершалась и у него. Однажды он пригласил будущего великого старца отца Ефрема Катунакского. Подумав, что вместе с Божественной Литургией отец Гавриил захочет совершить панихиду по своему старцу, отец Ефрем пришёл в его келию на час раньше назначенного времени. Раздосадованный отец Гавриил сказал: «Батюшка, я тебе во сколько сказал приходить? Если бы ты знал, какой я сейчас вкушал небесный мёд! А ты пришёл и меня прервал...» В другой раз он говорил отцу Ефрему: «Ты не можешь себе представить, какую любовь я ощущаю в себе, когда молюсь о всех в море плавающих, глядя на идущий по морю корабль. Бог словно говорит мне: “Правильно делаешь, что молишься об этих людях”».

Старец Гавриил привык причащаться часто, если возможно, то и каждый день. Таков был его устав. Он был всегда готов к частому Божественному Причащению, потому что постоянно постился, совершал бдения и молился, возделывая в себе покаяние и смирение. Когда-то ему сказали, что если он хочет причащаться часто, то не должен вкушать масла, и он абсолютно точно исполнил этот совет.

Ещё в уставе старца была следующая особенность: после Божественной Литургии, которая совершалась в его келии, он не разговаривал с иеромонахом. Клад ему поклон, целовал

руку, давал баночку законсервированных кальмаров («вознаграждение» за совершение Литургии) и уходил к себе.

Много раз старец Гавриил подвергался нападению бесов. Как-то раз отец М. сказал старцу: «Для того, чтобы убедиться в существовании диавола, я должен его увидеть». – «Если ты его увидишь, – ответил отец Гавриил, – то умрёшь от страха». Сам старец однажды на молитве увидел, как демоны в виде осинога роя нападают на него.

И вот, словно деннонощных аскетических подвигов и великих постов старцу Гавриилу было недостаточно, он ради большей аскезы днём занимался очень тяжёлым физическим трудом: разбивал скалы, строил каменные террасы и заполнял их принесённой издалека, просеянной через сито землёй. В одной такой террасе была тысяча вёдер⁵⁸ просеянной земли, в другой – полторы тысячи, в третьей – две с половиной тысячи. Внешне отец Гавриил выглядел измождённым подвижником – кожа да кости. И вот, этот аскет один совершал такой непосильный труд! Когда он покрывался обильным потом от изнурительной физической работы и поклонов, то менял майку и продолжал свой труд. Движимый любовью, старец иногда по ночам, чтобы его не видели, приходил к келиям других отцов и приносил им вёдра с просеянной землёй. В этих районах, среди безводных скал, земля драгоценна: имея немного земли, подвижники могут посадить что-нибудь из бобовых или овощей. Старец Гавриил раздавал как милостыню свой труд и пот ради того, чтобы его братьям стало чуточку легче. У себя старец посадил один розовый куст. Когда его спрашивали, кому нужны розы в пустыне, он отвечал: «Знаешь, когда я иду в скит святой Анны и прохожу мимо часовни Пресвятой Богородицы на тропе, то я прикладываюсь к иконе Божией Матери и оставляю Ей – моей Матушке – одну розу». Этот суровый и бескомпромиссный подвижник имел настолько тонкий орган духовного чувства, что радовался возможности принести Пресвятой Богородице розу, выращенную своими руками.

Любовь и тонкий орган духовного чувства старца побуждали его заботиться и о птицах небесных. Стамеской старец выдолбил в скале небольшое углубление, а рядом сравнял плоскость камня, сделав её гладкой, подобной столу. Два раза в день он наполнял это углубление дождевой водой и сыпал рядом размоченные сухари. Так старец заботился о птицах и их питал. Когда старец хлопал в ладоши и кричал особым образом, то вдруг неизвестно откуда появлялось целое облако желтогрудок, голубей и других птиц. Птицы клевали размоченные сухари, пили воду, плескались и, насытившись, улетали. На их место прилетали другие. У старца был один друг – снегирь, которого он называл Лалулис. С этим снегирём старец дружил больше, чем с другими птицами, и заботился о нём особо.

В годы гражданской войны⁵⁹ старец Гавриил помогал одному скрывавшемуся на Святой Горе жандарму по имени Христос. Жандарм скрывался в пещерах близ Малого скита святой Анны и на побережье в районе Катунак. Отец Гавриил носил ему пищу и делал это постоянно, однако несчастный был одержим нечистым духом. Однажды он попытался ударить старца молотком по голове с криком: «Ты не должен был приносить мне хлеб!» Старец Гавриил чудом увернулся и говорил, что «с того времени в Христосе живёт легион бесов».

Старец духом прозревал некоторые вещи и предупреждал о них. Своему родному брату, который недолгое время жил вместе с ним как послушник, а затем предпочёл вернуться в мир, старец Гавриил предсказал, что тот проклянёт день, в который вернётся в мир. И действительно, в миру брат отца Гавриила попал в руки шайки разбойников-коммунистов и был сожжён заживо.

⁵⁸ В качестве вёдер на Афоне обычно используются жестяные банки из-под маслин, брынзы и прочего, объёмом примерно 25 литров.

⁵⁹ *Гражданская война в Греции* (1946–1949) – велась между правительственной армией Греции монархического режима и коммунистами-мятежниками; закончилась война поражением коммунистов.

Как-то один человек показал старцу Гавриилу пригоршню золотых монет и сказал: «Вот что имеет значение!» Старец назвал его нигилистом и масоном и предупредил, что его конец близок. И действительно, через несколько дней несчастный скончался.

Увидев одного мирянина, который трудился на Кавсокаливии⁶⁰ рабочим, старец его окликнул, назвав его родную деревню.

Как-то в каливу старца Гавриила зашёл один юноша и попросил благословения остаться у него послушником. Но старец, несмотря на то, что хотел иметь послушника, выгнал его, почувствовав исходящее от него зловоние. Жизненный путь этого юноши доказал правоту отца Гавриила и чистоту его дарований. Юноша стал монахом, но впоследствии отказался от ангельского образа и не только женился, но и стал монахоборцем, святоборцем и богоборцем.

В начале своего монашеского пути отец Гавриил какое-то время был зилотом.⁶¹ Старец присоединился к одной из зилотских группировок и не имел литургического общения со святогорскими монастырями и с Церковью. В этот период старец отличался особой жёсткостью, каким-то фанатизмом. В то время по многим причинам – из-за своего характера, молодости и ревности – он был очень резок и временами груб, вступал в споры и доходил до ссор с другими отцами, даже со своим старцем. Впоследствии старец Гавриил смягчился и вернулся в мирное устроение. Его друг – старец Симеон Кавсокаливит – помог ему оставить зилотство. Отец Симеон прочитал отцу Гавриилу 89-е Слово святого Исаака Сирина «О вреде неразумной ревности».

Однажды находясь на Божественной Литургии в Великой Лавре, отец Гавриил во время «Тебе поем...» ощутил чрезвычайное умиление и почувствовал внутреннее извещение о том, что должен следовать Церкви, а не – как он думал до сего дня – зилотам. В 1955 году старец оставил зилотство окончательно и бесповоротно. О том, как это произошло, он рассказывал отцу Виссариону, смотрителю конака⁶² монастыря Дионисиат:

«Рассказать тебе, что со мной происходит? Всё, с сегодняшнего дня я меняюсь. Я больше не зилот. Мой ум был нечист, молитва – мутная. “Почему? Что мне мешает, что вредит?” – размышлял я. И надумал как-нибудь пойти и постоять на Литургии тех, кто поминает Патриарха. Сегодня я был на Литургии в Ставрониките. Седмичным⁶³ был иеромонах Евфимий из келии Эставромёну, духовник. Он служит в Ставрониките каждый воскресный день. На Божественной Литургии во мне что-то произошло. Мой ум очистился. Так что отныне я к зилотам – ни ногой. Ведь в прелести я был и совсем этого не понимал. Слава Богу, хоть сейчас понял».

И хотя старец Гавриил оставил глупую ревность не по разуму, однако сохранил в себе ревность в вопросах веры и Предания.

Однажды старец был возмущён протестантскими взглядами своего собеседника. Внезапно прогремел гром, и в восьми метрах от беседующих в скалу ударила молния, которая прервала бесплодный разговор.

Во время одного престольного праздника какой-то человек сказал отцу Гавриилу, что «Динамис!»⁶⁴ во время Трисвятого на Литургии является модернистской прибавкой, и старец Гавриил начал ругать певчих.

⁶⁰ *Кавсокаливия* (греч. καίω – сжигать и καλύβη – хижина) – особножительный скит с 40 каливами. Находится по дороге к Великой Лавре, на скалах. Название скита происходит от имени основателя – преподобного Максима Кавсокаливита († 13 янв. 1365), который всякий раз, когда рядом с его каливой поселялись другие монахи, сжигал её, поднимаясь всё выше в горы.

⁶¹ *Зилоты* – «ревнители чистой веры», не поддерживающие молитвенного общения со Вселенской Патриархией по причине её экуменических контактов и перехода на новый стиль.

⁶² *Коняк* – подворье афонского монастыря в Кариес, Дафни, где оно обычно представляет собой отдельную келью с храмом, или вне Афона (в Салониках или Афинах), где часто афонский конак – просто квартира в жилом многоэтажном доме.

⁶³ *Седмичный* – иеромонах, ежедневно совершающий суточный круг богослужения и Божественную Литургию в течение всей седмицы.

⁶⁴ «*Динамис*» (от греч. δύναμις – сила) – вставка (возглашение диакона или священника и повторение хором) на Трисвятом во время Божественной Литургии.

Как-то раз, идя по тропе, старец встретил мирского священника и увидел, что тот курит. Отведя его в сторонку, отец Гавриил обличил его, спросив: «Ты у нас кто: батюшка или шут гороховый?»

Часто отец Гавриил просил Бога: «Боже мой, пришли мне грешника, чтобы я заразил его Твоей благодатью».

Один стремящийся к монашеству молодой человек, студент богословского факультета, спросил отца Гавриила, нужно ли ему оканчивать учёбу и получать диплом. «Получай, – ответил старец, – и затем приезжай для своего предназначения». Юноша послушался. Получив диплом, приехал на Святую Афонскую Гору, положил послушнический поклон⁶⁵ и около 100 дней прожил со старцем. Отец Гавриил милостиво и бережно относился к молодому послушнику и, снисходя ему в его аскезе, ел вместе с ним фасоль и бобы без масла. Старец часто советовал ему: «Хочу, чтобы у тебя были херувимские очи. Хочу, чтобы ты не был вялым, чтобы твой ум был быстродвижным. Я дам тебе самое лучшее имя, однако гляди в оба, горе тебе будет, если обесчестишь его».

Отец Гавриил был воодушевлённым ревнителем послушания, которому он прекрасно научился в течение шестилетнего «курса обучения» у своего старца Серафима, а также из сочинений отцов-подвижников. Старец очень много читал и изучал «Добротолюбие». Особенно он любил книгу «Эвергетинос».⁶⁶ О ней он говорил: «Я восемнадцать раз читал “Эвергетинос”, и если буду жив, прочитаю ещё столько же. Не ищи другой книги. Из „Эвергетиноса“ ты получишь ответы на все свои вопросы. Там внутри – собрание отцов». Обо всём старец спрашивал своего духовника, дионисиатского игумена Гавриила, а о вещах простых советовался с катунакским старцем – отцом Христодулом-сапожником. Отец Гавриил учил своего послушника: «Твой старец – это твой Бог. Ты разговаривал со своим старцем? Ты говорил со своим Богом. Если твой старец скажет тебе: “Бросься в море!” – то один раз переспроси его: “Геронда, что ты такое несёшь, зачем же мне туда бросаться?” Но если он и во второй раз скажет тебе: “Бросься!” – бросайся».

Также старец говорил: «Если ты упокоишь старость своего геронды, то Святой Бог пошлёт человека, который упокоит твою старость». Старец не разрешал своему послушнику ни с кем разговаривать, он запрещал ему петь по нотным книгам и вообще петь на Литургиях. Если была необходимость, на Литургиях пел сам старец. Когда во время богослужения послушник старца Гавриила читал тропари наизусть, то старец ругал его.

Однажды отец Гавриил вместе с послушником пошёл в скит святой Анны, чтобы проведать давнего знакомого – старца Арсения-чулочника.⁶⁷ Старцы сели напротив друг друга, промолчали два часа и разошлись, не сказав ни слова. Как и о чём они беседовали?

В какой-то момент послушник старца не выдержал жёсткой жизни на Каруле и захотел уйти. Тогда отец Гавриил послал его к своему другу – игумену монастыря Дионисиат Гавриилу, где послушник и остался навсегда, став монахом. Старец говорил: «Бог ему в помощь, он много потрудился в послушании».

Старец помогал святой обители Дионисиат – главным образом в духовных вопросах. За это монастырь давал ему что-нибудь в благословение. По любви отцы говорили: «Отец Гавриил, возьми ещё продуктов, возьми и масла», – но он, соблюдая монашескую акривию, брал лишь необходимое: «Если я возьму больше, то и чётко за вас тянуть я должен буду больше». Старец Гавриил брал в благословение лишь самое нужное, но и за это считал должным отплачивать либо другими благословениями, либо молитвой. Старец поддерживал молодых дио-

⁶⁵ *Поклон послушничества* – поклон, который мирянин кладёт перед храмовой иконой и старцем, становясь послушником.

⁶⁶ «*Эвергетинός*» – систематизированный сборник аскетических поучений святых отцов, составленный около XI века основателем константинопольского монастыря Эвергетиды (Богородицы Благодетельницы) преподобным Павлом и впервые изданный в 1783 году преподобным Никодимом Святогорцем.

⁶⁷ То есть рукоделием старца было вязание чулок.

нисиатских монахов и говорил, что «это моего поля ягоды». Отцу Симеону, бывшему тогда молодым монахом, он советовал: «Читай авву Дорофея – и молитва будет бить как пулёмёт». Святому игумену монастыря Дионисиат старец с почетом говорил: «Геронда, не выезжай в мир, иначе диавол будет расстраивать твоё стадо, и не обойдётся без больших падений». На одного молодого монаха старец наложил епитимию молчать определённый срок.

Один дионисиатский монах сказал старцу: «У меня есть помысл уйти в пустыню». Старец ответил: «Нет, ты не для пустыни. Оставайся в монастыре и работай».

Старец Виссарион Дионисиатский вспоминал:

«Старец Гавриил был человек добродетели, человек святой. Его одежда ничем особо не отличалась. Подряски и рясы были старые, потёртые, но без заплаток. Он ни с кем не разговаривал. Постоянно постился. Пищу с растительным маслом вовсе не ел. Я тогда был трапезником, а он часто приходил в трапезную, чтобы взять лишь немного хлеба для своей келии. Он давал мне советы, каким должен быть монах. Говорил, чтобы я был внимателен, чтобы творил Иисусову молитву. Иногда он рассказывал мне что-то из того, что видел своими духовными очами. Например, как один монах шёл под ручку с двумя обезьянами – одна справа, другая слева. Он не назвал мне имя монаха, но я сам догадался, кто это, потому что этот человек был причиной многих соблазнов в монастыре».

Время от времени старец приходил в монастырь Дионисиат и исповедовался игумену. Ему давали келию в архондарике,⁶⁸ но в ней он не спал. Как только пономарь открывал двери церкви для того, чтобы возжечь лампы перед полунощницей, внутрь проскальзывал старец Гавриил. Иногда пономарь заводил с ним духовный разговор. Однажды он спросил старца:

– Отец Гавриил, я вижу, что тебе нравится наш монастырь, почему же ты в нём не остаёшься?

– Э, брат, – ответил старец Гавриил, – ты вынуждаешь меня рассказать тебе о вещах, которых не понимаешь. Я вижу людей такими, какие они есть, вижу их внутри, самую душу. Вижу, что некоторые поработаны бесам. Ну, а видя всё это, я, понятное дело, впадаю в осуждение. Поэтому долго здесь жить не могу.

Старец Гавриил своими подвигами, чтением аскетических сочинений и молитвой приобрёл опыт и духовное знание. Он имел благодать Божию и божественное утешение. Радость, происходящая от божественной благодати была для него канонем, правилом. Он всегда был радостным.

Старец Гавриил признавался: «Бог наградил меня неким дарованием, а я его потерял. Надеюсь, что до своей кончины вновь приобрету это дарование». Старец имел дар говорить красноречиво и вообще имел дар созидания.

Вот некоторые поучения и советы старца Гавриила:

«Жизнь монашескую я узнал через “упал-поднялся”».

«Знамена безмолвия: воздержание, молчание и самоукорение» (из святого Григория Синаита).

«Сейчас, пока вы юны, подвижайтесь, совершая посты, поклоны, ваше монашеское правило, потому что когда состаритесь, будете неспособны ни на что».

«Понуждение, понуждение приведёт ко спасению».

Старец простыми словами выражал силу и действенность духовного закона, говоря: «Бог отмщений Господь»,⁶⁹ – и подчёркивал значение покаяния как лекарства для исцеления отклонившихся от правильного пути. Он поучал: «Господь говорит: “Исправься, не то Я тебя исправлю”».

⁶⁸ Архондарик – место приёма гостей.

⁶⁹ Пс. 93:1.

По смирению старец говорил: «Я прошу Бога, да сподобит меня стать невидимой звёздочкой на умной тверди».

«Когда мы страдаем, не надо говорить, что страдаем ради любви Христовой. Лучше скажем, что страдаем за свои грехи».

«Бог видит глубину души, другое Его не интересует».

Когда в годы гражданской войны один человек сказал отцу Гавриилу, что, возможно, верх возьмут коммунисты, которые перережут монахов, старец ответил: «Да будет благословен час», – проявляя в этих словах готовность пойти на мученичество и исповедничество.

Старец Гавриил особенно любил святого Максима Исповедника; слыша или произнося устами его имя, переполнялся радостью.

Угрызения совести старец называл особенным, привезённым со своей родины словом «ксурафа́кула», точно описывающим болезненные уколы и порезы острых лезвий, мучащих нашу совесть изнутри, когда мы пренебрегаем её голосом.

Старец Гавриил был человеком с крепкой волей и очень выносливым телесно. На Литургиях и всенощных бдениях он стоял на ногах прямо, как колонна. Однако шли годы, и у старца стали появляться проблемы со здоровьем – заболела поясница. Как-то, приболев, он не мог встать с кровати в течение семи дней. Старец келии Данилеев Геронтий, узнав о его болезни, взял лекарства, сварил суп, подумав, что отец Гавриил лежит один и голодный. Когда он принёс всё это в келию отца Гавриила, тот ответил: «Геронда, что сильнее: твои таблетки и суп или благодать Божия? Если Бог хочет, пусть Он меня вылечит, если не хочет, пусть заберёт меня к Себе». Есть суп и принимать таблетки старец не стал. На следующий день отцы увидели, как старец Гавриил вышел на строительство очередной каменной террасы.

Однако впоследствии, когда больная поясница окончательно приковала старца Гавриила к постели, он, живя в пустыне один, терпел невыносимые мучения. Отцы слышали, как он творил вслух Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», – и его молитва прерывалась стонами и вздохами страдания.

Когда его спросили о самочувствии, он ответил: «Крест – но без гвоздей».

На листе старец собственной рукой написал, как хотел бы встретить смерть. Он уже видел смерть близко, хотя всю предыдущую жизнь помнил о ней и готовился.

Когда старец уже не мог сам себя обслуживать, Данилеи хотели забрать его к себе и упокоить его старость. Но отец Гавриил не желал оставлять свою келию. Он попросил отца Илариона приходить к нему и помогать. Отец Иларион спрашивал, сварить ли ему суп, рис или лапшу, но старец просил только варёного картофеля без масла, посыпанного крупной солью, собранной с рыбацких сетей. Отец Иларион клал пищу в рот отцу Гавриилу, потому что тот уже не мог даже пошевелить руками.

«Однажды на закате, – рассказывал отец Иларион, – старец попросил меня наполнить водой углубление в одной из скал. Как только я налил воду, слетелось огромное количество птиц: снегирей, воробьёв, желтогрудок и других, – их было необыкновенно много, они заполнили всё вокруг. Птицы пили воду, плескались, они окружили старца Гавриила, сидели вокруг и глядели ему в глаза. Увидев моё удивление, отец Гавриил сказал мне:

– Это мои домашние питомцы. Я научил их прилетать на закате.

Потом я попросил его:

– Слушай-ка, отец Гавриил, вот сейчас ты старый и больной. Давай-ка я тебе добавлю в пищу чуть-чуть растительного масла! Посмотри на эту варёную картошечку: если мы заправим её растительным маслом, разве она не станет вкуснее?..

– Конечно, станет, – ответил старец, – что я, не знаю? А если бы вместо картошки была жареная рыба, то было бы ещё вкуснее. Но говорю тебе: я всё это проходил, когда служил в жандармерии. Сев обедать, я мог в один присест слопать половину ягнёнка, и за всё это мне придётся давать ответ. Поэтому сейчас я и пытаюсь, как могу, расплатиться со своими долгами.

– Но разве тебе нравится, что братия болтают, мол, старец Гавриил не ест масла?

– А я не слушаю, что говорят братия. Меня это не интересует – пусть говорят, что хотят. Меня заботит не то, что скажут обо мне другие, а моё несчастное состояние. То, как я буду переправляться через огненную реку – вот что меня интересует. Однажды духовник велел мне есть скоромную пищу, чтобы другие отцы не комментировали мой пост. Духовник сказал мне, что послушавшись его, я “стану чувствовать себя по-другому”. И вот однажды, находясь на престольном празднике в скиту святой Анны, я тоже сел вместе со всеми за праздничную трапезу. Подавали рыбу, и мне положили огромную порцию. Я был голоден и съел её всю. Слышу, отцы начали шептаться: “Ну и ну, Гавриил уселся за трапезу!.. Гляди-ка, что это с ним? Ух ты, и Гавриил ест! Ест? Неужели? Вот это новость!” Раньше они говорили: “Не ест, почему он не ест масла?” А теперь начали говорить “Ест”. И “по-другому” я себя тоже не стал чувствовать. Я не стал себя чувствовать ни лучше, ни хуже. Рассказал об этом духовнику и скоромного больше не ел».

Когда состояние старца Гавриила совсем ухудшилось, он принял предложение братства Данилеев переселиться к ним. Монахи перенесли старца к себе на носилках. До этого дня уставом отца Гавриила было ежедневное причащение Святых Христовых Таин. Он имел на это благословение своего духовника и хранил в своей келейке Святые Дары, однако Данилеи сказали ему:

– Отец Гавриил, того, чтобы тебе причащаться каждый день, мы принять не можем.

– Пока я жил в своей келии, – ответил старец, – я делал то, что хотел. Там была одна жизнь, здесь другая. Здесь я буду жить по вашему уставу.

Отцы пришли в восхищение от его ответа и сказали:

– Мы будем причащать тебя, когда ты этого захочешь.

Итак, братство Данилеев с отличающей их благородной любовью ко всем окружило старца Гавриила заботой в его последние дни, и они причащали его каждый день.

И вот алмазовое тело карульского подвижника, тело, которое сокрушало скалы и совершало великие посты, оказалось лежащим в кровати и неподвижным – от истощения, старости и болезни. Однако, как и прежде, дерзновение старца к подвигу ни в чём не умалилось, и поэтому отец Гавриил сказал братьям: «Отцы, если я даже потеряю рассудок и попрошу добавить в пищу масло, вы мне его не давайте», – а также попросил: «Не вызывайте мне врача и не давайте мне лекарств, я возлагаю всё упование моё на Бога».

Находясь у Данилеев, молясь и укоряя себя, старец пришёл в исступление, увидел в созерцании рай и восклицал: «О, что я вижу! Какие цветы, какая красота! Неужели, всё это – столь прекрасное – создано для человека? О!.. Ты видишь? Видишь?» Отец Даниила ответил старцу: «Мы ничего не видим, геронда». – «А вы что думаете, что я что-то вижу?» – пробормотал старец, поняв, что проговорился, и пытаясь скрыть происшедшее с ним. За день до этого старцу было другое видение. Он говорил отцу Илариону: «Вижу знамения и чудеса». По всей вероятности, Благий Бог по Своему праведному суду удостоил старца награды за его великое самоотречение и дал ему извещение ещё в этой жизни.

Старец Гавриил не переставал молиться и мысленно жил уже в другом мире. Однажды, когда казалось, что он задремал, с ним заговорили, и он ответил: «Ах, глупенький, зачем ты меня прервал?»

Старцу сказали, что приближается день его Ангела, но он ответил, что в этот день будет не с ними. Он ясно предвидел свою кончину. Однажды ночью старец попросил, чтобы его причастили. Когда ему сказали, что ещё идёт утренняя, он попросил причастить его Святыми Дарами из дарохранительницы, поняв, что до окончания Литургии отойдёт в мир иной. Старца причастили. Вокруг него собрались отцы. Поскольку это было время богослужения, он сказал им: «Давайте-ка, возвращайтесь на службу, оставьте меня одного». Старец келии Данилеев,

находясь в храме, сокрушался: «Да что ж это такое, человек при последнем издыхании, а мы оставляем его одного?» Вернувшись к старцу Гавриилу, он увидел, что тот испускает дух.

Старец скончался 3 ноября 1968 года.

У него была преподобническая кончина. В аскетерии было найдено наследство этого подвижника-нестяжателя: несколько килограммов миндальных орехов. Ранее отец Гавриил просил отца Илариона отдать после его кончины эти орехи какому-нибудь священнику, чтобы тот его поминал. Но его и так поминали все.

Когда через три года честные останки отца Гавриила были извлечены из могилы, его кости рассыпались и превратились в тонкую пыль. Возможно, это произошло потому, что он не вкушал масла.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

6. Кавиот Костас, Христа ради юродивый

Все жившие в Кариес – и монахи, и мирские – знали Костаса и относились к нему с любовью и симпатией. Видя его бродящим по Кариес, часто молящимся на Божественных Литургиях в Протате⁷⁰ и совершающим невообразимые, сумасшедшие поступки, все были в недоумении. Кто этот человек? Он сумасшедший, страдающий психическим расстройством? Или только притворяется душевнобольным, а на самом деле юродивый ради Христа? Его мирное, светлое – хотя и неумытое – лицо, а также некоторые мудрые и прозорливые высказывания заставляли отцов задаваться такими вопросами. Костас был человеком тихим и незлобивым, не делал никому ничего плохого и ничего ни у кого не просил. Однако кем он был на самом деле – монахом, мирянином? Это так и осталось нераскрытой тайной.

Костас родился 10 февраля 1898 года в селе Калэндзи недалеко от местечка Додони в Эпире.⁷¹ Его отца звали Ста́вросом Ангелисом, а мать – Анфулой. На Святую Афонскую Гору он приехал, чтобы стать монахом, и какое-то время прожил послушником в монастыре Дионисиат. Затем он переселился в Кариес и как кавиот⁷² жил в одной полуразвалившейся келии в скиту святого Андрея Первозванного. Костас носил монашескую скуфью, отрастил бороду и длинные волосы, и поэтому внешне был похож на монаха. Вместо рясы он надевал старую шинель. Зимой ходил по Кариес почти голым, обернувшись по бёдрам какой-то тряпкой, а летом, наоборот, был одет в пальто и подпоясан верёвкой. Костас никогда не мылся и не стирал свою одежду. Когда новой грязи на его одежде уже было не на что прилипнуть, он развешивал её под дождём, и так она «стиралась». Когда одежда высыхала, он снова надевал её. Костас приходил в гости к иеромонаху Гавриилу Макавосу. Отец Гавриил жалел Костаса, давал ему пищу и посыпал его одежду порошком от блох и вшей, которые у Костаса водились в изобилии. Костас носил с собой консервную банку с привязанной к ней вместо ручки проволокой,

⁷⁰ *Протάτ* – 1) Священный Кинот, верховный орган самоуправления Святой Горы, который состоит из 20 святогорских старцев (антипрѣсопов), избираемых от всех обителей Афона. На заседаниях Священного Кинота, проходящих в Кариес, обсуждаются общие вопросы жизни и деятельности монастырей; 2) храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, находящийся рядом со зданием Протата.

⁷¹ *Эпύρ* – область в западной Греции.

⁷² *Кавиот* – монах, приписанный к Священному Киноту. Не находясь в монастыре или скиту, кавиоты живут даром или за небольшую арендную плату в какой-либо келии. – *Прим. сост.*

поэтому некоторые называли его Баночником. Иногда, приходя к какому-нибудь конаку или келии, Костас мог по несколько часов сидеть под дверью и ждать, пока хозяин не откроет дверь сам. Увидев на пороге Костаса, братия понимали, зачем юродивый пришёл, и клали ему в консервную банку пищу. Что бы ему ни давали: суп, сладости, салаты, – он всё смешивал, а иногда сверху заливал ещё и водой. Получив пищу, Костас клал старцу келии поклон, целовал руку и, поблагодарив, уходил.

Костас посещал монастырь Кутлумуш и садился с отцами на трапезе самым последним. Брал четыре-пять порций пищи, перемешивал их и начинал то рыдать, то смеяться. Тогдашний игумен монастыря Кутлумуш отец Макарий имел большое благоговение к Костасу и наказывал одному молодому монаху, который был в то время трапезником: «Ты мне смотри, будь к Костасу внимателен! Гляди, давай ему то, что он попросит».

Иногда отцы видели, как Костас стоит напротив усыпальницы Протата. Он мог простоять там час или два. Проходя мимо, отцы слышали, что Костас шепчет себе что-то под нос, видели, что его лицо меняется. Но что он говорил, было не разобрать. Может быть, юродивый молился за усопших?

И в других местах случалось похожее. Иногда Костас садился на землю прямо посреди дороги и начинал шептать себе что-то под нос. Он был поглощён тем, что делал; его ум был заключён в тех словах, которые он шептал. Духовные отцы верили, что Костас наизусть читал Псалтирь, что ум его был восхищаем и старец не замечал, что рядом с ним люди. Когда с ним начинали разговаривать, он приходил в себя, делал какие-то жесты, выкидывал какой-нибудь «сумасшедший номер» и уходил, скрывая своё духовное делание от посторонних.

Будущий епископ Родостольский кир-Хризостом тогда жил в Андреевском скиту. Из доброго любопытства он захотел узнать о Костасе и его жизни больше. Он тайком пошёл за юродивым и подслушал, как тот совершает вечерню. Всю службу подвижник совершил наизусть – без книг и света. Костас даже пел наизусть «Господи воззвах...», воскресные стихиры и догматик гласа того воскресения, когда это произошло.

Однажды все увидели, как Костас вышел из скита. Из любопытства братья зашли в его келию, чтобы посмотреть, как он живёт, но в изумлении увидели, внутри юродивого. Они оцепенели от ужаса, но Костас велел им приложиться к четырём огромным иконам в полный человеческий рост. Братия попросили у Костаса прощения, и он ответил: «Идите с Богом. Христос да будет с вами!» В его келии отцы не увидели ни стола, ни кровати, ни одеяла, ни подушки. Излишне говорить, что ни печки, ни другого отопления там тоже не было. А зима в Кариес сурова: даже живя в отапливаемой келии, пережить стужу нелегко.

Так с юности будущий епископ Родостола стал почитать старца Костаса и весьма благоговеть перед ним.⁷³

Духовное состояние Костаса понимали немногие, но и они не ведали его глубины. Большинство отцов, помогая Костасу, делали это от сострадания. К несчастью, находились и такие, кто смеялся над юродивым, издевался над ним, оскорблял и мучил. Один из таких людей, однажды увидев, как Костас идёт по тропинке под окнами его келии, быстро наполнил ведро водой и вылил его целиком на старца. Конечно, на Костасе не осталось сухой нитки, но юродивый невозмутимо продолжил свой путь – как будто ничего не случилось. Он даже не повёл бровью, не поднял голову, чтобы посмотреть, кто облил его водой. Кто из нас поступил бы так же?

Любые аскетические подвиги нелегки, для их совершения необходим труд. В большей степени это относится к послушанию, которое, согласно святым отцам, представляет отречение от собственной души и исповедание веры. Но ещё более трудным подвигом, чем послушание, является юродство. Ведь юродивый ради Христа становится *посмешищем для всех, отре-*

⁷³ *Επισκόπου Ροδοστόλου Χρυσοστόμου. Πρόσωπα καὶ δράματα στὸν Ἀθῶνα. Σελ. 186–195.*

бием миру,⁷⁴ он *смирятся зело*,⁷⁵ такой человек совершеннейшим образом попирает гордыню. Юродство ради Христа требует особого призвания от Бога. Юродивые – это возлюбленные Божии, потому что ради Его любви они берут на свои плечи тяжёлый крест, а Бог – ради их великого смирения – открывает им Свои тайны. И вот, как были убеждены отцы, таким Христа ради юродивым был и геро-Костас.⁷⁶ Отцы верили, что он скрывал в себе какую-то духовную тайну.

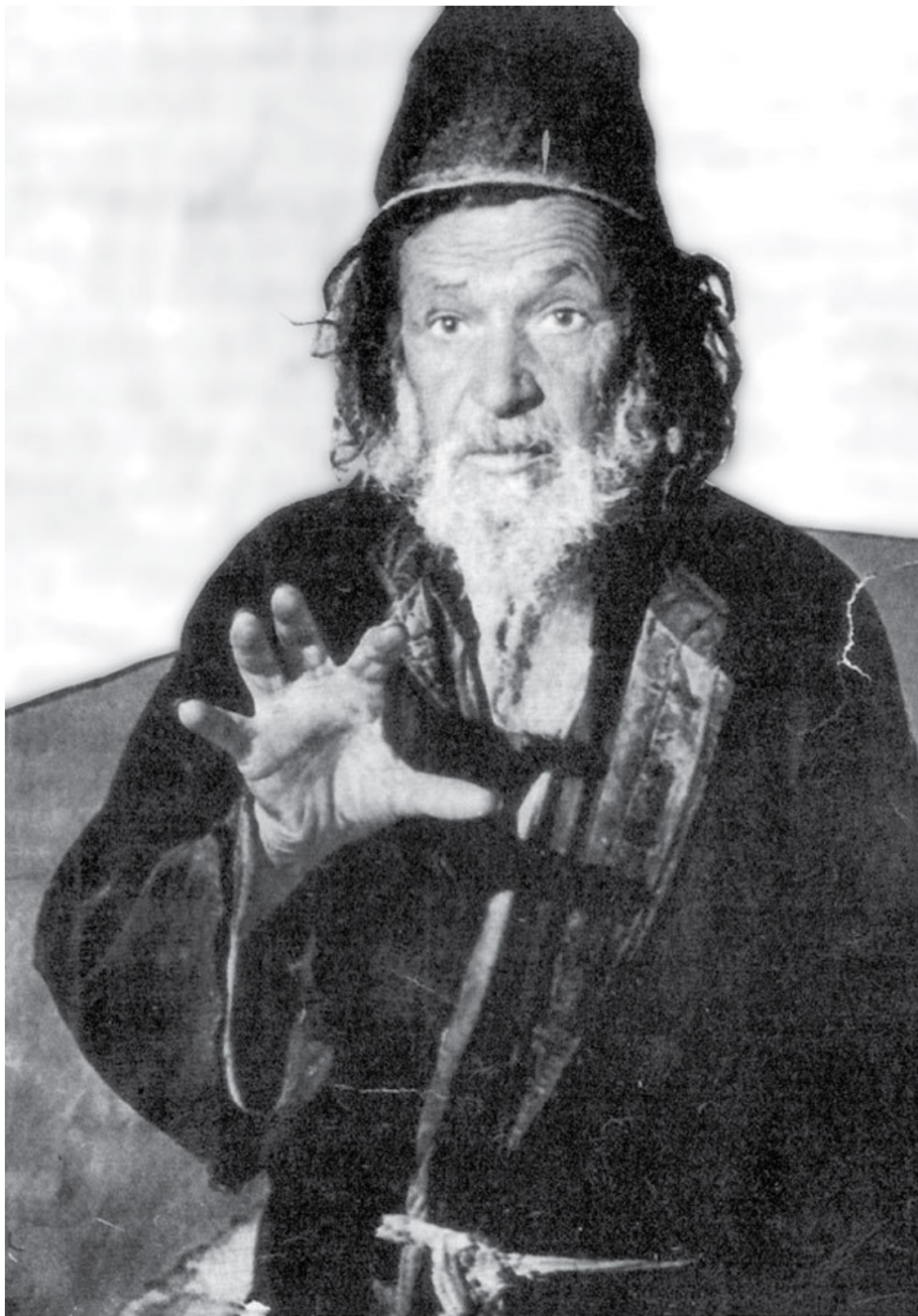
Один живший в Кариес старец рассказывал:

«Однажды, когда я был молодым монахом 20–22 лет, я пришёл в Кариес в магазин, принадлежавший иеромонаху Стефану, шутил и весело смеялся. В какой-то момент в магазин зашёл геро-Костас. Когда отец Стефан на минутку вышел, Костас повернулся ко мне и серьёзно сказал: “Монахи не смеются”. Я тут же опомнился и взял себя в руки. А как только отец Стефан вернулся, Костас снова начал вытворять всякие глупости. Его серьёзность и данный мне совет произвели на меня впечатление. Человек сумасшедший так разговаривать не будет».

⁷⁴ См.: 1 Кор. 4:9, 13.

⁷⁵ См.: Пс. 141:7.

⁷⁶ Буквально: старец Костас.

Костас, Христа ради юродивый

Впоследствии Костас ушёл из Андреевского скита. Старец поселился в полуразрушенной келии святого Георгия. Эта келия называлась Филадельфовой и находилась за Кариес. Там не было ни дверей, ни окон. Да что там дверей и окон – в келии не было даже пола, только на центральном входе сохранилась старая дверь. Внутри келии Костас ходил по деревянным балкам, а спал в церкви, в одном из углов алтаря. Достоинно удивления то, как он мог пережить

зиму. По-человечески это было невозможно, но, по всей вероятности, Костаса покрывала благодать Божия.

У Костаса была Постная Триодь старой печати, из которой он пел стихиры и тропари, и старинное Священное Писание в кожаном переплёте. Один человек, увидев эту книгу, позарился на неё и украл. Встретив его на дороге, Костас обличил его: «Ты украл у меня Священное Писание. Ну-ка быстро его возвращай». Вор растерялся, устыдился и стал спрашивать себя: как Костас догадался, что именно он украл книгу? Так вор уверовал, что Костас одарён благодатью Божией, что находится в духовном состоянии и только притворяется юродивым.

Однажды геро-Костас подошёл к одному из учеников Афониады и открыл один совершенный тем грех, велел ему быть внимательным и в следующий раз греха не совершать.

Как-то раз юный монах спросил Костаса:

– Скажи мне, Константин, ты монах?

– Да, – односложно ответил тот.

– А где ты стал монахом?

– В Дионисиате.

– И какое твоё монашеское имя?

– Акакий.

– А откуда ты родом?

– С островов.

– А с какого именно острова?

– С Родоса.

Когда молодой монах продолжал выпытывать у Костаса разные подробности о других сторонах его жизни, тот по своему обыкновению начал нести всякую околесицу. Неизвестно: был ли он действительно пострижен в монашество или просто ощущал себя монахом? Говорил ли он всё это для того, чтобы избежать лишних вопросов, или, говоря одно, сам он имел в виду что-то другое?

Когда геро-Костас впервые встретил на одной из тропинок Капсалы⁷⁷ старца Дамаскина из келии святого Василия, то назвал его по имени, хотя ранее они не были знакомы. В беседе геро-Костас по секрету сказал отцу Дамаскину о том, что он «безродный малоазиат, богослов и непризнанный писатель». Когда отец Дамаскин стал спрашивать старца о своём помысле, тот ответил: «Что ты за это зацепился, отец Дамаскин? Тот, кто не терпит брань от этого “необычного помысла”, не становится монахом». Простые слова Костаса легли на сердце старцу Дамаскину.

Итак, геро-Костас был не сумасшедшим, каким его считали некоторые, но богословом и автором двух книг: «Человек: цветок небесный и земной» и «Какой была Святая Гора, когда я с ней познакомился, и какой я её оставляю».⁷⁸

В день, когда в Протате шло голосование за новый «Катастатикос Хартис»⁷⁹ Святой Афонской Горы, Костас, тогда ещё нестарый и находящийся в начале своего Христа ради юродства, забрался на колокольню Протата и начал погребальный звон. Впоследствии он рассказал об этом случае и о причинах, побудивших его сделать это, старцу Дамаскину из келии святого Василия. Вот что он рассказал:

«Геро-Дамаскин, Вы, вероятно, знаете, что это место посвящено нашей Владычице Пресвятой Богородице. Она, наша общая Мать, просветила ктиторов всех священных обителей, и они испросили у патриархов и самодержцев, дабы Святая Гора пребывала вне ведома духов-

⁷⁷ *Капсάλα* – лесистая гористая местность недалеко от Кариес, один из наиболее безмолвных районов Святой Афонской Горы.

⁷⁸ См.: *Ἀρχ. Εὐδοκίμου Καρακουλάκη. Διοίκηση καὶ ὀργάνωση τοῦ Ἁγίου Ὄρους. Ἅγιον Ὄρος, 2007. Σελ. 198–199.*

⁷⁹ «*Καταστατικὸς Χάρτις*» – основной документ, регламентирующий внешние формы жизни и взаимоотношения между святогорскими монастырями, а также между Святой Горой и Греческим государством; принят 10 мая 1924 года.

ных и гражданских властей, не рабствовала никому и не была ни под чьим внешним надзором. Это привилегированное положение было утверждено священным “Трагосом”,⁸⁰ а также иными патриаршими грамотами, императорскими хрисовулами и султанскими фирманами. Превыше этих документов, вечно живых и гарантирующих особый устав Святой Горы, здесь властвовало Священное Предание. Оно опиралось на Священное Писание, на заветы и слова преподобных отцов, просиявших в добродетели. И – что важнее всего – на Святой Афонской Горе действовала православная система ценностей святогорской совести. По сей причине ни уголовные кодексы, ни даже понятие об уголовном праве не было необходимо (ни для профилактики, ни для наказания) – ради общего мира этого святого места. Также не было необходимости и в конституционном одобрении имевшихся у Святой Горы привилегий. Особое положение Святой Горы было рождённым изнутри, самосильным и вечным. Нынешние же начальники, проэстамены сего святого места, были обмануты и изменили всё вышеперечисленное новой редакцией документа “Катастатикос Хартис”. Я, геро-Дамаскине, исследовав всё вышеперечисленное, по неизреченному извещению сердца, во время голосования за этот новый документ почувствовал, что вышеперечисленные права этого святого места выставляются на продажу. Видя, что новый документ делает Святую Гору мёртвой и неуправляемой, я поднялся на колокольню Протата, откуда мерным и погребальным звоном начал свидетельствовать о своём непреложном убеждении, что в нынешний день самоуправляемая Святая Гора испустила свой дух. Погребальный звон колоколов возмутил собравшийся в тот момент Сугубый Духовный собор двадцати монастырей, и они послали на колокольню сердара⁸¹ узнать, кто скончался. Поднявшийся сердар спросил меня: “Кто скончался?” – “Скончалась Святая Гора”, – ответил я и продолжил погребальный звон. Однако грубое и неблагородное поведение сердара вынудило меня остановиться, и я потребовал допустить меня пред лицо Сугубого Духовного собора, дабы составить протокол похорон самоуправления Святой Афонской Горы. Но с поруганиями и насмешками я был изгнан оттуда и отошёл в скорби... Итак, ведай, геро-Дамаскине: когда умолкнет эхо прежнего устройства и новый порядок войдёт в практику, место сие мира знать не будет. Тогда-то монашеский чин будет либо изгнан, либо приведён в негодность – ради возможности незаконно пользоваться хранимыми на Святой Горе бесценными сокровищами и святынями, коими государство и епископы, безусловно, найдут, как распорядиться”.⁸²

Приведённые выше слова Костаса не могут принадлежать человеку бесноватому или сумасшедшему. Наоборот, это глаголы истины и мудрости. Из сказанного ранее видно, что старец Костас не только не был сумасшедшим, но, напротив, был человеком весьма мудрым, наделённым глубокими знаниями и к тому же способным заглядывать весьма далеко.

В тот раз Священный Кинот не наказал Костаса и закрыл глаза на устроенный им погребальный звон. Да и действительно: кто бы придал значение тому, что вытворял «Костас-дурачок»? Однако впоследствии, в 1969 году, некоторые «умные люди», которые думали по-мирски, посчитали унижительным, что по Кариес ходит Христа ради юродивый Костас. Ещё более унижительным они посчитали то, что старца видят посетители из Западной Европы, которых после празднования 1000-летия Святой Афонской Горы стало приезжать сюда всё больше и больше. Поэтому было сделано всё, чтобы изгнать Костаса со Святой Афонской Горы. Человека Божия вывезли в Салоники и сдали в сумасшедший дом. Однако психиатры, проведя обследование, нашли, что старец психически абсолютно здоров. Тогда Костаса послали в дом

⁸⁰ «*Τράγος*» (от греч. *τράγος* – козёл) – первый афонский устав, написанный на козлином пергаменте, составленный в 972 году преподобным Афанасием Афонским и утверждённый византийским императором Иоанном Цимискием.

⁸¹ *Сердάρ*ы – блюстители порядка, подчиняющиеся непосредственно Священному Киноту Святой Афонской Горы, в настоящее время полицейских функций не выполняют.

⁸² См.: *Ἀρχ. Εὐδοκίου Καρακουλάκη. Διοίκηση καὶ ὀργάνωση τοῦ Ἁγίου Ὄρους*. Σελ. 198–199.

престарелых, как рассказывает об этом старец Паисий Святогорец.⁸³ С того момента его следы потерялись.

Отцы, которые понимали, что за человек был Костас, горевали и с убеждением говорили: «Плохо, очень плохо сделали, что его выгнали! Ведь он не делал никаких бесчинств, никого не обижал. Он был украшением и похвалой, а не стыдом для Святой Горы». Старец Костас был благоуханнейшим цветком в многообразном и изобилующем многими цветами саду Пресвятой Богородицы на Святой Афонской Горе. Но мы, люди, мыслящие по-мирски, отнеслись к нему несправедливо.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

⁸³ *Старец Паисий Святогорец. Отцы-святогорцы и святогорские истории. С. 121.*

7. Пустынник иеромонах Тихон

Иеромонах Тихон (в миру Тимофей Голенков) родился в 1884 году в селе Новая Михайловка⁸⁴ в России.

Его родителей звали Павел и Елена. С детства Тимофей почувствовал призвание к монашеской жизни. До совершеннолетнего возраста как паломник он обошёл много русских монастырей. Затем отправился на Святую Землю, чтобы поклониться святыням, а потом пришёл на Святую Афонскую Гору, где в келии святителя Николая Чудотворца Буразери был пострижен в монахи с именем Тихон.

Через пять лет после пострига отец Тихон возжелал высшей духовной жизни и 15 лет прожил на Каруле в пещере; вкушал пищу один раз в три дня, всё время посвящал молитве, духовному чтению и совершению земных поклонов. Им руководил один мудрый и опытный старец. Подвизаясь на Каруле, отец Тихон познакомился с двумя монахами, которые очень много постились, делали по 1000 поклонов в день и от этого прожили не очень долго.

С Карули отец Тихон пришёл на Капсалу. Здесь он поселился в принадлежащей монастырю Ставреникита келии как послушник⁸⁵ одного старца и взял на себя заботу о нём. По благословению этого старца, отец Тихон принял священство и стал духовником. При своей келии он построил церковку, которую посвятил Воздвижению Честного и Животворящего Креста Господня.

Однажды отец Тихон принял к себе в послушники двух молодых монахов. Эти монахи прожили с ним около восьми месяцев, стараясь следовать его уставу. Отец Тихон говорил им: «Здесь, в пустыне, куда мы пришли, будем славословить Бога, а не есть и спать подобно животным». В будни они вкушали один раз в день пищу, приготовленную без растительного масла, а в субботу и воскресенье отец Тихон добавлял три столовые ложки масла на кастрюлю. Каждый из них брал приготовленную еду к себе в келию и там вкушал её. Отец Тихон говорил: «Благословляется брат и добавку». Старец отличался рассуждением и был снисходительным по отношению к своим послушникам.

⁸⁴ Ныне город Михайловка Волгоградской области.

⁸⁵ *Послушник* – 1) человек, проходящий монашеский искуc перед постригом (греч. δόκτορος); 2) брат, живущий в послушании старцу и, возможно, уже имеющий постриг (греч. ύποτακτικός).

После постной и аскетической трапезы отец Тихон мирно прогуливался неподалёку от каливы и вслух, с неизреченным желанием произносил молитву Иисусову. Молитва ритмично выходила из глубин его сердца. Когда его спрашивали: «Как дела, геронда?» – он отвечал: «Моё сердце начинает согреваться». Его молитва не прекращалась даже во сне. Это великое состояние! «Аз сплю по долгу естества, сердце же моё бдит по избытку рачения»⁸⁶.⁸⁷

Между собой отец Тихон и его послушники разговаривали крайне мало. Как-то за целых 17 дней они ни разу не обменялись и словом. Только когда к старцу приходили посетители, он звал своих учеников, чтобы послушали духовную беседу и получили пользу.

Когда к отцу Тихону впервые пришёл в гости будущий старец Нектарий Караманлис,⁸⁸ он принял его с любовью и предложил «знатное угощение». Старец нарвал с оливкового дерева горсть сырых оливок и положил перед отцом Нектарием. Рядом с оливками он поставил солонку с грубой солью и изъеденный червями сухарь, который уже был обкусан – видимо, им самим. Поставив это «знатное угощение» перед гостем, отец Тихон оставил его, сказав на ломаном греческом языке: «Мне сейчас надо идти молиться», – и ушёл к себе в келию. Посетитель съел всё «угощение», потому что нестяжательный подвижник предложил его с любовью и простотой.

В Кариес был один благоговейнейший мирянин – владелец бакалейной лавки господин Фёдор Талеас. Его духовником был отец Тихон. Как-то раз Фёдор пошёл к отцу Тихону на исповедь и встретил возвращавшегося от него предыдущего посетителя. Тот передал ему слова отца Тихона: «После тебя придёт Фёдор и принесёт то-то и то-то». Это и произошло.

Другому человеку, который посетил отца Тихона, он сказал: «Ты, сынок, пришёл сюда не ради меня, а чтобы разведать, много ли в округе диких кабанов».

Рукоделием отца Тихона было иконописание. Он писал иконы только с одним сюжетом – «Снятие с Креста». Над одной иконой он мог работать и год, и два. Вначале старец посвящал иконописи один час в день, затем полчаса в день, а потом совсем перестал заниматься рукоделием.

Старец настойчиво избегал осуждения. Когда он посылал своих монахов в Кариес, то шёл вместе с ними около километра. По дороге они проходили мимо каливы одного русского иеромонаха, довольно упитанного. Чтобы послушники его не осуждали, старец отечески советовал им: «Когда вы встретите батюшку Е., говорите: “Да это ведь святой человек! Да будет с нами его благословение”, – и целуйте ему руку».

Когда монахи возвращались из Кариес, отец Тихон просил не беспокоить его, но только стуком в дверь его келии извещать, что они вернулись, а потом расходиться по своим келиям. Как-то раз один из послушников, вернувшись, с любопытством подглядел в щёлочку двери, желая узнать, что делает старец, и увидел, что тот рыдает, вытирает слёзы платком и легонько ударяет себя по голове. Старец чрезвычайно любил покаяние, несмотря на то, что вся жизнь его была святой, от юности посвящённой Богу. Слёзы старца были его ежедневной пищей, у него было много слёз и обилие умиления. Своими слезами он орошал ноги пригвождённого на Кресте Христа и вытирал их своими волосами, подобно евангельской жене. В своей келии отец Тихон занимался духовным деланием, возделывая покаяние и радостотворный плач. Исповедуя людей, старец тоже приходил в умиление и плакал, сострадая кающемуся. Один ученик Афониады исповедовался отцу Тихону, позднее он стал священником и, показывая на свою голову, говорил: «Глядите: вот эта плешь полита слезами отца Тихона».

⁸⁶ *Рачёние* (греч. ἔρως) – любовь, наслаждение, утешение.

⁸⁷ Лествица. Слово 27, п. 17.

⁸⁸ *Старец Нектарий Караманлис* более 50 лет подвизался со своим послушником в келии Караманлидов чуть выше Кареи. Преставился 18 марта 2011 года в возрасте около 90 лет.

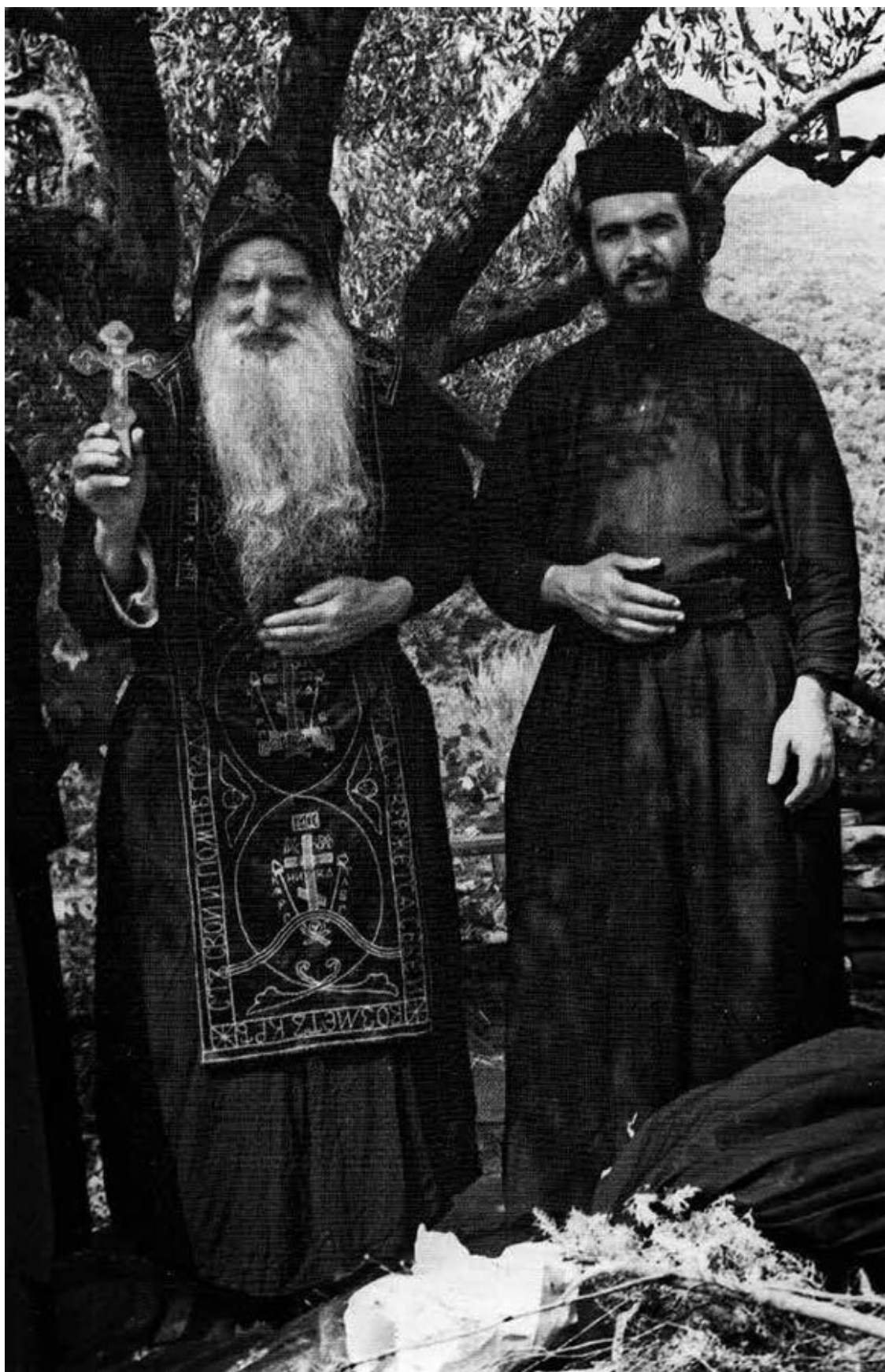
Обычно старец служил Литургию каждый воскресный день. Однако у него всегда хранились Святые Дары, и причащался он ежедневно.

Старец всегда совершал Литургию с умилением и слезами. Те, кому довелось молиться с ним, видели, как лицо его изменялось, глаза в темноте ярко светились. Когда он читал Евангелие, по его щекам стекали слёзы, также со слезами он возносил Святые Дары и совершал Вход. Что уж говорить о тех моментах, когда он был пленяем созерцанием божественных видений!

Когда отец Тихон жил один, то в числе прочих приглашал петь на Литургию старца Геронтия. В благодарность после каждой службы он давал отцу Геронтию 10 драхм, а в те времена даже священнику в благодарность за совершение Божественной Литургии давали 5 драхм.

Однажды отец Геронтий увидел старца Тихона парящим над землёй. «Большого святого я не видел на всей Афонской Горе», – признавался позднее старец Геронтий.

Старец Паисий рассказывал: «Во время Литургии отец Тихон для того, чтобы не отвлекаться, закрывал дверь, ведущую в церковь, на ключ, а я произносил: “Господи, помилуй” и пел другие песнопения, стоя перед церковью в коридоре. Однажды во время Евхаристического канона, в момент освящения Честных Даров, старец вдруг замолчал. Я ожидал, когда он продолжит Литургию, почти пять часов. Ожидал я его молча. Я не окликнул и не позвал его, потому что у меня не было на это благословения. Через пять часов старец продолжил Божественную Литургию возгласом “Изрядно о Пресвятей, Пречистой...”. Где он находился столько времени? Вероятнее всего, был восхищен в созерцание. В тот день мы закончили Божественную Литургию вечером».

Иеромонах Тихон и иеромонах Агафангел Ивирит

Старец был абсолютно ни к чему не привязан, его совершенно не интересовало ничто внешнее. В своей келии он никогда не подметал. Мусор и волосы на полу его келии свалились в такие горки, что казалось, будто по полу ползают черепахи.

Отец Тихон совершал около 3000 земных поклонов в день и советовал одному монаху: «Совершай много поклонов, совершай, пока твоя майка не намокнет от пота, пока её не надо будет менять». От многого стояния ноги старца всегда были распухшими. Он много постился. Одного хлеба ему хватало на месяц. Как-то раз он велел двум монахам собрать плоды земляничного дерева и сварить их в кастрюле. Увидев, что кастрюля наполнилась красным соком, старец сказал им, чтобы больше плоды земляничного дерева не готовили, потому что «в них много крови».

Отец Тихон очень любил читать духовные книги, посвящал чтению около двух-трёх часов в день, и это духовное занятие его чрезвычайно услаждало. Он говорил: «Какой же авва Исаак сладкий!» Несколько раз за свою жизнь старец полностью прочёл полное собрание творений святого Иоанна Златоуста.

Ночью старец почти не спал. Как только смеркалось, он стучал в стены келий своих послушников, зовя их в церковь. До наступления полуночи они стояли в церкви и молились, а старец пел. В какие-то моменты службы старец разрешал им садиться, а потом они опять поднимались. Они молились за своих благодетелей, за тех, кто им помогал, а затем расходились по келиям. Старец говорил своим монахам: «У вас есть благословение делать столько поклонов, сколько хотите, и если можете – совершайте бдение хоть целую ночь».

Отец Тихон говорил, что в монастырях есть подвижники и преуспевшие отцы: один – в монастыре Каракал (иеромонах Матфей), другой – в Ивионе (иеромонах Афанасий, который исповедовался у отца Тихона), а третий – в Эсфигмене (иеромонах Афанасий).

Старец говорил: «После трёх лет жизни в общежительном монастыре монах готов идти на войну». Естественно, он имел в виду войну духовную.

«Добрые привычки – это добродетели, а привычки злые – страсти».

«Монах не должен иметь сердечную привязанность к животным, иначе они займут его ум и сердце. Ведь вместо того, чтобы отдать всю свою любовь Богу, он растрчивает её на животных». Кстати, по этому же поводу отец Тихон напоминал, что святой Василий Великий запрещает монаху, который погладил кошку или собаку, причащаться.⁸⁹

«Молитва “Господи Иисусе Христе, помилуй мя” – это чистая пшеница. Хороший послушник может стяжать молитву Иисусову».

«Если человек читает Священное Писание, но при этом невнимателен, он может впасть в прелесть подобно Оригену».

«Лучше три земных поклона со смирением, чем тысячи с высокоумием».

«Нас спасёт только смирение. Действительно смиренномудрых людей очень немного. Их надо искать со свечкой».

Сам старец настолько возлюбил смирение, что излазил всю Святую Гору, чтобы найти смиренного человека. В конце концов он нашёл в монастыре Эсфигмен одного старенького монаха, который, словно сугубым покровом, был окутан истинным и совершенным смирением. Безусловно, на Святой Горе было много и других смиренных людей, но они были скрыты от глаз людских.

Отца Тихона приглашали в монастырь Эсфигмен исповедовать монахов. Тогда в этой обители было более 60 отцов. Старец благоговел перед преподобным Антонием Киево-Печерским и, приходя в Эсфигмен, служил Литургию в пещере, где подвизался преподобный. После богослужения он возвращался в свою келию пешком и, надо сказать, шагал очень быстро.

⁸⁹ Святогорское Предание приписывает святителю Василию такое каноническое правило. В творениях святителя об этом упоминаний нет.

Отец Тихон очень дружил и много общался с преподобным Силуаном Афонским, который после своей кончины явился отцу Тихону, и они беседовали.

Один старец из Кариес свидетельствует: «Отец Тихон был человеком очень простым, он жил в собственном мире. Он был необыкновенным понудителем себя и, несмотря на то, что сильно постился, имел очень крепкое телосложение. Когда старец заходил в нашу келию и садился с нами за трапезу, то ел только пару ложек – для благословения. Сейчас таких, как он, уже нет – даже не ищите».

Однажды отец Тихон попросил своих монахов не совершать обретение его мощей после его кончины. Один из его послушников, услышав это, подумал: «А я всё равно подниму его останки и потом скажу ему: “Прости и благослови”». Отец Тихон прочитал его помысл и, внимательно посмотрев на него, сказал вслух: «Нет, на это благословения нет». Поэтому до сего дня честные мощи отца Тихона находятся в могиле близ его каливы, ожидая всеобщего воскресения.

Старец скончался 10 сентября 1968 года. Незадолго до своей кончины ему явилась Пресвятая Богородица вместе с преподобными Сергием Радонежским и Серафимом Саровским, которые сказали ему, что после праздника Рождества Пресвятой Богородицы заберут его к себе.

Во время кончины рядом со старцем был его послушник – отец Паисий, который и заболтался о нём в старости. Он похоронил отца Тихона и унаследовал его келию. Впоследствии старец Паисий Святогорец написал житие отца Тихона,⁹⁰ который явился ему после своей кончины.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

⁹⁰ Отцы-святогорцы и святогорские истории. С. 23–54.

8. Старец Михаил Кавсокаливит

Старец Михаил (в миру Димитрий Каламиас) родился на острове Сими⁹¹ в 1906 году. Отец Димитрия был музыкантом и играл на бузуки.⁹² Когда юноше исполнилось 16 лет, отец взял его с собой на Родос, желая купить мальчику бузуки – чтобы он начал играть в тавернах и зарабатывать деньги. Когда отец с сыном на корабле возвращались в Сими, на палубе вместе с ними оказалась одна христианская семья. Кто-то из членов этой семьи, увидев мальчика, с радостью разглядывающего бузуки и восхищающегося музыкальным инструментом, спросил его, как будто бы и впрямь не знал:

– Скажи, а что это такое?

– Это? Бузуки, – ответил Димитрий.

– Бузуки? Ну так знай, что сколько у неё струн, столько на ней сидит бесов. Когда ты играешь на бузуки, бесы танцуют.

Для Димитрия эти слова оказались решающими. С того времени он решил стать монахом, перестал играть на праздниках и в тавернах и начал готовиться к монашеской жизни. Его отец просил: «Поработай по крайней мере, чтобы мы расплатились с долгом за бузуки». Однако Димитрий всё решил окончательно, в 1922 году он уехал на Святую Гору.

Димитрий стал монахом в общежительном братстве каливы Благовещения Пресвятой Богородицы в районе Кавсокаливии. Его старцем был отец Арсений, который пришёл на Кавсокаливию из монастыря в миру. Поскольку старец был человеком добродетельным и смиренным, миряне его хвалили. Отец Арсений расстраивался от этого и, боясь повредиться от похвал, говорил самому себе: «Арсений, убегай и спасайся».⁹³ У старца было рукоделие: он вырезал деревянные ложки, а в братстве Иосафеев был поваром. Так, вместе со своим новым послушником, которого после надлежащего испытания он в 1923 году постриг в монахи с именем Михаил, они и находили себе средства для пропитания. Отец Михаил тоже научился вырезать ложки. Надо сказать, что овладел он этим ремеслом в совершенстве: ложки получались

⁹¹ *Сими* – крохотный греческий островок Эгейского моря в 9 км от берегов Турции, недалеко от о. Родоса.

⁹² *Бузѹки* – струнный музыкальный инструмент, разновидность лютни. В Греции в 1920–1960-е годы музыка для бузуки считалась делом криминальных слоѹв и находилась под запретом.

⁹³ См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Арсении.

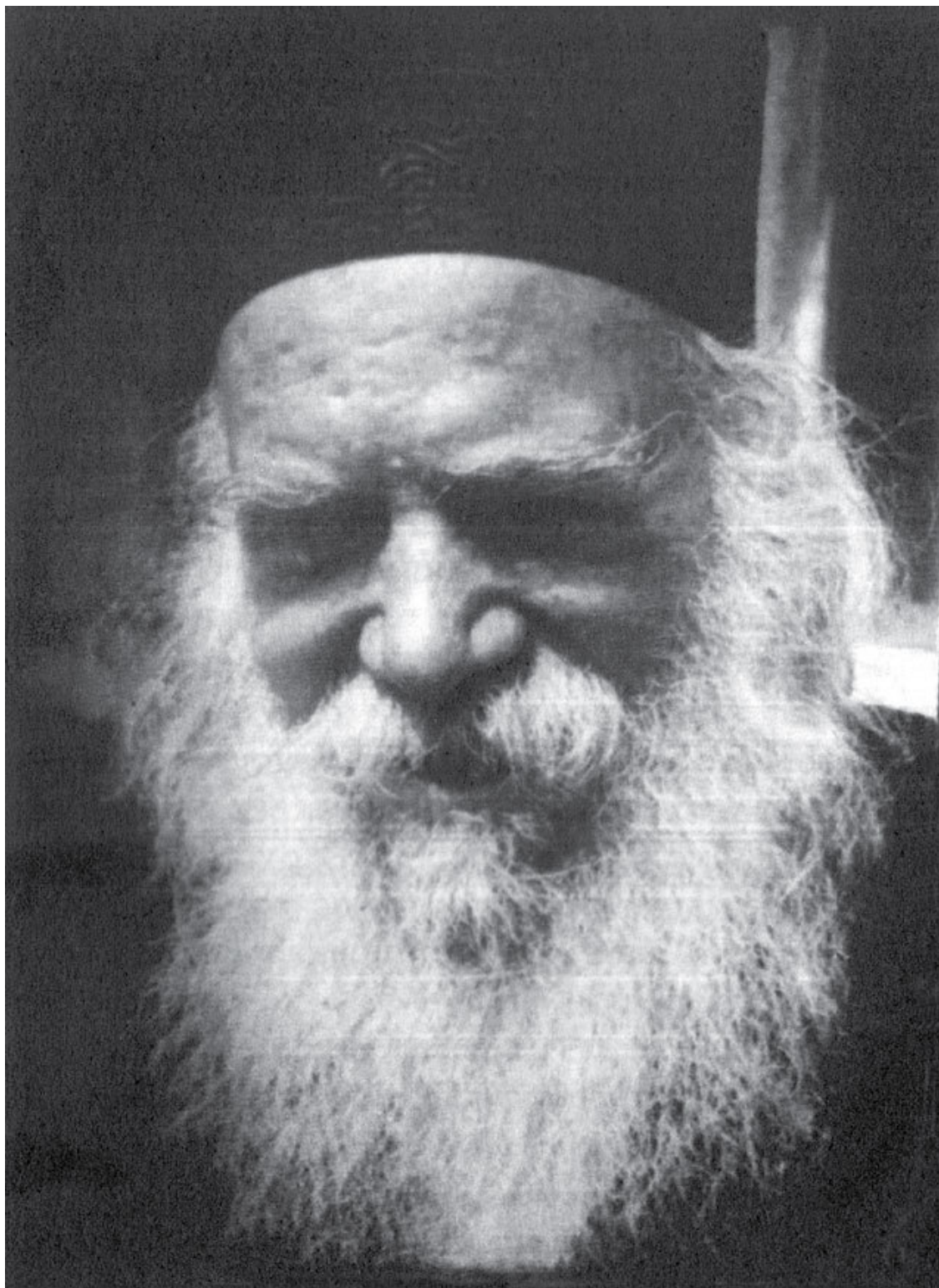
ровные и гладкие, как поверхность большой восковой свечи, тогда как его старец, поскольку у него было плохое зрение, делал ложки кривые.

Как-то один паломник зашёл к ним в келию, чтобы приобрести несколько ложек, и отец Михаил дал ему хорошие ложки, вырезанные собственными руками. Но паломник сказал: «А ничего получше у вас нет?» Тогда отца Михаила просветил Бог, и он показал ложки своего старца. «Ну, вот такие-то я возьму!» – воскликнул паломник и купил кривые ложки. Возможно, он сделал это потому, что они были вырезаны с большей молитвой и несли на себе божественную благодать.

Отец Михаил был добрым послушником и понудителем себя. Братской любовью он был связан с подвизавшимся тогда на Кавсокаливии старцем Порфирием.⁹⁴ С послушнического периода два будущих старца подвизались вместе. Их дружба не была просто симпатией друг ко другу. По дару благодати старец Порфирий явно видел благодать, почивавшую на его духовном друге, отце Михаиле. Поэтому отец Порфирий перед кончиной попросил, чтобы его похоронили в том же месте, где был похоронен отец Михаил – что и было сделано.

На Кавсокаливии жил тогда старец отец Феопемпт – в безмолвной и полуразрушенной келие на самом краю скита. Он был понудителем естества, делателем умной молитвы, а также Христа ради юродивым. Всю неделю он безмолвствовал в своей келии, а по воскресеньям и праздничным дням приходил на Божественную Литургию в соборный храм скита, где причащался Святых Христовых Таин.

⁹⁴ *Старец Порфирий Кавсокаливит* (Баирактарис, 1906–1991) – один из самых почитаемых в Греции старцев. На русском языке см., например, книгу «Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова». Малоярославец: Свято-Никольский Черноостровский женский монастырь, 2008.

Старец Михаил Кавсокаливит

С этим-то старцем отец Михаил и завязал духовную дружбу. Он носил старцу сухари и кое-какие съестные припасы, тогда как подвижник Феопемпт руководил отца Михаила в делании умной молитвы. Однажды отец Михаил начал харкать кровью и в беспокойстве побежал сказать об этом старцу Феопемпту. Тот успокоил его, сказав, что это произошло от излишнего напряжения во время молитвы.

Отец Михаил благоговел перед святым архангелом Божиим Михаилом не только потому, что носил его имя, но и ещё по одной причине. Как он рассказывал своему тёзке, общежительному монаху, однажды во время келейного правила перед ним явился сам святой архангел Михаил и показал ему, как надо молиться: как держать чётки, как произносить молитву Иисусову, как одновременно с этим осенять себя крестным знаменiem и совершать малые поклоны. Время шло, и деревянные ложки перестали пользоваться спросом. Для того, чтобы как-то выжить, отец Михаил научился писать иконы. К тому времени его старец уже умер, а в братство пришёл ещё один человек – отец Гавриил. Отец Михаил научил иконописи и его. Старец Михаил был хорошим иконописцем, он писал иконы с молитвой и благоговением, поэтому от его икон и совершались чудеса.

Отец Гавриил, послушник старца Михаила, рассказывал: «Однажды, когда мой старец отец Михаил писал икону Господа Иисуса Христа, он увидел во сне Самого Христа с радостным лицом. Господь сказал, что новая икона – прекрасна, только требуется исправить некоторые недостатки».

Также старец написал икону святого архангела Михаила в том виде, в каком тот ему явился. На острове Рбдос одному крестьянину на пути в Архиполис явился святой Нектарий Пентапóльский⁹⁵ и велел построить на этом месте церковь. Вскоре там была построена прекрасная церквушка. Ктитору заказали отцу Михаилу икону святого Нектария. От этой иконы ныне происходит много чудес. Однажды к ней принесли парализованного турка, он приложился к этой иконе и стал здоров.

Также старцем была написана икона святого Саввы Калимнского.⁹⁶ Когда её принесли на остров Кáлимнос, колокола начали звонить сами.

Слёзы приходили к отцу Михаилу, когда он того хотел. Как-то раз старца посетили два отца, жившие в высокогорной местности недалеко от келии святого Василия Великого. Во время беседы отец Михаил писал икону. Вдруг монахи увидели, как слёзы ручьями потекли по его щекам, а лицо покраснело. Отцы забеспокоились и стали спрашивать, что случилось. Старец объяснил им, что это происходит по действию умной молитвы, которую он старается творить непрестанно.

Отцам, просившим дать им какое-то наставление, старец говорил об умной молитве. Сам он в своё время получил духовную пользу от упомянутого выше старца Феопемпта и ещё от одного старца, который подвизался на пустынном безводном островке святого Христофора, расположенного напротив Кавсокаливского скита.

Когда отец Михаил состарился и заболел, послушник пришил на его одеяло молнию, сделав подобие спального мешка, чтобы старец не раскрывался по ночам и не замерзал. Однажды ночью из келии старца Михаила донеслись голоса. Послушник открыл дверь, чтобы увидеть, с кем разговаривает старец. Отец Михаил воскликнул: «Что же ты натворил! Сюда приходил святой Нектарий, а я не мог выпутаться из этого спального мешка и подняться!»

Старец Михаил знал, где находятся сокрытые мощи святого Максима Кавсокаливита, и рассказал об этом своему другу старцу Порфирию.

Знавшие старца Михаила говорят, что, по всеобщему убеждению, он был добродетельным монахом, человеком Божиим – беззлобным, как овечка. Старец любил богослужения суточного круга. Он не нёс великих подвигов, не совершал особых постов и чрезвычайных

⁹⁵ *Святитель Нектарий Эгинский* (1846–1920) – один из наиболее почитаемых в Греции святых. Он был митрополитом Пентапóльским (в Египте) в течение всего лишь одного года, после чего проповедовал в Греции, руководил богословской школой в Афинах, а последние 12 лет своей жизни святой провёл на острове Эгина, где и покоятся его мощи. Канонизирован Константинопольской Церковью в 1961 году; память 9 ноября.

⁹⁶ *Преподобный Савва Новый, Калимнский* (1862–1948) – аскет, духовник и иконописец, подвизавшийся на Афоне, в Святой Земле, затем на острове Эгина под руководством свт. Нектария Эгинского, а в последние годы – на греческом острове Кáлимнос; память 25 марта.

всенощных бдений, однако был необыкновенно милостив, кроток и мирен со всеми. Старец дарил обильную любовь всем отцам. Он оставлял свои собственные дела и шёл к братьям, которые болели или нуждались в помощи. Он забрал к себе в келию больного старца Афана-сия, последнего из братства иеромонаха Харитона, духовника и исихаста, и заботился о нем.

Старец имел дарование поддерживать и ободрять молодых монахов, рассказывая им удивительные истории. О гордости он говорил так: «Человек гордый предпочтёт трижды подняться на вершину Афона вместо того, чтобы один-единственный раз сказать: “Прости и благослови”». Старец давал прекрасные практические советы паломникам, которые заходили в его келию. Одному священнослужителю-проповеднику из мира старец советовал: «Говори! Ты что, не видишь, сколь многих людей увлекли в свою прелесть коммунисты своими настойчивыми и постоянными “проповедями”?»

Старец был уважаем и любим всеми отцами. Он мирно скончался в 1978 году.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

9. Старец Феофил Лавриот

Старец родился в 1885 году в греческом селе Каниа́ни недалеко от города Ламия́, в святом крещении был назван Фома. Его фамилия была Капси́с. Он поступил послушником в Великую Афонскую Лавру 14 июля 1910 года и после годичного испытания 15 августа 1911 года был пострижен в монахи, получив имя Феофил. Несмотря на то, что отец Феофил жил в особножительном монастыре, он отличался необыкновенным подвижничеством, был большим аскетом, человеком молитвы и монашеской акивии. Ни одного богослужения суточного круга он не пропускал. Перед началом службы вставал в свою стасидию,⁹⁷ в которой никогда не присаживался, и не выходил из неё, пока не звучал последний отпѹст.

Старец следил за тем, чтобы богослужение совершалось по уставу, и если видел, что устав нарушается, то делал замечание. Как-то раз на всенощном бдении один молодой монах начал петь полиелей «с выражением», не по-монашески. Как только он пропел первый стих, к певческому аналою подошёл старец Феофил и сказал: «Отче, тебя ведь не слышат ни Бог, ни люди. Одни бесы слушают да радуются. Смиренно, смиренно надо петь, чтобы Бог слышал нас и радовался – как своим детям».

В своей келии для большей аскезы старец зимой никогда не зажигал огня и терпел холод. По той же причине он никогда не надевал чулок.

Старец очень строго постился, и проэстамены монастыря наложили на него канон: смягчить пост, чтобы не умереть. Старец не принимал пищу до часа, им же самым определённого, так как считал это тайноядением. Он собирал фрукты, завязывал их в платок, но не прикасался к ним до трапезы. Перед трапезой старец совершал молитву и уже тогда вкушал эти фрукты. Он никогда не ел мяса, несмотря на то, что жил в особножительном монастыре.⁹⁸ Те немногие деньги, которые Лавра давала своим насельникам, старец Феофил не тратил на себя, а отдавал их для ремонта монастырской пекарни. Сам он жил настолько просто и в такой нищете, что у него не было потребности ни в каких нуждах и тратах.

⁹⁷ *Стасидия* – деревянное кресло с высокой спинкой и откидным сидением, в котором можно как стоять, так и сидеть. Стасидии стоят в греческих храмах вдоль стен.

⁹⁸ В некоторых особножительных монастырях разрешалось вкушение мяса.

Старец нёс послушание пономаря, а в последние годы – келаря. В 1935 году, 15 января, он был избран проэстаменом, но вскоре сам ушёл с этой должности, потому что обязанности проэстамена не подходили ему по характеру и аскетическому образу жизни. Руководить другими, общаться с «большими людьми» и нести на своих плечах многочисленные заботы проэстамена – всё это было не для него.

Когда отец Феофил был келарем, то однажды потерял ключи. Старец плохо видел и поэтому позвал на помощь иеромонаха Василия. Они вместе с ним облазили весь монастырский двор до самого сада, но ключей так и не нашли. Тогда старец Феофил сказал: «Ну что же, мы сделали человеческое. Сейчас пойду молиться по чёткам, чтобы ключи нашёл святой мученик Мина». Он пошёл к себе в келию, возжёг свечу и начал молиться. И не успел старец закончить первую сотницу, как связка ключей упала на пол перед его ногами.

Однажды на Светлой седмице отец Феофил вместе с иеромонахом Василием посетил в Кариес двух отцов-келиотов – Арефу и Косму. Когда отцы открыли им дверь келии, то они, не сказав друг другу ни слова, вошли в церковь, где пропели «Христос воскрес...» и другие пасхальные песнопения, а уже затем поприветствовали друг друга и стали духовно беседовать – как делали это древние отцы.

Старца Феофила почитали в Лавре, его уважали за добродетель, а многие юноши, желавшие стать монахами, избирали его своим старцем. Отца Феофила любили все, поскольку он был человеком мирным и добродетельным. Однажды он услышал, как ругаются два насельника Лавры. Старец подошёл к ним и сказал: «Вы оба виноваты. Положите друг другу земной поклон и простите друг друга». Братия послушались, сделали то, что велел им старец, и примирились.

Старец Феофил Лавриот

Однажды на молитве старцу было видение, о котором он поведал иеромонаху Василию так: «Увиденное привело меня в ужас, но рассказать об этом я не могу».

Летом 1964 года, после празднования 1000-летия Святой Афонской Горы, Великая Лавра поддалась уговорам и дала согласие, чтобы к лаврской пристани подошёл корабль с женщинами. На это судно лаврские иеромонахи должны были перенести для поклонения святыни – часть Честного Древа и святыне мощи. Когда старец Феофил узнал об этом, он чрезвычайно расстроился, потому что посчитал это неподобающим и модернистским явлением. Он пошёл к членам Духовного собора и пытался привести разного рода доводы и аргументы, чтобы убедить их отказаться от этой затеи. Когда же его не послушали, он попросил отцов, которые приходили к нему за духовным советом, всю ночь молиться по чёткам. Корабль с женщинами подошёл и стал на рейде напротив монастыря. Море было идеально гладким, и на следующее утро должно было состояться поклонение святым мощам. Но ночью чётки старца Феофила и других отцов изменили погоду: поднялся шторм и корабль вынужден был уйти в тихое место.

Когда старец Феофил заболел, иеромонах Василий повёз его в мир в больницу. Врачи попросили его есть скромную пищу, пока он болеет, но старец отказывался, говоря: «Столько

лет на Святой Горе мы не ели мяса. Что же, будем есть его сейчас?» В постные дни, находясь в больнице, старец не ел даже йогурт. После больницы его привезли в Лавру на инвалидной коляске. Поскольку он был прикован к коляске, к нему в келию пришли шесть иереев, чтобы совершить над ним Таинство Елеосвящения. Соборование было совершено утром, а около полудня старец встал на ноги и вышел из келии. Отцы удивились, что он поднялся так быстро, а старец Феофил в свою очередь тоже удивился: «Ну а для чего же вы совершали соборование? Разве не для того, чтобы я выздоровел? Вот – имей благоговение и веру в таинство».

После соборования старец Феофил прожил ещё 10 лет и все эти годы ни разу не болел. В 1978 году в Великий Понедельник он прошёл по всем лаврским келиям и попросил прощения у каждого брата. В Великий Вторник старец не спустился на утреню. В Великую Среду, незадолго до рассвета, он позвал к себе иеромонаха Василия и попросил причастить его запасными Святыми Дарами, потому что, как он сказал, «через два часа я уйду». Действительно, через два часа после того, как отец Василий причастил старца, тот мирно предал свою освящённую душу Господу, которому служил и работал всю жизнь.

Старец Феофил скончался и был погребён в тот же день – в Великую Среду 18 апреля 1978 года в возрасте 93 лет.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

10. Иеромонах Мефодий Карейский

По происхождению иеромонах Мефодий был румын. Он родился 26 декабря 1905 года в городе Сибиу в Румынии. Родителей его звали Иоанн и Евдокия Пѳпас. В святом крещении его нарекли Василием. Придя на Святую Гору для того, чтобы стать монахом, Иоанн поселился в принадлежащей монастырю Кутлумуш келии святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата. В апреле 1932 года был совершѐн его постриг, и он получил имя Мефодий. За чистоту и благоговение он был рукоположен во иерея.

Однажды старец послал отца Мефодия в монастырь Эсфигмен для того, чтобы передать туда своё рукоделие, и строго заповедал ему вернуться в тот же день. Когда отец Мефодий пришѐл в Эсфигмен, погода резко испортилась и началась буря. Отцы монастыря пытались оставить Мефодия на ночь и не дать ему уйти в такую жуткую непогоду. Однако молодой монах, боясь нарушить заповедь своего старца, вышел из монастыря. Пройдя небольшую часть пути, он понял, что дальше идти невозможно. Тогда он нашѐл в одном дереве дупло, с трудом протиснулся внутрь и начал там молиться. Он погрузился в сон, а когда проснулся, увидел совсем близко свет. Отец Мефодий подумал: «Пойду, постучусь и попрошусь укрыться от непогоды». Подойдя ближе к свету, он постучал в ворота и вдруг увидел, что находится в своей келии. Его старец стоял на пороге, растерянный, встревоженный и восхищѐнный его послушанием.

После кончины старца отец Мефодий переселился в принадлежащую монастырю святого Павла келию святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата в Кариес, где подвизался с любочестием⁹⁹ и самоотвержением.

Иеромонах Мефодий был добродетельным человеком, и доказательством этому являлись его простота, мирное устроение, смиренномудрие и многие другие добродетели и безукоризненное житие. Старец был большим любителем богослужения и ревностным подвижником. Он не оставлял богослужений суточного круга и своего монашеского правила. Отцы помнят, что до глубокой старости он всегда надевал рясу и вставал на молитву в келии.

⁹⁹ В современном русском языке нет точного эквивалента греческому слову *φιλότης* (букв. «любочестие»). Небуквально его можно перевести как великодушие, расположенность к жертвенности, презрение к материальному ради нравственного или духовного идеала.

Отец Мефодий был смиренным человеком, наделённым многою любовью. В свою келию он принял жить одного добродетельного и благоговейного мирянина по имени Костас. Когда Костас скончался, его тело не окоченело. Руки и ноги были гибки, как у умерших монахов.¹⁰⁰ Некоторые думали, что Костас был тайным монахом.

Некоторое время в келии отца Мефодия жил один монах-кавиот, который недуговал сребролюбием. Накопленные деньги этот монах обменивал на золотые монеты. Золото он ссыпал в большую жестяную банку, закопал её в земляной пол, а сверху навалил навоза и пустых консервных банок, чтобы никто не догадался. Однажды отец Мефодий пошёл на престольный праздник в келию святого великомученика Георгия “Фанеромéну”, и в эту ночь в его келии случился пожар. Часть келии сгорела, другую часть успели потушить. К несчастью, сребролюбивый кавиот сгорел. Когда отец Мефодий начал очищать сгоревшую часть келии и выбрасывать головешки, то нашёл жестяную банку с золотыми монетами. Он пнул эту банку, она развалилась и высыпалась гора золота. «Ну и дела, – сказал расстроенный отец Мефодий, – вот диавол! Ведь по этой причине он и сжёг мою келию. Пусть кто хочет, забирает эти деньги. Я не возьму ни монеты». Часть этих денег взяли два монаха, которые впоследствии тяжело заболели.

Однажды во время престольного праздника в монастыре святого Павла на море поднялся шторм. Стоявший на причале у монастырской пристани деревянный каик¹⁰¹ вытащили на сушу. По окончании праздника 10–15 человек пытались толкнуть каик в море, но им это не удавалось. Тогда отец Мефодий, который оказался поблизости, попросил их отойти в сторонку и, помолившись, один легко стащил каик в море – но не своей силой, а Божией, укрепившей его.

¹⁰⁰ По необъяснимым наукой причинам у тел умерших афонских монахов отсутствует один из признаков физической смерти – трупное окоченение. Мышцы конечностей умерших святогорцев остаются мягкими и гибкими.

¹⁰¹ *Каик* – небольшое рыболовецкое судно.

Иеромонах Мефодий

Отец Мефодий любил рассказывать один поразительный случай, который произошёл в Румынии:

«В соседней деревне один монах снял рясу и женился. Он родил детей, прошли годы и, наконец, он умер. Его подготовили к погребению и позвали священника. Когда пришёл батюшка, он увидел, что дом пуст и в нём ни души. Священник поднялся на второй этаж, где лежал покойник, и увидел только гроб с телом, больше никого не было. Священник удивлялся и спрашивал себя, что происходит. Тут он услышал на лестнице тяжёлые шаги. Обернулся и вдруг увидел огромного медведя, который прорычал: “Зачем ты пришёл сюда? Чтобы его отпевать? Это монах, и он отрёкся от ангельского образа. Отпевай его сколько хочешь, всё равно он мой!” Медведь тут же схватил покойника и исчез. Тогда священник как бы очнулся и увидел, что вокруг усопшего стоят люди и его оплакивают. Священник был подавлен, он словно помрачился умом, и когда немного пришёл в себя, то попросил, чтобы его отвели домой. Он не стал отпевать усопшего. Придя в себя и рассказав своим родным о страшном видении, он получил согласие своей матушки и ушёл в монахи на Святую Гору, где жил в подвижничестве и покаянии».

Отец Мефодий лично знал этого священника, слышал эту историю от него самого, и, волнуясь, пересказывал её другим.

Когда отца Мефодия спрашивали, почему он не берёт себе послушников, он отвечал: «Сейчас румыны начали приезжать на Святую Гору, но они – чада коммунизма. Мы были научены по-другому».

Братия монастыря святого Павла любили отца Мефодия, и когда они посещали Кариес, то останавливались в его келии. Когда отец Мефодий состарился, они его упрашивали переселиться в монастырь для того, чтобы за ним ухаживать. Отец Мефодий хотел бы жить в монастыре, но боялся, что его сделают духовником, как его земляка иеромонаха Макария из скита Лакку. После того как отца Макария поставили духовником, к нему потекли румыны со всей Святой Горы и стали у него исповедоваться. Отец Мефодий считал себя недостойным духовничества, боялся ответственности, он говорил: «Я для таких вещей не гожусь. Представьте, какую я буду нести ответственность, став духовником. Как я во всём разберусь?»

Великим постом 1979 года отец Мефодий заболел. Как рассказывает старец Паисий,¹⁰² в Крестопоклонную Неделю он позвал своего земляка румына иеромонаха Христофора и послал его в больницу монастыря Кутлумуш сказать их третьему духовному брату и земляку иеромонаху Иоакиму, что завтра в определённый час они оба отойдут ко Господу. Также он просил у отца Иоакима прощения за все, в чём был перед ним виноват. Отец Иоаким поверил словам отца Мефодия и с радостью, помолясь Пресвятой Богородице, стал ждать смертного часа. На следующий день около 5 часов по византийскому времени отец Иоаким и отец Мефодий мирно отошли ко Господу. Это было 13 марта 1979 года. Две освященных души представились ко Господу одновременно, поскольку они были духовными братьями и имели между собой большую любовь. Они просили этого у Господа: не разделяться ни в сей жизни, ни в будущей.

Благословение их и молитвы да будут с нами.

Аминь.

¹⁰² *Старец Паисий Святогорец. Отцы-святогорцы и святогорские истории. С. 138–139.*

11. Делатель трезвения, григориатский монах Авксентий

Старец родился в 1893 году в селе Мандра недалеко от греческого города Элевсина. Его родителей звали Константин и Евангелия Костандонисы. По национальности старец был албанцем. Далёкие корни его рода уходили в мученический Северный Эпир.¹⁰³ В святом крещении мальчика назвали Афанасием. Он был старшим ребёнком в семье, у него были три брата и две сестры. Одна из сестёр старца, Антигони, тоже стала монахиней с именем Анисия. Когда Афанасий был младенцем, он, подобно святителю Николаю, не пил материнское молоко по средам и пятницам, предызображая таким образом своё будущее пожизненное воздержание.

С детского возраста Афанасий любил церковь и молитву. Младшие дети восхищались его добротой. Подрастая, он стал помогать своему отцу в крестьянских трудах и в уходе за животными. Недалеко от их села была пещера, из которой по ночам был виден свет, и поэтому вся та местность называлась «Лампадой». Эта пещера находилась очень высоко, среди отвесных скал, и поэтому никто не мог туда забраться. Афанасию удалось подняться в эту пещеру, он пробыл в ней двое суток. Там с ним произошло некое божественное событие, которое оказало на него сильное влияние. Спустившись из пещеры, юноша, не сказав никому ни слова и не заходя за вещами, ушёл из дома, чтобы стать монахом. Сначала он направился в монастырь Пентеликён,¹⁰⁴ но там прожил недолго. Афанасий стал послушником в монастыре преподобного Мелетия, однако оттуда его забрали в армию, и он два года воевал солдатом на малоазийской войне.¹⁰⁵ В 1920 году, после демобилизации, Афанасий в возрасте 28 лет приехал на Святую Афонскую Гору и стал монахом в обители преподобного Григория.

¹⁰³ *Северный Эпир* – так греки называют южную Албанию, где есть греческое меньшинство. Греческая армия оккупировала Северный Эпир в 1913 году в ходе первой балканской войны, но была вынуждена покинуть его в 1914 году по настоянию «великих держав».

¹⁰⁴ Речь идёт о монастыре Успения Пресвятой Богородицы, расположенном на склоне горы Пентеликон в Аттике, в 18 км от Афин (основан в 1578 году).

¹⁰⁵ *Вторая греко-турецкая (малоазиатская) война* (1919–1923) закончилась для Греции полным разгромом и греко-турецким обменом населением. Людей заставляли оставлять веками обжитые места, бросать свои храмы и могилы предков. Малоазиатская катастрофа до сих пор вспоминается в Греции, как наиболее чёрные дни в истории греческого народа.

Его ревностное служение, акривия в послушании и в монашеской жизни в целом, его подвижнический дух и боголюбие обратили на него внимание отцов обители, и уже через год Афанасий был пострижен в великую схиму с именем Авксентий.

Отец Авксентий нёс послушание в церкви, на мельнице, в поварне, на монастырских подворьях вне Афонской Горы, в садах и огородах. Он был трудолюбивым, деятельным и старательным на каждом послушании. Он очень уставал, и в начале своего монашеского пути в течение 11 лет вёл брань со сном. Он расстраивался, что иногда после дневных трудов на богослужении его борол сон. Когда он поисповедовался в этом игумену Афанасию, тот велел не падать духом, потому что «церковь подобна кораблю, который плывёт по морю: кто-то на этом корабле бдит, кто-то спит, но корабль идёт вперёд и когда-то своей цели достигнет». Услышав такой совет, отец Авксентий укрепился, исполнился дерзновением и продолжил свою борьбу. И в конце концов он победил сон. Так он достиг того, что совершал бдение в своей келии всю ночь – либо сидя на скамеечке, либо делая земные поклоны и молясь по чёткам с крестным знаменiem; немного отдыхал он только днём. Этот устав старец Авксентий держал даже в глубокой старости, когда ослеп и страдал от грыжи.

В монастыре Григориат игумен дал послушание одному брату не спать всю ночь; он должен был исполнять обязанности ночного сторожа, обходить монастырь и заходить к отцу Авксентию, чтобы посмотреть, не нужно ли ему чего. Сколько бы раз этот брат ни заглядывал к старцу, тот всегда стоял на ногах. Однако, услышав шаги, он тут же присаживался на кровать и делал вид, что спит. Отцы, узнав устав старца, старались входить в его келию без шума, чтобы не прерывать его молитву, поскольку видели, что он, стоя на ногах, молится.

Старец Авксентий

Старец Авксентий был монахом молчаливым и любящим исихию. Когда он видел соблазн, то тут же уходил. Он мало говорил, но много подвизался. «Когда я разговариваю, – признавался он, – то испытываю трудности в моём духовном делании, ведь потом ко мне приходят совсем другие помыслы».¹⁰⁶

Обычно, когда люди стареют, у них увеличивается потребность в общении. С отцом Авксентием было совсем по-другому. Он предпочитал тишину и безмолвие – для того чтобы не прерывать своё умное делание. Когда кто-то из молодых отцов засиживался в его келии, старец деликатно, но твердо прерывал беседу и давал брату понять, что пришло время оставить его одного. Однажды брат, послушанием которого было помогать отцу Авксентию идти из келии в церковь, начал разговаривать с ним по пути. Отец Авксентий строго сказал ему: «Не разговаривай со мной по дороге!» – он не хотел, чтобы его отрывали от молитвы. Он был монахом не только делания, но и созерцания. Главным в жизни старца было трезвение – подвиг редкий и трудный в стенах общежительного монастыря. Он достиг великой меры – подобных ему трудно найти даже в пустыне. До своей кончины отец Авксентий не переставал заниматься умной молитвой, поэтому он пребывал затворником в своей келии, не бродил по двору монастыря и избегал бесед с другими, не желая прерывать свою умную молитву.

Старец советовал: «Творите постоянно молитву Иисусову – делая так, вы будете со Христом. Творя Иисусову молитву, человек ощущает единство с Богом, он понимает, что Бог – это всё. Творя молитву, вы изгоняете помыслы. Сам Христос научит вас молитве и вас просветит. Только смотрите, чтобы ум ваш находился внутри сердца. Однако когда вы устаёте, говорите “Господи Иисусе Христе...” устами. Я могу посоветовать вам только одно: “Господи Иисусе Христе...”. Ничего другого я вам посоветовать не могу».¹⁰⁷ Когда старца Авксентия спрашивали: «Что нам делать, чтобы удостоиться Царства Небесного?» – он отвечал: «Непрестанно говорите Иисусову молитву: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя”». Монахам старец советовал творить молитву Иисусову, которую он называл «молитвой в сердце», а мирянам – исполнять заповеди Божии и читать Священное Писание.

Сам старец осуществил в своей жизни заповедь *непрестанно моли́тесь*¹⁰⁸ и, кроме того, достиг такого духовного преуспевания, что творил молитву Иисусову даже во сне – он открыл это в простоте сердца старцу Паисию.

Уже будучи слепым, старец рассказал: «Когда я творю молитву, то справа вижу свет. Я вижу его, когда совершаю своё монашеское правило по чёткам. Вижу его часто. Этот свет уходит, а потом вновь возвращается. Однако это не главное. Главное – любовь ко Христу, которая приходит в сердце».

Старец почти всегда видел Нетварный Свет, и, не увидев его однажды, обеспокоился и попросил исповеди у духовника. Как-то служилась Литургия в одном из монастырских параклисов,¹⁰⁹ в храме преподобного Григория, ктитора святой обители, и отца Авксентия привели туда причащаться. Когда он, приготовленный ко Святому Причащению, со многим желанием и благоговением подходил к Святой Чаше, литургисающий иерей был ослеплён сильным и ярким светом, исходившим от лица старца. Оно сияло ярче солнца, и священник не мог не то что его причастить, но даже различить старца в этом свете. «Его лицо сияло настолько сильно, – рассказывал иеромонах, – что когда я поднял глаза и попытался взглянуть на него, у меня закру-

¹⁰⁶ См. журнал *Ὁ Ὁσιος Γρηγόριος*. 1981. № 6. Σελ. 95. С благословения игумена мы используем некоторые сведения данной публикации, чтобы дополнить житие. – *Прим. сост.*

¹⁰⁷ *Ὁ Ὁσιος Γρηγόριος*. 1981. № 6. Σελ. 95–96.

¹⁰⁸ 1 Фес. 5:17.

¹⁰⁹ *Παράκλις* (от греч. *παρεκκλήσις* – «при церкви») – в афонских монастырях придел соборного храма или небольшая церковка, например, в братском корпусе или монастырской больнице.

жила голова, и я чуть не упал. Я поднял руку и прикрыл рукой глаза, потому что был не в силах выносить этот свет. Отец Авксентий весь сиял». Через какое-то время этот Нетварный Свет ослаб, и, придя в себя, потрясённый священник причастил отца Авксентия.

Старец становился созерцателем Нетварного Света и достигал состояния божественного рачения благодаря настойчивости и усердию в молитве. Старец знал наизусть много молитв и чередовал их с молитвой Иисусовой. Он знал весь акафист Пресвятой Богородице вместе с соответствующим каноном и часто их прочитывал. Каждую ночь он читал наизусть Псалтирь, а после псалмов продолжал творить Иисусову молитву. Отец Авксентий очень любил богослужение. Ему особо нравились молитвы последования ко Святому Причащению, он читал их с особой нежностью и желанием. Старец не хотел упустить ни одного слова из богослужения. Когда он уже плохо слышал, то иногда подходил вплотную к чтецу, а иногда громко просил из своей стасидии: «Читайте погромче!»

Старцу Авксентию удалось соблюсти монашеский обет о нестяжании. Он был абсолютно нищ – не имел ничего и не хотел ничего, кроме Христа. С того момента, как стал монахом, он всегда одевался в старую одежду и всю свою монашескую жизнь проходил в одной паре ботинок. По дороге, когда его никто не видел – для того, чтобы обувь не портилась, а также ради аскезы, – он снимал ботинки и нёс их под мышкой, шагая босиком, испытывая боль и неудобство. Однажды в отсутствие старца братья выбросили его старые полуистлевшие майки в пропасть. Узнав об этом, старец расстроился, затем спустился в пропасть и собрал свои майки. В его келии не было абсолютно ничего – только несколько икон и книг.

Старец был совершенным странником. Он не имел никакой связи и общения со своими родственниками по плоти. Когда по прошествии 30 лет его братья приехали на Святую Афонскую Гору, чтобы с ним встретиться, старец, не желая их видеть, убежал в виноградник. Только когда отцы монастыря настояли, он ради послушания «побеседовал» со своими братьями, сказав им, чтоб больше сюда не приезжали и его не беспокоили.

Как свидетельствуют братия, жившие со старцем Авксентием в одном монастыре, он был великим понудителем себя. Старец очень уставал на послушаниях. Он мог одновременно чрезвычайно строго поститься и копать землю в винограднике. Он был подвижником. Ему были совершенно неведомы некоторые виды пищи и лакомства. Когда в старости он заболел, то служивший ему брат спросил, не хочет ли он халвы или мармелада. С удивлением старец переспросил: «Мармелад? А что это такое?» В обязанности повара и помощника повара входило приносить пищу старцу Авксентию. Однажды братия увидели, что в поварню спускается сам старец и говорит им: «Дайте мне, пожалуйста, немножко поесть. Три дня ничего не ел». Братия положили ему поклон, потому что забыли о нём, но старец принял это безропотно.

Отец Авксентий отличался большим самоотречением. Он не захотел выезжать в мир для того, чтобы делать операцию на глаза, и поэтому потерял зрение. Несмотря на то, что старца очень мучила грыжа, он также отказался выехать в мир на операцию. Вставлять себе зубы тоже не хотел: у него во рту не было ни одного зуба, и он с трудом жевал жёсткую пищу. Старец был против того, чтобы ему готовили отдельно; когда его спрашивали, чего он хотел бы поесть, он отвечал: «То же, что и все». Старец всегда вкушал пищу с воздержанием и в меру. Если его уговаривали поесть больше, он отвечал: «Не давите на меня. Много еды – это не по Богу». Отец Авксентий делился пищей с братом, который за ним ухаживал. Причастившись Святых Христовых Таин, он закрывался у себя в келии и молился, не разговаривал и не отвечал ни на какие вопросы. Однажды после причастия отцы застали его в келии лежащим в земном поклоне и молящимся. Старец находился в созерцании, он не заметил отцов, наблюдавших за ним.

Отец Авксентий к старости ослеп, кроме этого, он плохо слышал и не знал точного времени. Не желая опаздывать на богослужение, он обычно выходил из своей келии за два часа. Однажды ночью идя в храм, он споткнулся, упал, и из его носа стала не переставая течь кровь,

которая залила всё вокруг. Старец потерял столько сил, что не мог подняться. Примерно через два часа его нашли лежащим в луже крови и перенесли в герокомио.¹¹⁰ Там его отмыли, и один из братьев остался с ним. Подумав, что все отцы ушли и что он один, старец сбросил одеяло, стал на ноги и начал совершать своё монашеское правило, несколько часов молясь по чёткам. Однажды отцы сказали ему: «Геро-Авксентий, ты ведь уже старичок, сиди в своей келии, не нужно тебе приходить на службу». Он ответил: «Не лишайте меня храма. Там я чувствую себя по-настоящему свободным».

Когда старец ещё видел, то читал «Добротолюбие», причём в оригинале, то есть на древнегреческом языке. Пять томов «Добротолюбия» он прочитал четыре раза. Когда отцы спрашивали его, что им читать, он советовал «Добротолюбие». А когда они говорили, что не понимают написанного там, он отвечал: «Ничего. Потихоньку поймёте».

Старец особо любил «Добротолюбие», потому что и сам был великим делателем трезвения. Его опыт и пережитое им были подобны тому, что он читал у любимых им отцов «Добротолюбия». Как он открыл своему духовнику, во время двенадцатой чётки своего монашеского правила он видит Нетварный Свет – хотя абсолютно слеп. И вот, несмотря на то, что молитва старца была непрерывной, несмотря на то, что даже в старости он совершал 150 земных поклонов ежедневно, он смирял себя и с самоукорением говорил: «Я шагаю во тьме, меня удерживает бесчувствие, и я трачу дни своей жизни в суете».

Однажды отца Авксентия посетил иеромонах Исаак с Капсалы и спросил его, как можно понять, что молитва становится сердечной. Старец ответил: «Она становится сердечной, когда прекращаются помыслы». А когда отец Исаак начал спрашивать отца Авксентия о великих состояниях: о Свете и видениях, тот строго прервал его: «Ты такого не ищи! Ищи-ка ты лучше очищения от страстей».

Двум юношам, которые положили поклон послушничества, старец вместе с добрыми пожеланиями дал следующий совет: «Следуйте пути истинного покаяния».

Старец Авксентий, подвизаясь и претерпевая старость и болезни, имея спутником неотлучную от него и возлюбленную им молитву Иисусову, наконец, победителем окончил свой монашеский путь. Он был послушлив даже до смерти, был понудителем своего естества даже до крови и крайне нестяжателен. Старец был чужд миру и свой Богу, его любили отцы, к нему тянулась братия, он был правилом монашеской акривии и делателем трезвения, подвижником, стяжавшим непрестанную молитву.

Старец скончался 1 марта 1981 года на рассвете Недели Торжества Православия в возрасте 89 лет – полностью подготовленным к иной жизни. Игумен и братия монастыря с восхищением и умилением говорили о старце Авксентии, о его подвижнических и трезвеннических подвигах, и во время его погребения у отцов было чувство, что они предпосылают нового преподобного в Церковь первородных, в Царствие Небесное.

После его кончины один брат спросил старца Паисия, спасся ли отец Авксентий, и получил следующий ответ: «Если не спасся он, то и никто из нас не спасётся».

Честная глава отца Авксентия время от времени источает благоухание, как свидетельствуют некоторые отцы.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

¹¹⁰ *Герокомио* – в греческих монастырях место, где живут и получают уход престарелые монахи.

12. Старец Арсений, насельник монастыря Симонопетра

Родом отец Арсений был из Эпира. Он родился в 1913 году в селе Фортоса недалеко от города Янина. Родителей его звали Димитрий и Хрисавгий. Они были людьми незнатными и бедными, но при этом верующими и благородными. Мальчика крестили с именем Николай, воспитали в благоговении – традиционном для края зелёных полей и высоких гор. Получив начальное образование, будущий старец стал помогать родителям в разного рода домашних работах. Когда он был ребёнком, с ним случился несчастный случай: он неожиданно оказался под копытами молодого быка. Николай стал машинально призывать на помощь Пресвятую Богородицу, и бык прошёл над ним, не оставив на нём ни царапины. С этого времени мальчик стал считать Пресвятую Богородицу своей Покровительницей.

В юном возрасте Николай оставил родное село и переселился в Афины, где стал работать у своего дяди, владельца пекарни. По утрам, в ранний час, Николай вместе с дядей уже пекли хлеб и бублики. Мальчик клал выпечку на поднос и выходил на улицу, чтобы продать её спешившим на работу людям.

Как-то раз на одном из афинских перекрёстков его увидел архимандрит Иероним, который тогда был игуменом монастыря Симонопетра. Отец Иероним был человеком очень добродетельным и духовным. На просьбу мальчика купить у него что-нибудь из выпечки архимандрит с улыбкой ответил: «Не бублики мне нужны, а ты», – и купил предложенные бублики. Отчётливо распознав то, к чему сердечно тяготел юноша, отец Иероним стал рассказывать ему о Святой Афонской Горе, о Пресвятой Богородице, святых, подвижниках, монахах, о монастыре Симонопетра. От рассказов старца в мальчике возгорелся новый огонь, который разгорался всё больше и больше во время его последующих встреч со святым старцем Иеронимом. Эти встречи происходили на подворье монастыря в храме Вознесения на улице Байрона, когда отец Иероним приезжал в Афины со Святой Горы поисповедовать своих духовных чад.

Каждое монашеское призвание начинается чудесным и особенным для человеческой души образом. В случае с Николаем слово и пример старца Иеронима побудили его, совсем ещё ребёнка, задуматься об иноческом пути и о посвящении себя Богу. Размышляя об этом желании, возделывая его и почувствовав, что оно уже созрело, Николай решил оставить мир, прийти на Святую Афонскую Гору и стать монахом-подвижником.

Николай сумел выскользнуть из-под опеки своего дяди и приплыть в Салоники, а оттуда пешком дошёл до Афона. Путь занял три дня. Однако для того, чтобы попасть на Святую Гору, нужны были документы: свидетельство о рождении, паспорт и тому подобное. У Николая ничего этого не оказалось, а поскольку он был ещё и очень молод, полицейские не разрешали ему въехать на Афон. Николай как истинный уроженец Эпира – края, жители которого отличаются закалкой, мужеством и бесстрашием, пешком через непроходимый лес вошёл на Афон с северной стороны и по суше достиг монастыря Симонопетра. Это было в 1929 году. В монастыре юношу принял старец Иероним.

В те времена Святую Гору мучила немощь проклятой «местечковости». В каждом монастыре жили монахи только из одной местности. Если в монастырь хотел поступить брат из другого места – не земляк насельников этой обители, то его не принимали. Но даже если и принимали на время, то вскоре многими насмешками и издевательствами вынуждали брата уйти. В случае со старцем Арсением произошло то же самое. По причине календарного спора¹¹¹ монастырь пережил глубокий кризис, в результате которого игумен Иероним, несмотря на всю свою духовность и вклад в возрождение обители, был изгнан из Симонопетра. Сначала после изгнания отец Иероним жил в монастыре Кутлумуш, а оттуда переехал на Вознесенское подворье монастыря. Его духовные чада, его постриженники, которые не были малоазитского происхождения,¹¹² тоже были изгнаны из обители. Так, отец Арсений, к тому времени уже молодой монах, оказался на Кавсокаливии. Он поселился в этом месте, поскольку слышал, что там подвизаются святые монахи и подвижники. Отец Арсений поселился в каливе Благовещения и стал жить в послушании у старца Михаила.

Жизнь в скиту на Святой Афонской Горе жестка и болезненна. Живя вне общежития, монах должен усерднее трудиться, а если братство каливы или келии малочисленно, то большая тяжесть трудов ложится на плечи самого молодого монаха, который помимо ежедневных богослужений и личного монашеского правила должен выполнять необходимые повседневные работы. Кроме вышеперечисленного, монаху необходимо заниматься и рукоделием для того, чтобы заработать на хлеб насущный.

В каливе, куда поступил отец Арсений, рукоделием было изготовление деревянных ложек. Молодой монах легко научился этому ремеслу, однако чем больше он совершенствовался в нём и чем усерднее им занимался, тем слабее становилось пламя аскезы, постепенно затухавшее в его сердце. Так он стал просто хранить в своём сердце тлеющий уголёк подвижничества – в ожидании лучших дней.

На Кавсокаливии отец Арсений прожил 11 лет – с 1930 по 1941 годы. Эти годы прошли в труде, послушании и освящении. Однако война 1940 года, нехватка самого необходимого, голод, отсутствие спроса на рукоделие и другие беды вынудили подвижников искать иные пути, чтобы заработать на хлеб насущный. В горький 1940-й год Бог благословил масличные деревья обильным урожаем. В тот год на Афоне уродилось невероятное количество маслин. Подвижники из скитов и келий пришли на помощь монастырям и стали принимать участие в сборе маслин. Половину собранного они отдавали монастырю, половину забирали себе. И вот после 10 лет отсутствия отец Арсений оказался в своём любимом монастыре Симонопетра.

¹¹¹ В 1924 году Константинопольский Патриарх провёл церковную реформу, приняв новоюлианский календарь, очень близкий к григорианскому. Подавляющее большинство Поместных Церквей также перешли на новый стиль, но в Греции при этом возник старостильный раскол, продолжающийся до сих пор. Афонские монастыри, хотя и отказались решительно от нового стиля, однако не прервали общения с Вселенской Церковью, и в Элладе сложилась парадоксальная ситуация: на большей части территории страны старостильники отделены от Православной Церкви, а на афонском полуострове старостильники (т. е. афонские монахи) – её прочные столпы. Однако календарная реформа породила смуту и в среде иночества Святой Афонской Горы. Насельниками монашеской республики был учреждён «Священный союз монахов-зилотов», противостоявший введению нового календаря. В 1927 году эта организация была запрещена, а 19 наиболее активных её членов были изгнаны со Святой Горы.

¹¹² В монастыре Симонопетра в те времена преобладали выходцы из Малой Азии.

Когда работы по сбору маслин закончились, он попросил разрешения отцов остаться навсегда, помня, что отсюда начал свой путь, что именно здесь его постригли. К тому времени самые старые отцы обители уже отошли в мир иной, а оставшиеся, видя нехватку братии в монастыре, согласились взять отца Арсения – к его великой радости и к их облегчению.

Однако своим внутренним духовным состоянием монастырь Симонопетра в то время не мог похвалиться. По причине немецкой оккупации монастырь покинул игумен Кесарий, обитель переживала тяжёлые дни. Отец Арсений трудился на многих послушаниях: в храме, в архондарике, в трапезной, на пристани, в Дафни. На всех послушаниях отец Арсений трудился с ревностью и готовностью, однако, как он сам говорил, «духовным не занимался и в духовное не углублялся». «Нынче день прожили, да и ладно, – говорил он, – а завтра как Бог даст». Тлеющий уголёк аскезы, ради которой он начал монашеский путь, быстро покрылся толстым слоем пепла от перегоравших ежедневно забот. Была опасность, что и этот уголёк потухнет. Но несмотря на то, что отец Арсений находился не в самом лучшем состоянии, страдал «головомкружением» от множества ежедневных дел и забот, Господь подавал ему знаки Своего присутствия, открывал Свой Промысл. Бог ждал, когда отец Арсений вернётся к первой цели своего ухода из мира, по изречению его великого тёзки: «Арсений, ради чего ты ушёл из мира?»¹¹³

Тогда послушанием отца Арсения было приглядывать за пристанью. Однажды он на лодке вышел в море ловить рыбу и в какой-то момент почувствовал, что лодка стала неуправляема. Морское течение потащило лодку в открытое море, она удалялась от берега всё дальше и дальше. Смеркалось. Отец Арсений уже потерял сушу из вида. Тогда он со слезами обратился к своей Покровительнице – Пресвятой Богородице и к святителю Николаю, в честь которого был освящён храм на пристани Симонопетра и перед иконой которого он ежедневно возжигал лампаду. Отец Арсений попросил их о помощи, и вдруг, паче чаяния, совершенно неожиданно оказался у пристани – но не монастыря Симонопетра, а в Дафни.

Шли годы. Этот чудесный случай тоже ушёл в прошлое. Отец Арсений продолжал жить в состоянии полного духовного равнодушия. «Я даже элементарных монашеских обязанностей не выполнял», – рассказывал он потом.

Монашеская жизнь требует постоянного побуждения – примером, словом, старанием. Как огонь, если не подбрасывать в него дрова, затухает, так и жизнь монашеская, если вышеперечисленного не хватает, начинает замирать. Тогда над монахом берут верх уныние, расслабление и духовная смерть.

Сам старец впоследствии рассказывал о том, как он вышел из состояния духовного равнодушия и вновь вошёл в ритм монашеской жизни. Это произошло чудесным образом – благодаря особому попущению Божию. Бог ведал глубины души отца Арсения и не хотел, чтобы он погиб. Итак, Сам Господь позаботился о том, чтобы отец Арсений оставил нерадение и вернулся на путь ревностной монашеской жизни.

«Я нёс послушание эконома в Дафни. В те годы на Святой Афонской Горе было много рабочих, потому что немецкая оккупация ещё не закончилась. Буквально за гроши эти люди были готовы трудиться где скажут. У меня там были сады, огороды, я даже держал кур и бройлерных цыплят, причём не только ради яиц, но и ради мяса. Всё это я продавал, а полученными деньгами расплачивался с рабочими. Представьте только: себе на зубы я поставил золотые коронки – тогда они были в моде! Абсолютно никакой аскетической жизни я не вёл. От сытной пищи и телесного покоя я *отолстел, разжирел и отверг Возлюбленного Христа*.¹¹⁴

Потом меня перевели в монастырь, и я стал нести послушание трапезника. Но и там работы почти не было – в монастыре было мало отцов. У меня было много свободного времени, а, как известно, “праздность – мать всякого зла”. Я вспомнил, как в детские годы в деревне

¹¹³ Достопамятные сказания... Об авве Арсении, п. 40.

¹¹⁴ См.: Втор. 32:15.

ставил ловушки и силки на птиц. Видите: страсти и слабости любят возвращаться на прежнее место. Я снова попробовал сплести силки и в один вечер поймал сразу трёх диких голубиц! Я сварил их. Каждый насельник монастыря Симонопетра мог иметь в келии керосинку, чтобы в понедельник, среду и пятницу – дни, когда полагалась одна трапеза – приготовить себе чай. Вот на этой-то керосинке я и приготовил свою “добычу”. С аппетитом наевшись мяса, я выпил вина и завалился спать. Уснув, я вдруг почувствовал какую-то тяжесть и неприятное ощущение в области груди и живота. Словно пришёл кто-то невидимый и уселся на меня верхом. Открываю глаза и вижу дьявола – в страшном виде, с ярко-красными горящими глазами и двумя рогами на голове. Дьявол, уставившись мне в лицо, стал дразнить меня, высовывая язык и издевательски хохоча. Ужаснувшись, я пытался избавиться от него молитвой, но ничего не помогало. Наконец, мне удалось осенить себя крестным знамением и проклятый сделался невидимым.

Я поднялся в ужасе, весь дрожал. В ту минуту я чувствовал, что если бы сейчас умер, то пошёл бы в вечную муку. Я был растерян, не знал, что делать, куда бежать и у кого просить помощи. В этом состоянии меня увидел старец Афанасий – брат по плоти старца Иосифа Исихаста. Мы взяли в его монастырь “на работу” чтеца... Вот были времена: наёмный седмичный, наёмный чтец, наёмные все!.. Ну, а как вы хотите: по-другому мы “не успевали”.

– Что с тобой? – спросил он меня. – Почему ты так взбудоражен? Что случилось?

Я рассказал, что произошло.

– А, так это был лукавый, который застал тебя в нерадении, – сказал он. – Знай: это попустил Бог по Своей любви, чтобы ты положил начало спасению.

– И что же мне делать? – спросил я. – Сделаю всё, что ты скажешь – иначе попаду в вечную муку.

– Найди духовника и поисповедуйся. И после того, как исполнишь епитимию, которую на тебя наложат, причастись Святых Христовых Таин.

А надо сказать, что к тому времени я уже много лет не исповедовался и не причащался. Поэтому я воскликнул:

– Где же я найду духовника? Я же никого не знаю! Я пойду к тому духовнику, к которому ты мне скажешь!

– Я назову тебе трёх, – ответил старец Афанасий, – а ты сам выбери, к кому идти.

В те времена не было традиции исповедоваться игумену монастыря. В монастырь обычно приглашали духовника откуда-нибудь из пустыни.

– В Новом скиту, – сказал отец Афанасий, – исповедуют отец Ефрем (будущий игумен святой обители Филофей) и отец Харалампий (будущий игумен святой обители Дионисиат).

Оба эти духовника были духовными братьями отца Афанасия, то есть послушниками старца Иосифа.

– А на Катунаках исповедует ещё один отец Ефрем – Катунакский. Этих духовников я знаю лично и могу тебе их порекомендовать. А ты сам выбери, кого хочешь, и прими решение.

Что мне было делать? Я не знал, кого выбрать! Наконец, я решил совершить молебный канон моей Покровительнице – Пресвятой Богородице, написать на бумажках три имени и вытащить одно из них. “Кого вытащу, – думал я, – к тому и пойду на исповедь и сделаю то, что скажет духовник”. Я так и сделал и вытащил имя отца Ефрема Катунакского. Успокоившись, сказал самому себе: “Так хочет Бог”. Я пошёл на исповедь на Катунаки, но, придя туда, чуть не впал в отчаяние. Оказалось, что отец Ефрем был послушником, а не старцем, поэтому как духовник не мог взять на себя ответственность за другого монаха, который не принадлежал к их братству. Однако доброта отца Ефрема и его очевидная монашеская любовь меня утешили. Послушавшись его, я пошёл и поисповедался отцу Харалампию. После исповеди я был счастлив, моё сердце успокоилось. С того дня я стал пытаться ежедневно исполнять то, что сказал мне духовник. Каждый день я совершал 300 земных поклонов и две сотницы чётков, вкушал только то, что предлагалось на трапезе и ничего помимо неё, кроме пустого чая в дни с

девятым часом. Причащаться я начал каждые две недели и перед Причастием три дня вкушал пищу без масла. Помимо своего обычного послушания – трапезника, я стал помогать как певчий на правом клиросе. Во мне вновь стала согреваться и разжигаться ревность к подвижнической жизни, ради которой я пришёл на Святую Гору. Я вновь начал читать акафист Пресвятой Богородице, который выучил наизусть, будучи новоначальным монахом, но совсем забыл из-за нерадивости».

Итак, отец Арсений стал жить согласно с правилом, которое дал ему духовник иеромонах Харалампий. Он начал читать творения святого Никодима Святогорца, однако ему было трудно принять преподобного Никодима как Отца Церкви. Также он читал творения Симеона Нового Богослова и другие аскетические книги. Отец Арсений стал потихоньку входить в образ и распорядок жизни новых отцов, которые пришли из Метеор¹¹⁵ и стали восстанавливать монастырь Симонопетра, он принимал этот распорядок всем сердцем, пытался жить по правилам монашеского общежития. Вторую келию, в которой у него была кухня, старец отдал монастырю. Всё лишнее тоже раздал. Чай стал пить, как и другие отцы, в общей кухоньке, которая была одна на этаже.

¹¹⁵ *Метеоры* – крупнейший в северной Греции комплекс монастырей, расположенных на вершинах скал Фессалии. В 1973 году в монастырь Симонопетра было приглашено монашеское братство из Метеор во главе с игуменом старцем Емилианом, известным в Греции духовником.

Старец Арсений

Отец Арсений доверил себя старцу Емилиану и приумножил свои подвиги. Подобно губке, он впитывал в себя каждое его наставление и поучение. Он совершал очень много земных поклонов, от которых по причине специфического и тесного строения Симонопетра происходил грохот на весь монастырь.

Напряжённые подвиги разбудили в отце Арсении и первое стремление его юности – любовь к аскетической жизни. И сейчас у него было для этого не просто желание, но и пригодные условия, а также вдохновитель в этой борьбе – старец Емилиан. Обсудив с ним своё желание, отец Арсений стал искать место для будущих подвигов. Он искал его в полном доверии Богу и старцу, твердо зная, что такое место обязательно найдётся. В поисках он пришёл в келию святого Модеста в местность Каравасáры, но нашёл келию закрытой и принял это как знак, что жить ему там не нужно. Потом он направился в старый монастырский виноградник, но там не было воды и предстояло много работы. Кроме того, прекрасный вид на Эгейское море показался старцу не подходящим для аскетической жизни. Затем отец Арсений попытался поселиться на пристани, но через пристань проходило много людей, которые мешали ему пребывать в вожденном безмолвии. Наконец, он остановился на келейке, которая называлась Калами́ца. Это был крохотный домик для рабочих – всего одна комнатка. Однако этот домик находился в таком безмолвном месте, как и желал отец Арсений.

По благословению игумена монастырь отремонтировал этот домик, так как в нём много лет уже никто не жил. Также была сделана небольшая цистерна для воды из пересыхающего летом ручья, поскольку родника близ этой келии не было. В первую седмицу Великого поста старец поселился там. Он начал жить действительно аскетично, безмолвно, вдали от посторонних глаз, таинственно переживая присутствие Божие.

Устав старца был следующим: с понедельника по субботу он находился в своей келие. Всю неделю он постился, вкушая немного растительной пищи без масла. Каждую ночь он совершал бдение по чину старца Иосифа. Утром немного отдыхал и занимался рукоделием – плёл чётки, а также читал духовные книги. Около полудня в субботу отец Арсений поднимался в монастырь, вкушал вместе с отцами на трапезе, принимал участие в воскресном богослужении и Божественной Литургии. После воскресной трапезы, взяв с собой припасы на неделю, он пешком возвращался в своё безмолвное обиталище.

Келия, в которой подвизался отец Арсений, отстоит от монастыря на расстоянии полутора часов пешего хода. Она находится внизу, у самого моря, и идти к ней по крутому спуску невыносимо трудно, однако подниматься по этой тропе вверх ещё тяжелее, если подъёму предшествует неделя, проведённая в аскетических подвигах, посте и всенощных бдениях. Летом поток, откуда брал воду отец Арсений, пересыхал, соответственно пустела и его цистерна для воды. Поэтому каждое воскресенье один из отцов на мулах привозил ему две большие фляги по 20 литров, которых хватало на неделю.

Отец Арсений был всегда радостен, очень вежлив и благодарен старцу и отцам, которые о нём заботились. С его уст не переставали сходить молитвы, благодарения и благословения. Он был действительно человеком Божиим – смиренным, аскетичным, братолюбивым и благородным; был настоящим монахом, подвижником, живущим по аскетическому распорядку и имеющим монашеский образ мыслей. Он являл собой образец для всех молодых иноков, будучи жизнерадостным и молчаливым одновременно. В старце было что-то, отличавшее его от других монахов, хотя внешне он ничем не выделялся – невысокого роста, с круглым лицом, с короткой седой бородой. Когда он улыбался, были видны его золотые зубы. И зимой, и летом он носил белые толстые чулки с мягкими домашними туфлями и белую толстую святогорскую майку.

Следующий случай показывает тонкость и деликатность характера отца Арсения, то, как он возделывал свою совесть и как принимал волю Божию.

Когда старца Емилиана избирали игуменом¹¹⁶ монастыря Симонопетра, старец Арсений присутствовал при избрании, однако, имея некое смущение в совести, за отца Емилиана не проголосовал. Как только голосование закончилось, он подошёл к новоизбранному игумену, положил ему поклон и сказал: «Я за тебя не голосовал, но коль братство избрало тебя игуменом, то вот я целую твою руку, кладу перед тобой земной поклон. Знай, что я всегда буду твоим послушником».

Золотые зубы отца Арсения напоминали ему о прежних днях, когда он жил в нерадении. И вот однажды они заболели, и ему пришлось ехать в Салоники к зубному врачу. Врач сказал отцу Арсению, что какие-то зубы надо удалить, на некоторые поставить пломбы, где-то удалить нерв и тому подобное. Тогда отец Арсений предложил врачу радикальный выход: вырвать у него все зубы и сделать вставную челюсть. Он горячо убеждал врача в этом и, наконец, врач согласился. Когда были удалены все зубы, отец Арсений сказал врачу: «Забирай это золото себе и делай с ним, что хочешь. Я прошу только одного: верни мне остатки моих собственных зубов. Когда меня будут хоронить, их положат рядом со мной в монастырской усыпальнице. Выбрасывать эти зубы неправильно. Я хочу, чтобы там, где будет находиться всё моё тело после смерти, находились и они». Так впоследствии и произошло. Старец глубоко верил в то, что тело священо, что оно освящается всё без остатка, – а нам это показывает, насколько мы должны быть внимательны.

Когда старец Арсений переселился в свою келейку, у него появилось много свободного времени. Раньше он прожил в пустыне 10 лет, и жизнь на природе была ему по душе. В свободное время старец возделывал огород, ухаживал за виноградником, деревьями. Он занимался этим, чтобы немного отвлекаться от аскетических трудов. Недалеко от своей келии он нашёл старую виноградную лозу, которая осталась от прежних обитателей, стал ухаживать за ней, обрезал её и подкармливал. Лоза ожила и очень разрослась. Неподалёку старец нашёл дикие смоковницы и захотел их привить. Насельник монастыря Симонопетра иеромонах Мирон показал ему, как прививать плодовые деревья, и дал ему привой. Несмотря на то, что смоковница почти всегда отторгает привой, все привитые деревья прижились. Также старец сажал на огороде овощи и собирал хороший урожай. Всё это отца Арсения радовало, однако, когда он шёл молиться или заниматься иным духовным делом, его ум постоянно отвлекался на садово-огородные дела. Его сердце было окрадываемо, занималось не Богом, а земным – это старцу не нравилось. На исповеди он обо всём рассказал духовнику отцу Харалампию. Духовник напомнил ему о цели, ради которой он ушёл в пустыню. «Это лукавый заботится о том, чтобы всё у тебя хорошо росло, чтобы ум твой уходил от Бога», – сказал отец Харалампий. Тогда старец Арсений вернулся в свою келию и забросил свои огородные дела, возложив всё попечение на Господа, зная, что Тот его пропитает. Так старец обрёл внутренний покой и, ни на что не отвлекаясь, продолжил своё подвижничество.

Духовник посоветовал отцу Арсению читать творения преподобного аввы Исаака Сирина, тот послушался и его аскеза разгорелась с новой силой. Ночами напролёт он совершал земные поклоны и молился. Чтобы удерживаться на ногах, старец пользовался двумя верёвочными петлями, прикреплёнными к потолку, или опирался на патерицу.¹¹⁷ От многих поклонов на его лбу образовалась большая шишка. Когда старец снимал скуфью, эту шишку было видно, и на вопрос, что это такое, он отшучивался: «Вот эта голова – она во всём виновата! Сейчас пришёл её черед помучиться!»

¹¹⁶ На Святой Горе игумен не назначается архиереем, а избирается на общем собрании братии.

¹¹⁷ Патери́ца – Т-образный посох, на который удобно опираться грудью.

Годы шли, а старец был очень радостен, тих и спокоен душой. Однако он стал терять зрение, читать становилось всё труднее и труднее. Игумен, узнав об этом, повёз его в Салоники к офтальмологу. Врач диагностировал катаракту и сказал, что надо оставить катаракту «дозреть», после чего удалить её хирургическим путём. Так и решили. Однако, когда пришло время ложиться на операцию, врач увидел, что кроме катаракты у отца Арсения ещё и глаукома, не поддающаяся лечению. Так отец Арсений узнал, что ему предстоит слепота. Он принял эту новость без ропота. Единственное, о чём он пожалел, так это о том, что уже не сможет жить в своей каливе. Когда об этом узнал игумен монастыря старец Емилиан, он воскликнул: «Да как же так? Надо было тебя отвезти к другому врачу!» Старец Арсений ответил: «Если бы это было к моей пользе, то Бог просветил бы тебя это сделать. Сейчас Он просветил тебя сделать по-другому, и произошло по-другому. Значит, Бог хочет от меня именно этого. Да будет препрославленно Его Имя». Отец Арсений переселился в монастырь и продолжал придерживаться своего аскетического распорядка, присовокупив к нему посещение богослужений в храме и частое Божественное Причащение. Своего духовника посещать он больше не мог, но отец Хараламбий, несмотря на свои игуменские обязанности, видя преуспевание отца Арсения и радуясь встречам с ним, приходил из Дионисиата и исповедовал его.

В начале святой Четыредесятницы 1981 года старец, по обычаю, не вкушал пищи три дня. В среду первой седмицы он причастился и чуть-чуть поел, но его вырвало, и он разволновался. Отец Арсений попросил, чтобы пригласили его духовника. Приехал отец Хараламбий, поисповедовал, утешил его, приготовил к отходу в вечность и на прощание сказал: «Ничем не смущайся и причащайся часто». На следующей неделе у отца Арсения произошёл инсульт, и 15 марта 1981 года, в то время, как над ним совершали Таинство Елеосвящения, он как добрый подвижник предал душу в руки нашего Праведного Судии Христа.

*Умираяй праведник, остави раскаяние.*¹¹⁸ Подобно этому и старец Арсений в конце своей жизни подвизался от всего сердца и с полным самоотречением. Он ушёл в вечную жизнь, подготовив себя к ней и оставив нам превосходный пример покаяния и подвижничества.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

¹¹⁸ Притч. 11:3.

13. Старец Георгий из келии Фанеромёну

Отец Георгий родился в 1902 году во фракийском селении Суфли.¹¹⁹ В святом крещении ему было дано имя Дѣмос, фамилия его семьи была Козáкос. В 23-летнем возрасте он пришёл на Святую Гору, чтобы стать монахом, и по промыслу Пресвятой Богородицы встретил святого старца – отца Евлогия, послушника старца Хаджи-Георгия. Постриг юноши был совершён в 1928 году, и ему было дано имя в честь святого покровителя их каливы, великомученика Георгия Победоносца. В братстве был ещё один монах – отец Пахомий. Он был второй по старшинству. Впоследствии, по смерти отца Евлогия, отец Пахомий стал старцем отца Георгия.

В келии святого великомученика Георгия Фанеромёну отец Георгий обрёл доброе монашеское устройство и продолжил хранящееся в этой келии предание старца Хаджи-Георгия.

Старец Евлогий был монахом с освящённой душой. Следуя жёсткой аскезе великого Хаджи-Георгия и соблюдая строгий пост без масла в течение всей своей жизни, он, подобно своему старцу, пережил много сверхъестественных событий. Об этом старце было написано достаточно.¹²⁰

Когда старцы отца Георгия, отец Евлогий и отец Пахомий, скончались и он остался один, внешне его жизнь была похожа на обычную жизнь других монахов-келиотов. Знавшие его отцы свидетельствуют: «Старец был благим и добродетельным монахом. Он раздавал отцам овощи, свежий хлеб и все, что у него было. Часто он приглашал в свою келию священника, который служил Божественную Литургию. После службы он угощал собравшихся отцов лукумадами¹²¹ и был всегда очень радостным». Старец возделывал огород, собирал фундук и расчищал местность вокруг своей келии. В поте лица, трудясь на жаре в огороде или лесу, он имел утешение и помощь – молитву Иисусову, которую стремился творить непрерывно. Старец очень любил богослужение и никогда ничего не опускал. Когда он ночью выпекал хлеб, то потом совершал полунощницу и утреню и сразу без отдыха выходил собирать фундук. В такие дни он словно совершал всенощное бдение.

¹¹⁹ Селение Суфли находится в северо-восточной части Греции, на границе с Турцией.

¹²⁰ См., например: *Старец Паисий Святогорец*. Афонский старец Хаджи-Георгий. М.: Святая Гора, 2009; *Архим. Херувим (Карамбелас)*. Современные старцы Горы Афон. М.: Русский паломник, 2008. С. 410–416.

¹²¹ *Лукумады* – разновидность пончиков, обычно политых мёдом или сиропом.

Отец Георгий просыпался в полночь и около трёх часов по книгам читал полунощницу и утреню. Печки в храме не было. В последние годы жизни он читал службу в своей келии, где был очаг. Помимо уставного богослужения старец пел молебный канон и читал другие молитвы. Так, от многого чтения под конец службы он еле шевелил языком.

У старца были определённые праздники, на которые он приглашал в свою келию иеромонаха для совершения Литургии. Батюшку он всегда чем-то угощал и старался отблагодарить.

Однажды, в Субботу Акафиста, старец, читая акафист Пресвятой Богородице, увидел, что в храме кто-то есть. Различить лицо присутствующего старец не мог. Он не мог понять – был ли это святой великомученик Георгий, или какой-то другой святой, или ангел. С того раза всегда в Субботу Акафиста он приглашал священника, чтобы совершить в келии Божественную Литургию.

Накануне всенощных бдений и воскресений старец приходил в храм Протата и оставался до Божественной Литургии. Старец очень сильно любил богослужение: он не пропускал ни одного всенощного бдения, и это давало ему силы. Он был большим любителем устава и церковного пения. Старец не отличался выдающимся голосом, однако время от времени пел в храме Протата. В последние годы своей жизни, будучи уже пожилым монахом, он выходил из своей келии в Протат заранее. Он отдыхал в келии Иосафеев, и потом с отцами этой келии они вместе шли на всенощное бдение. В праздник Вознесения Господня отец Георгий отправлялся сначала на всенощное бдение в Протат, а затем на престольный праздник в келию Дави́ла и уже около полудня возвращался в свою келию, до которой было порядочное расстояние. Старец шагал по жаре, несмотря на свой преклонный возраст.

Отец Георгий отличался глубоким благоговением. Он был великим подвижником, сиял простотой, и в нём абсолютно не было лукавства. По свидетельствам его соседей, он «проводил святое житие». Старец Макарий-румын, который приходил в келию отца Георгия и трудился там за плату, никогда ни в чём на него не жаловался и говорил, что отец Георгий – человек святой.

Благодать, которую Бог даёт Своим святым, скрыть невозможно. Она сияет и разливается вокруг них. И отец Георгий, по свидетельству многих, имел благодать. Как-то раз юноша из мира сидел на площади в Кариес и следил за проходящими мимо него монахами, выбирая, кому бы дать большую восковую свечу, которую передала на Афон его бабушка. Он видел очень много отцов, однако его внимание привлёк один согбенный старенький монах. Это был отец Георгий из келии Фанеромену, которому он и отдал свечу.

Старец рассказывал о многих чудесах, которые происходили в их келии: о явлении святого Георгия разбойникам (после этого случая келия и была названа Фанеромену, то есть Явленного), о рыбах, которых прислал святой Георгий на престольный праздник, и о многом другом, что сам он видел в жизни своего старца Евлогия. Например, о «светлом зонтике», который покрывал его старца во время молитвы. Однако некоторые из монахов-соседей ему не верили и посмеивались над ним. Поэтому об этих чудесах старец рассказывал не всем.

Сам отец Георгий пережил достаточно чудес и на собственном опыте ощутил Промысл Божий, Промысл Пресвятой Богородицы и святого великомученика Георгия о нём.

В притворе храма их келии была икона святого великомученика Георгия. Когда один человек захотел стать послушником в их келии и вступить в братство, ему велели положить поклон перед этой иконой. Икона тут же упала и ударила молодого человека по голове. Увидев это, братия поняли, что сам святой не хочет, чтобы в их братстве был этот человек, и не приняли его.

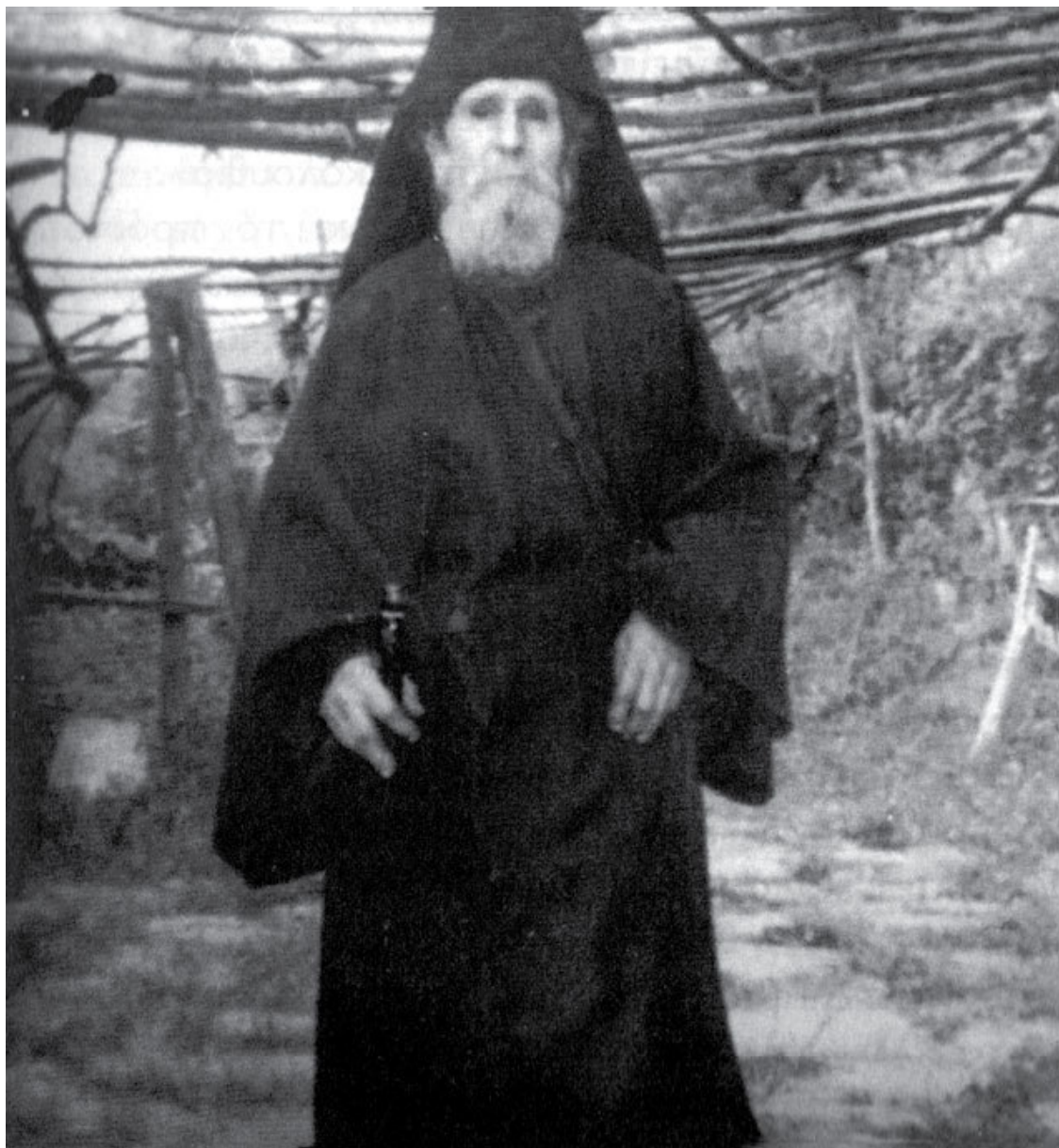
Однажды когда отец Георгий был в храме и читал последование, у него в сердце появилось желание прочесть акафист Пресвятой Богородице. Старец вышел из стасидии и подошёл к Её иконе в иконостасе. Пока он читал акафист, из купола выпал большой кирпич с извёсткой и рухнул на место, где только что стоял старец. Если бы отец Георгий остался в стасидии, то его

бы покалечило или убило, но Пресвятая Богородица спасла его. Сразу же после этого старец пошёл к своим соседям в келию Тригона и со слезами рассказал об этом чуде.

В 1980 году в келию старца проникли грабители, связали его, завязали глаза и начали искать, чем можно поживиться. Денег они не нашли, однако забрали вышитую золотом плащаницу, золотые монеты эпохи Константина Палеолога, которые были подвешены перед чудотворной иконой святого Георгия, кадило, Евангелие и богослужебные сосуды. Перед уходом злодеи били старца по лицу через мокрое полотенце, а затем велели ему не вставать, а лежать связанным и спать. С удивлением старец ответил злодеям: «Да что же вы говорите? Мне ведь надо идти службу читать».

Когда грабители ушли, отец Георгий сумел освободиться и с чёрным от побоев лицом дошёл до келии Тригона. Старец рассказал братии о происшедшем – без тени злопамятства или желания отомстить – просто с удивлением. Он не мог понять, почему святой великомученик Георгий не открыл ему о нападении разбойников. «Если бы я захотел, – говорил старец, – я попросил бы святого Георгия, и он бы их поймал, но мне их стало жалко».

Вместе с этими испытаниями у старца были искушения от диавола. Он стал слышать внутри себя некий голос и по простоте верил ему. Как-то раз он хотел пойти в Кариес, чтобы отнести одному старцу орехов или овощей, и услышал голос: «Не ходи, его нет на месте». Отец Георгий всё равно пошёл, и старца действительно не было в келии. Отец Георгий очень обрадовался, что голос сказал правду. Старец Николай из келии Тригона, узнав об этом, стал советовать не верить этому нащёптыванию, потому что так можно повредиться от диавола. Когда старец читал или пел молебные каноны, внутренний голос говорил ему, когда надо осенять себя крестным знамением, и старец слушался. Но однажды ночью отец Георгий понял, что всё это от лукавого. Он вдруг услышал злобный смех прямо над своим ухом: голос издевался над его бородой. В ужасе монах побежал в келию Тригона, поскольку оставаться один после происшедшего он не мог. Придя в себя, старец вернулся в свою келию только через три дня, однако впредь был более внимателен к демонским ухищрениям.

Старец Георгий из кельи Фанеромену

Многолетнее занятие отца Георгия молитвой Иисусовой принесло сладчайшие плоды. Однако простой монах и не подозревал о том высоком духовном состоянии, в котором находился. Всё, что с ним происходило, он на исповеди рассказал епископу Родостольскому Хризостому, спрашивая, не в прелести ли он. Старец говорил:

«Владыко, в последние годы со мной происходят странные вещи. Я вхожу в мою церковку, начинаю творить молитву Иисусову (“Господи Иисусе Христе, помилуй мя”) и тут же моя душа улаживается. После этого я не знаю, сколько проходит часов. Конечно, я нахожусь в состоянии блаженства, однако святые отцы советуют, чтобы мы не доверяли самим себе. И я, будучи человеком неграмотным, неспособным умом отличить злое от доброго в тонкостях духовной борьбы, больше боюсь другого – чтобы диавол не прельстил меня какой-нибудь уловкой и я не погубил бы свою душу. Скажи мне во Имя Христа: от Бога ли происходящее со мной или от диавола?»

С того дня, когда Бог взял к себе моего старца, и особенно в эти последние годы я запутался и не могу понять, что со мной происходит. Я ведь творю молитву Иисусову и в огороде,

и когда вскапываю землю на каменных террасах... Но там я понимаю, что делаю; когда солнце поднимается выше и начинается жара, я ухожу. Однако в храме происходит другое.

Я вхожу в храм перед утреней, глубокой ночью. Я прикладываюсь к иконам и смотрю, не погасла ли какая из лампад. Потом меня очень влечёт подойти к иконе Господа Иисуса Христа и внимательно на неё смотреть. Затем я начинаю молитву Иисусову. Вначале я говорю её вслух и понимаю её всю. Затем я “теряюсь”: ни икон не вижу, ни голоса своего не слышу. Я понимаю только одно: всё умиротворяется, я чувствую, что молитва произносится внутри меня, слышу её, понимаю её внутри себя чистейшим образом. При этом я испытываю блаженство, сильное блаженство. Когда это заканчивается, уже брезжит рассвет, а зачастую уже и солнце стоит высоко. Всё: службу-то я не совершал! То же самое происходит, когда я вхожу в храм совершать вечерню: меня застаёт в храме ночь, а службу я не читаю. Те же чувства я испытываю не только перед иконой Христа, но и перед иконой Пресвятой Богородицы. Я очень люблю Её. Мне очень нравится вглядываться в икону и начинать молитву: “Пресвятая Богородице, спаси нас”. Потом происходит то же самое. Я даже боюсь, чтобы из моих рук не выпала тоненькая свечка, которой я зажигаю лампы, ведь если она упадёт, я сожгу церковь святого Георгия и сгорю сам!.. Поэтому перед тем, как начать творить молитву Иисусову, я тушу эту свечку и откладываю её подальше».¹²²

Также старец рассказывал: «Когда я читаю последование ко Святому Причащению, то чувствую, будто во мне другой человек, который читает канон и молитвы».

Когда старец пел «Достойно есть...», по его щекам бежали слёзы.

Старец советовал: «Чтобы спастись, мы должны верить, что Христос – Богочеловек, а Пресвятая Богородица – Матерь Божия. Мы не должны оставлять молитву Иисусову. Монах без молитвы Иисусовой не преуспевает».

В 1982 году старцу Георгию исполнилось 80 лет. Его освященный старец Евлогий 40 лет назад сказал ему: «Ты отойдёшь ко Господу, когда тебе будет восемьдесят лет». Поэтому к престольному празднику святого Георгия, который был последним в его жизни, старец сделал самое тщательное приготовление. Желая порадовать отцов, он попросил их петь особо торжественно, чтобы угодить святому Георгию и дабы великомученик раздал всем своё благословение.

Всем старец говорил, что в этом году он умрёт, но врач из медицинского пункта в Кариес ему не верил. «У него отменное здоровье, – говорил врач, – ничем не болеет». И действительно, старец выглядел вполне здоровым. Как и в предыдущие годы, он собрал фундук, урожай фасоли и других овощей, а 20 сентября попросил старца Евгения перевезти его на муле в келию Тригона. Со слезами умиления старец говорил: «Я умру», – в то время его лицо было уже почерневшим, и сам он был без сил.

В келии Тригона старец Георгий прожил 22 дня. Там он был обуреваем искушениями. Дьявол не давал ему молиться, мучил головокружениями. Незадолго до кончины старец увидел две сверкающие серебряные главы. Отцы объяснили ему, что это главы его старцев – Евлогия и Пахомия, и пожелали ему «доброго терпения», дабы и его собственная глава тоже стала серебряной. Также старец увидел трапезу, накрытую удивительными яствами, и он возжелал быть причастником этой трапезы.

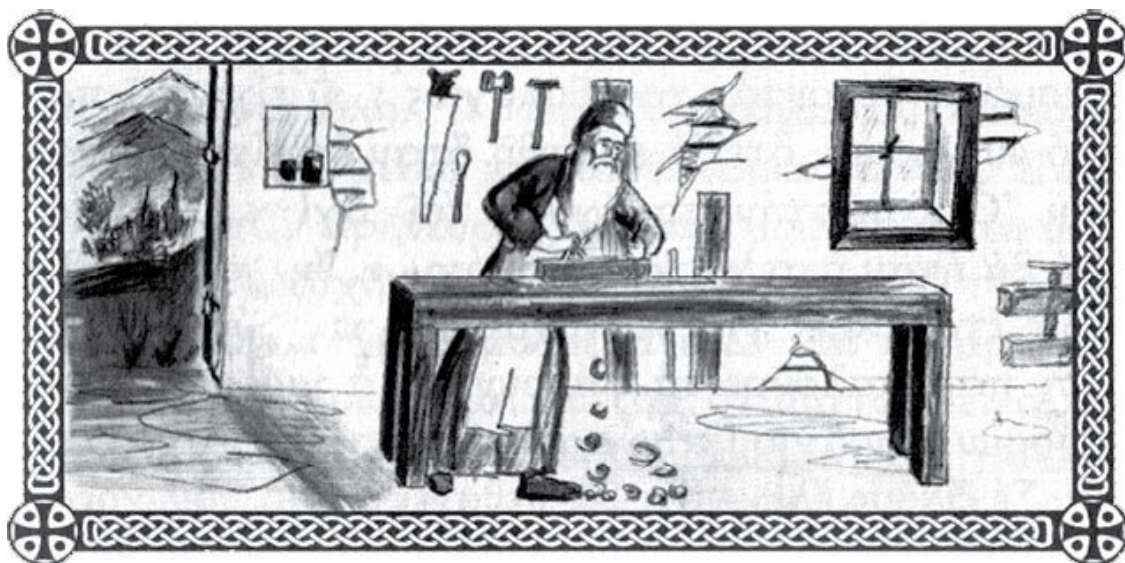
В воскресенье 11 октября 1982 года, в день памяти святых отцов VII Вселенского Собора, перед которыми старец благоговел, в 11 часов утра он отошёл ко Господу.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

¹²² *Επισκόπου Ροδοστόλου Χρυσοστόμου. Γράμματα καὶ Ἀρχαὶ στὸν Ἀθῶνα. Ἅγιον Ὅρος, 2000. Σελ. 190–192.*

14. Старец Давид Дионисиатский

В миру его звали Димос Флѳрос. Он родился в 1889 году в селе Ктистадес в горной местности Арта на северо-западе Греции. У Димоса было два брата. Родители своим примером учили детей благоговению и любви к Богу, научили их ходить в Церковь и молиться.

Когда Димосу было 5 лет, он увидел на небесах Свет, тогда как его мать, которой он показывал этот Свет, ничего не видела. В другой раз он увидел, как небеса отверзлись, и в неопикуемой славе были видны чины святых и ангелов, славословящих Бога, Который сидел на Своем Престоле.

С детства Димос научился ремеслу строителя и усердно трудился. Когда ему было 16 лет, он работал в одной из часовен своего села. Там ему было некое откровение. Когда впоследствии юноша захотел рассказать о происшедшем с ним, у него на полчаса пропал голос. Димос понял, что не должен никому говорить о том, что видел; сразу после этого голос вернулся к нему.

Когда однажды Димос шёл мимо руин одной часовни, ему явилась святая великомученица Параскева и сказала: «Восстанови мой храм». – «Я тебе его построю, моя госпожа», – ответил Димос с отличавшей его святой простотой, поклонившись великомученице. Он сдержал обещание, и, будучи действительно хорошим строителем, построил храм святой Параскевы.

Димос отличался благоговением, простотой и чистотой, а поэтому с юности видел не только святых, но и диавола.

Один работодатель разрешил Димосу спать в кровати его сына Константина, который уехал в Америку. К несчастью, этот Константин стал еретиком-хилиастом¹²³ и оказывал дурное влияние на всю семью. Димос увидел, что на этой кровати лежит диавол, который отбросил Димоса на три метра.

Но юноша не боялся лукавого, он привык к его нападениям, поскольку часто боролся с ним лицом к лицу. Его оружием против диавола были знамение Креста и призывание имени

¹²³ Хилизм (от греч. χιλίаζ – тысяча) – учение о 1000-летнем Царстве Христовом на земле, основанное на неверном понимании пророчества книги Откровения (20:4). Хилиазма придерживаются иеговисты, адвентисты и некоторые другие сектанты.

Пресвятой Богородицы. Однажды диавол явился Димосу в виде дракона, но мужественный юноша, не испугавшись, схватил его за хвост и далеко отбросил.

Димос стремился к монашеской жизни с детства. Однако родители помешали ему в осуществлении этого желания. По их благословению он женился на одной девушке, которую звали Спиридула, и у них родилось двое детей. Димос продолжал трудиться и помогать своей семье, но духовных подвигов тоже не оставлял. Испытания в его жизни продолжались. Было и такое, что искушитель сел ему на плечо, и когда Димос воскликнул: «Пресвятая Богородица!» – так громко, что услышала его супруга, – диавол исчез.

Димос обычно называл диавола «треклятым», а иногда – «непутёвым». Он иногда прогонял диавола, произнося: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувшие...».

Однажды во время гражданской войны коммунисты заставили Димоса переносить оружие из одного села в другое. По дороге Димос сказал им: «Что ж, ведь Христос говорил: *Отпущите им, ибо не ведают, что творят*¹²⁴». – «А, ты и такое знаешь, – ответили они, – погоди, сейчас придём на место и с тобой разберёмся». Как только они дошли до деревни и сгрузили оружие, Димос немедленно побежал и укрылся за одним домом. Коммунисты, подумав, что он побежал обратно по дороге, бросились его искать, но не нашли. Так его спас Божественный Промысл.

Как-то раз один человек попросил у Димоса займы большую сумму денег, и несмотря на то, что они жили бедно, тот одолжил. Однако этот человек денег возвращать и не думал. Когда Димос оказался в материальной нужде и напомнил о долге, тот человек стал угрожать ему, что убьёт. В простоте Димос ответил: «Ну что ж, пусть другой тебе воздаст». И, к несчастью, случилась большая беда. Этот должник взял займы ещё у одного человека, и когда отказался возвращать деньги, между ними возникла ссора, во время которой несправедливый должник был убит.

В один монастырь, находившийся неподалёку от села Димоса, как-то привели бесноватую женщину. Все находившиеся в церкви кричали диаволу: «Выходи!» И только Димос, который стоял в сторонке, увидел, как диавол в виде петуха темно-красного цвета выходит из уст несчастной.

Годы шли, дети Димоса выросли и создали свои семьи; у него появились внуки. Но все эти годы Димос непрестанно желал стать монахом. Он говорил: «Меня снедало божественное вожеление. Вожеление Христа, вожеление монашеской жизни. Так я оставил жену, детей, имущество, невесток и внучат и пришёл в монастырь, чтобы принести Господу мою старость, раз уж я не смог отдать Ему свою юность».¹²⁵

В 1955 году, в возрасте 66 лет, Димос пришёл на Святую Гору и поступил послушником в монастырь святого Григория. Там он прожил восемь месяцев, и в это время ему было видение двух преподобных ктиторов монастыря.

Через восемь месяцев по неизвестной причине Димос ушёл из Григориата и поселился в соседнем монастыре Дионисиат. После положенного испытания он был пострижен в монахи с именем Давид. Будучи воодушевлён монашеской жизнью и служением Богу, чего он был лишён столько лет, он радовался, ревностно трудился и был очень послушным монахом. Давид, как мальчик, бегом бежал и в храм, и на послушание и успевал везде. Он хорошо научился словам «Простите» и «Да будет благословенно». Отец Давид был монахом, любящим исихию, мирным со всеми. Он никого не искушал, никого не осуждал. Он был постником, время от времени постился больше положенного. В трапезной старец не засиживался. Последние годы он кушал только то, что отец Феоктист приносил ему в келию. Одет он был в лохмотья. Носил старые

¹²⁴ Лк. 23:34.

¹²⁵ См. журнал: Ὁ Ὁσιος Γρηγόριος, 1983. № 8. Σελ. 92.

и заплатанные подрясники, а вместо чулок сшивал где-то подобранные куски ткани. Внешний вид его не интересовал. Он не любил празднословия, и одному молодому монаху, который пришёл в Дионисиат, говорил: «Разговоры, разговоры – к нам в овчарню лезут воры!»¹²⁶ Старец имел в виду, что празднословие наносит вред душе. На оскорбления старец не отвечал, делал вид, что их не слышит. В день, когда отца Давида постригали в великую схиму, один из старых дионисиатских монахов начал ругать его, понося едкими словами, однако отец Давид был *яко человек не слышай и не имый во устех своих обличения*.¹²⁷ Когда этот монах умер, старец Давид увидел его погруженным в некое озеро, из которого только немного торчала его голова.

Старец Давид Дионисиатский

В келии отца Давида было очень грязно, он никогда не убирался, и поэтому там было много блох и клопов. Когда из келии Буразери в Дионисиат пришло братство отца Харалампия, то они стали очищать монастырь и выбросили в море много хлама. Старец Давид не противился, а только приговаривал: «Слава Богу, что к нам пришли отцы, и они нас чистят!»

¹²⁶ Ο Ὁσιος Γρηγόριος, 1983. № 8. Σελ. 92.

¹²⁷ Пс. 37:14.

В своей смиренной, маленькой, полутёмной и неухоженной келейке старец отдавался молитве Иисусовой. Он совершал всенощное бдение, и чтобы его не поборол сон, уставая, садился на крохотную трёхногую скамейку. Как только он начинал засыпать, то терял равновесие и падал, тогда он просыпался и продолжал бдение.

Старец имел настоящее смирение, он был действительно смиренным монахом общежительного монастыря: себя он не считал даже за «мошкарю». Смирение было щитом старца против многих нападений дьявола, который нередко ополчался на него.

Однажды, молясь в приделе Акафиста, он увидел множество бесов, пробегающих перед ним, однако ничего не могущих ему сделать. В другой раз, когда старец поднимался по монастырской лестнице, перед ним явился якобы иеромонах Феодор, насельник монастыря Дионисиат. Этот «отец Феодор» протянул старцу свою руку, чтобы тот её поцеловал. Старец Давид попятился назад в изумлении и подумал: «Что же это такое? Зачем он мне даёт свою руку?» – и, согнувшись, пробежал под протянутой рукой и пошёл на службу.

Когда старец находился на подворье монастыря в Моноксилите,¹²⁸ дьявол попытался сбросить его в пропасть. Тогда старцу явились Господь с Пресвятой Богородицей и Честным Предтечей точно такие же, как они изображены на тричастной иконе напротив дионисиатской трапезной. Честной Предтеча сошёл с иконы и спас отца Давида. Старец всю жизнь ясно помнил о своём спасении и говорил: «Милостив и щедр Господь».

В Моноксилите днём старец строил каменные террасы, каливы, овощехранилища, а ночью – от вечерней звезды и до рассвета – совершал бдение. Однажды во время молитвы он увидел пред собой сияющего юношу – то был ангел. Когда юноша исчез, старец увидел множество других ангелов, славословящих Бога.

«Однажды, – рассказывал старец Давид, – когда я молился, дьявол пришёл и хотел меня возмутить. Но я его схватил, начал бить кулаками и разбил ему голову! Он испугался и убежал. Ну, ты понимаешь – я бил его молитвой “Господи Иисусе Христе...”».¹²⁹

Старец часто видел в храме бесов, отцы понимали это по его реакции. Однажды старец засмеялся, и когда у него спросили о причине смеха, он ответил: «А вы что, не видели, как дьявол угощает меня лукумом, чтобы я не спал?»

В своей келии отец Давид тоже не находил покоя от дьявола. Старец был очень простым человеком и боролся с дьяволом по-своему. В том месте, откуда дьявол входил в келию, старец прикреплял крест, и потом лукавый уже не мог снова войти через это место. Так келия старца постепенно заполнилась крестами. Они были везде: на двери, на окне, на стенах, и даже к потолку на нитках были подвешены кресты. Кресты старец делал своими руками, они были очень простыми и оригинальными: он крест-накрест соединял ниткой две щепочки, или две бумажные или тряпичные ленты, или кусочки жести. Хотя кресты были незатейливыми, своё дело они делали – мешали врагу войти в келию. Старец говорил: «Дьявол является всем людям, но вот видят его не все. Если у человека есть страсти, злоба, грехи, то дьявол находится в его сердце и в его голове. Он боится только кротких и смиренных, но ничего не может с ними сделать, потому что они со Христом».¹³⁰

Один из дионисиатских братьев спросил старца Давида: «Отче, а ты кого-нибудь видел? Ну, ангела или какого-нибудь святого?» – «Слушай, ну что ты всё это расковыриваешь? – ответил старец. – Оставь меня, пожалуйста».

Однако брат продолжал настаивать, и старец со своей радостной простотой, словно он рассказывал о каком-то заурядном случае, ответил: «Ну, вот вчера я начал петь тропарь архан-

¹²⁸ *Моноксилит* – местность на юго-восточном склоне афонского полуострова, недалеко от городка Уранополис.

¹²⁹ См. журнал: *Ὁ Ὁσιος Γρηγόριος*, 1983. № 8. Σελ. 92.

¹³⁰ Там же, с. 94.

гелу Михаилу, и святой Архангел явился предо мной весь в свете. Я поклонился ему, и он исчез».

Посещая монастырь Дионисиат, старец Паисий пришёл в келию отца Давида, чтобы поздороваться, и застал его замотанным в рваные тряпки, с опущенными шторами на окнах, чтобы в келии был полумрак. Когда отец Паисий спросил: «Как дела, отец Давид?» – тот с простотой ответил: «Ну какие у монахов дела?» – и показал свои чётки. А когда отец Паисий спросил старца о его мистическом опыте, тот ответил: «О таком не рассказывают, не рассказывают».

Бесхитростный и малограмотный старец, подобно пророку Иезекиилю, имел немало видений с детства. Став монахом, он подъял честный подвиг: непрестанно творил молитву Иисусову и был очень внимателен в духовной жизни. Говорил, что монашеский куколь хранит монаха от любопытства и от осуждения братии во время трапезы. Советовал монахам оказывать послушание и проявлять любовь друг ко другу. Величайшим грехом старец считал гордыню. Он говорил, что ищущий Христа найдёт Его в своём сердце. Сам старец, конечно же, нашёл Господа, сказавшего: *Царствие Божие внутрь вас есть*.¹³¹

Перешагнув 94-й год своей жизни, старец Давид заболел. Предчувствуя, что приближается кончина, он подготовился к ней, и 5 февраля 1983 года предал свою чистую душу в руке Божии. Все братия с чистым сердцем и совестью прощались с отцом Давидом, и ни у кого не было в сердце ничего против него. Во время его погребения у всех было умиление, все верили, что его душа обрела покой.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

¹³¹ Лк. 17:21.

15. Иеромонах Кирилл Карейский

В миру отца Кирилла звали Параскевас Коцумбпулос. Его отец Ста́врос и мать Мельпона родом были из Восточной Румелии.¹³² Старец родился в 1902 году в селе Пйргос, которое сегодня принадлежит Болгарии. Семья переселилась в Грецию, и Параскевас, придя в совершенный возраст, стал работать в банке.

Однажды в банк зашёл почтенный святогорский старец иеромонах Евгений из принадлежащей Великой Лавре келии Святой Троицы, которая находится выше Кариес и называется Профурни. Параскевас был настолько впечатлён видом старца, что тут же подбежал к нему с желанием как можно лучше его обслужить. Когда он помог старцу, то попросил его подождать два-три дня, пока он закончит все свои дела в миру, и взять его с собой на Святую Афонскую Гору. Действительно, Параскевас написал заявление об увольнении, устроил все свои дела, попрощался с родными и через несколько дней последовал на Святую Гору за отцом Евгением, который стал его старцем и духовным отцом.

Параскевас прибыл на Святую Гору в 1920 году в возрасте 18 лет. Братство отца Евгения было хорошим: они жили по монастырскому уставу и все богослужения суточного круга читали в церкви, абсолютно ничего не опускали. Когда приходило время читать часы, кто-то из братьев звонил в колокольчик. Братия тут же оставляли свои труды и насущные заботы, собирались в церковь на молитву. В этой келии работали на земле, главным образом возделывали масличные деревья, собирали фундук, занимались огородничеством. Кроме этого, у братии келии Профурни было и рукоделие: они шили скуфьи, и поэтому их называли также «камилавочниками». Параскевас с чрезвычайной ревностью отдал себя монашеским подвигам. По всей вероятности, ещё находясь в миру, он нёс аскетические подвиги и был весьма благоговейным юношей. Он отличался совершенным послушанием, поэтому уже в следующем году его постригли в монахи с именем Кирилл. Отец Кирилл был очень рад своему новому образу жизни. Отцы из соседних келий (некоторые из них живы по сей день) считали его благодатным монахом, они с восхищением вспоминают: «Он молился ночи напролёт. Спал только часа два. Очень много постился. По отношению ко всем был вежлив и кроток. Никто никогда не видел, чтобы он выходил из себя, если его ругали или злословили. Он был очень смиренным, а когда

¹³² Восточная Румелия – область в Болгарии.

между братией возникали какие-то недоразумения, то первым клал брату поклон со словами: “Прости и благослови”».

Однажды старец услышал, как несколько мирян, которые валили лес недалеко от его келии, хулят Бога и Матерь Божию.¹³³ Старец подошёл к ним, упал им в ноги и начал плакать. Увидев, насколько больно ему слышать хулу, эти люди пришли в умиление, попросили прощения и пообещали, что больше богохульствовать не будут. И потом, когда рабочие отпускали какую-нибудь неподобающую шутку, отец Кирилл смиренно просил их молиться и не произносить дурных слов, после чего рассудительно отходил в сторону. Он не ругал и не обличал таких людей, но старался по-доброму пробуждать в них любочестие.

Днём старец уставал в утомительных трудах по келии и тем не менее по ночам зажигал керосиновую лампу и читал духовные книги. От усталости он часто клевал носом, который почти всегда был обгоревшим: засыпая, старец прикасался носом к раскалённой лампе и от этого просыпался. У отца Кирилла была большая жажда знаний. Он читал много святоотеческих книг и производил впечатление образованного человека. Что бы у него ни спрашивали, на всё он давал разумные и подходящие ответы.

За чистоту, добродетель и благоговение отец Кирилл по благословению своего старца был рукоположен во диакона. Это произошло 4 января 1953 года, а на следующий день он был хиротонисан во пресвитера (в возрасте 51 года), несмотря на то, что сам этого не хотел.

Как священник отец Кирилл отличался незлобием, чистотой и исключительным благоговением. Он литургисал с трепетом и вниманием, с удивительным умилением читал Евангелие. Кроме своей келии он служил в храме Протата, а также был первым священником во время крестного хода с иконой «Достойно есть». Старец с готовностью, когда его приглашали, приходил служить на престольные праздники в соседние келии. Он всегда оставался серьёзным, лишнее слово не исходило из его уст, он никого никогда не осуждал. Он внушал почтение и от добродетелей сиял, подобно утренней звезде. По этой причине старца хотели сделать духовником, но он отказывался, говоря: «Я видел семерых духовников: когда их останки доставали из могилы, они не разложились».¹³⁴ До самой старости отец Кирилл принуждал себя к посту, молитве и всенощному бдению. Однако его послушник, отец Павел, ругал старца за бдения. Старец по своему смирению ничего не отвечал, он только старался подвизаться втайне, чтобы его послушник не раздражался и не кричал.

¹³³ В греческом языке мат и сквернословие, к несчастью, связаны с хулением Бога, Матери Божией, священных предметов и понятий и т. п.

¹³⁴ По святогорской традиции кости и череп усопшего монаха через три года после кончины достают из могилы и складывают в усыпальнице. Если тело усопшего святогорца не истлело за три года, то его опять закапывают и усугубляют молитвы об упокоении его души.

Иеромонах Кирилл

Отец Кирилл скончался 12 июня 1985 года в возрасте 82 лет. Он вызывал восхищение у отцов, которые его знали. Все в один голос говорят, что отец Кирилл был очень добротельным монахом и священником, что он был одним из тех незабвенных отцов, которые жили в последние годы вокруг Кариес.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

16. Исихаст Фанурий Капсалиот

Старец Фанурий родился 12 июля 1892 года в селе Текостл в Румынии. Его родителей звали Стефан и Елена Мандрас. В крещении мальчика назвали Василий. Он был старшим из 14 детей. Его родители были очень благоговейными людьми. Веря, что первый ребёнок принадлежит Богу, – ибо, по Писанию, *всяк младенец мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеви наречется*¹³⁵ – они, несмотря на то, что чрезвычайно любили его, отослали его на Святую Афонскую Гору, когда мальчику исполнилось 15 лет. По их благословению он поехал в румынский скит Честного Предтечи, где у отрока был монахом дядя, секретарь скита. Василий пришёл на Святую Афонскую Гору в 1913 году, а в 1915-м стал монахом с именем Фанурий.

В скиту Честного Предтечи отец Фанурий прожил 30 лет, подвизаясь с ревностью и отличаясь глубоким благоговением. Однако он трепетно желал жизни безмолвной. И когда пришло время, то поселился в каливе преподобного Феофила Мироточивого на Капсале, где храм освящён в честь святителя Василия Великого. В этой келии жили в разные века трое святых: преподобный Феофил Мироточивый, мощи которого погребены там же под святым престолом, преподобный Герасим Кефалонитский и преподобный Никодим Святогорец. Эта освящённая келия – одно из мест поклонения на Капсале.

Когда кто-нибудь в первый раз посещал каливу старца Фанурия, то задавался вопросом: живёт ли здесь кто-то или келия необитаема? Старец совершенно ни о чём не заботился, всё его тцание было посвящено духовному. Старец Фанурий ничего не вкушал до девятого часа, его рот пересыхал от голода и жажды. От постоянных постов его организм отвык от пищи с растительным маслом и не принимал её. Не только перед иконами в церкви, но и перед своими келейными образами старец возжигал множество лампад. Отец Фанурий непрестанно совершал всенощные бдения по чёткам и много читал Псалтирь, Ветхий и Новый Завет. Также он очень любил читать авву Исаака. Он очень хорошо знал византийское пение и был превосходным певчим.

Находясь в своей келии, старец Фанурий чувствовал себя как в раю. Когда он был моложе, то ходил трудиться в другие келии и получал за это скромные деньги, которые тратил на пищу и на необходимые мелочи. Однажды он увидел святых своей келии, которые ему сказали: «Не

¹³⁵ Лк. 2:23; см.: Исх. 13:12.

ходи работать в другие келии – мы о тебе позаботимся». После этого у него ни в чём не было недостатка. Старец не занимался рукоделием, не получал пенсию, на которую имел право,¹³⁶ и в Кариес за покупками не ходил. Пресвятая Богородица и святые его келии помогали ему во всём и давали необходимое.

Старец Фанурий имел истинное чувство монашеской жизни. Как-то ему подарили мирское пальто, чтобы укрываться от холода, однако он ни разу не надел его. Несмотря на то, что он мёрз, старец отдал пальто другому. Монах, живший неподалёку, провёл к себе в келию пластиковый шланг с водой и предложил старцу врезать ещё один кран, чтобы он тоже мог брать оттуда воду. Но старец отказался, предпочитая ходить с кувшином на дальний источник преподобного Феофила. Он носил оттуда воду, пока не состарился.

Старец любил безмолвие и Предание. Когда один человек сказал ему, что на Капсале собираются проводить дорогу, он с горечью воскликнул: «Ты только подумай! Дорога на Капсале!»¹³⁷

Старец Фанурий был монахом очень благоговейным, аскетичным и трезвенным. У него был следующий устав: совершив вечерню по чёткам и вкусив немного пищи без масла, с сухарями вместо хлеба, он отдыхал около часа. После этого начинал службу, молясь по чёткам, пока не приходили слёзы. Потом он плакал, молясь обо всём мире, который обнимало его исполненное любовью сердце.

У старца Фанурия было дарование слёз, непрестанная память смертная и умная молитва. Старец говорил: «Я думаю о том, куда определит меня Бог, когда я умру, поскольку я человек грешный», – и слёзы, не переставая, бежали из его глаз. «Я всегда плачу, – признавался он. – Без слёз не очищаются грехи. Человек должен иметь страх Божий и любовь ко Христу. Эти два понятия неразрывно связаны. Надо просить у Бога и одного и другого, и Бог это даст». Когда у старца спрашивали совета, он говорил: «Делайте, что написано в книгах», – имея в виду Евангелие.

Старец Фанурий был пленён любовью ко Христу. Однажды к нему пришёл монах и постучал в дверь каливы со словами: «Молитвами святых отец наших...». Старец, сидевший во дворе келии под деревом и читавший духовную книгу, встал и открыл ему. Монах вошёл в храм, поклонился святыням, и они побеседовали. Когда монах собрался уходить, отец Фанурий, забыв закрыть за ним дверь, быстро вернулся под дерево, чтобы взять в руки книгу, от которой его оторвали.

Бывало и так, что старец читал книгу, незаметно сидя в одном из углов двора каливы, а дверь келии специально оставлял открытой. Те, кто знали его обычай, заходили в церковь, поклонялись святыням сами, а он продолжал сидеть с книгой, не прерывая чтение и молитву. Если посетители не знали, что им делать, он сам провожал их в храм и рассказывал о преподобном Феофиле. Обычно при упоминании имени преподобного на его глазах появлялись слёзы.

Случалось и такое: приходили посетители, а старец был занят напряжённым духовным трудом, был увлечён божественным. Когда кто-то стучал в дверь, он открывал её и, не глядя в лицо посетителю, молча вёл его в храм, продолжая творить свою внутреннюю молитву.

Как-то раз молодой монах, посетивший старца Фанурия, попросил сказать ему душеполезное слово, как исправить свою страстную душу. Старец ответил: «Сынок, сейчас, пока ты молодой, подвизайся, чтобы положить доброе начало. Как начнёшь монашескую жизнь, так её и закончишь».

Сам старец был великим подвижником. Со смирением он говорил: «Ведь я лентяй, и с трудом просыпаюсь. Поэтому я начинаю службу с вечера, а ночью не сплю». От непрестанного

¹³⁶ Афонские монахи как граждане Греческого государства имеют право на пенсию, однако многие святогорцы отказываются от неё по духовным причинам.

¹³⁷ Капсала исторически считалась одним из наиболее безмолвных районов.

стояния на ногах у старца появилась грыжа, доставлявшая ему страдания. О подвижничестве старца и о том, как он принуждал себя, с восхищением рассказывали румынские монахи – иеромонах Ксенофонт и старец Иродион.

Иеромонах Ксенофонт говорил, что древние подвижники уступали старцу Фанурию в аскезе. Он молился много суток не переставая, без отдыха. Старец был необыкновенно вынослив, и когда шёл в свою каливу из Дафни¹³⁸ с тяжёлым грузом за плечами, то ни на минуту не останавливался передохнуть, хотя был невысок ростом и худощав. Когда заболел румынский монах старец Макарий, который жил в келии по соседству, отец Фанурий каждый день приходил к нему и помогал по хозяйству, несмотря на то, что и сам был далеко не молод.

Совершая такие сверхъестественные подвиги, старец Фанурий имел и соответствующий духовный опыт и божественные утешения. Он видел преподобного Феофила со святителем Василием, святые советовали ему исправить кое-какие вещи, на которые он не обращал должного внимания. Старец Фанурий говорил, что святой Феофил ранее являлся и монаху, который до него жил в этой келии. Этот монах разводил кроликов и у него были ружья. Также он ходил на охоту, и святой Феофил изгнал этого монаха из своей келии, говоря: «Здесь – место для подвигов». А когда другой монах хотел разрушить стену келии для того, чтобы забрать мощи преподобного Феофила, из трещин стены изошли языки пламени. Бывало, что из расщелин стены стекало миро, исходившее от мощей преподобного Феофила. Вот в таком освящённом месте проводил свою святую жизнь старец Фанурий. Он говорил: «Когда сюда приходит ангел, вся ночь очень тиха, а когда прискакивает бес, то всё наполняется зловонием».

Отец Фанурий особенно благоговел перед святителем Василием Великим, поскольку во святом крещении носил его имя и жил в келии с храмом в его честь. Однажды старец увидел трёх святителей¹³⁹ и спросил святителя Василия:

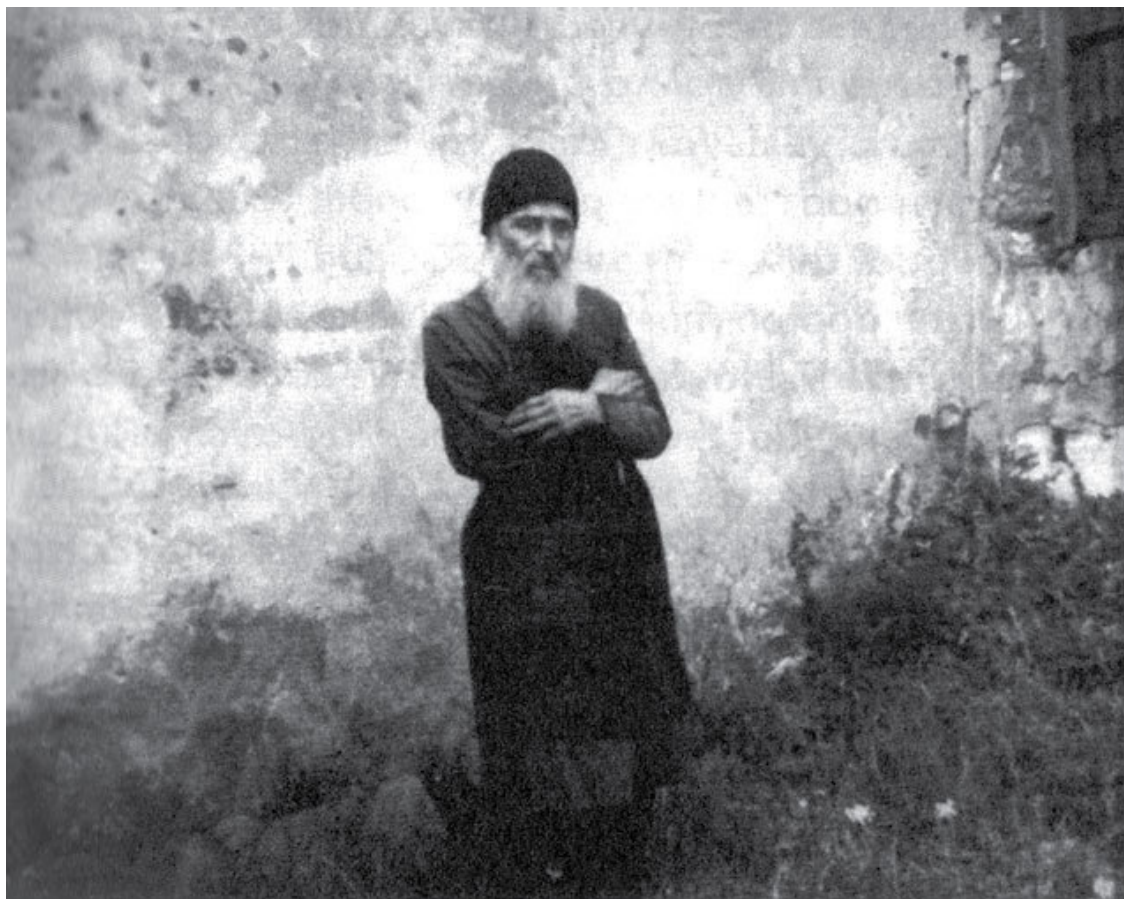
- Скажи мне, пожалуйста, я ещё много должен?
- Всё у тебя нормально, – ответил святой.

В другой раз старец видел святого Василия и святого Феофила, которые посоветовали ему прилагать больше старания в молитвах и монашеских обязанностях.

До самой кончины у старца была превосходная память. Паломников, которые приходили к нему в каливу, он принимал ласково, угощал их, и после того, как они поклонялись святыням, кратко давал им душеполезные советы. Его восхитительная память навсегда записывала всех посетивших его келию во «внутренний помянник», и он молился за этих людей по чёткам и просил за них Бога.

¹³⁸ Путь занимает около 5 часов.

¹³⁹ Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Исихаст Фанурий

Испытывая благоговение и сильное стремление к Святой Земле, старец как паломник трижды за свою жизнь посетил Иерусалим.

Отец Фанурий не был зилотом, но ему было очень больно от того, в каком состоянии находится Церковь, раздираемая расколами и ересями. Он легко всему верил, поскольку *незлобивый веру емлет всякому словеси*.¹⁴⁰

Однажды старец посетил монаха, жившего неподалёку. Когда он вошёл, брат слушал радио. Старец Фанурий пророчески велел ему выбросить радиоприёмник, говоря, что в противном случае брат дойдёт до того, что оставит монашество и женится. Монах не послушался, и, к несчастью, произошло то, о чём предупреждал старец Фанурий.

С 1984 года старец начал готовиться к исходу в вечную жизнь. Свои немногие вещи он передал в румынский скит Честного Предтечи, который был местом его монашеского пострига. Старец обошёл все близлежащие келии и у всей братии попросил прощения. Он замкнулся в своём возлюбленном безмолвии и более усердно стал молиться и плакать. В 1986 году он увидел святых Феофила и Василия, которые открыли ему: «В этом году ты будешь праздновать новолетие не здесь, не в келии... Ты придёшь к нам, и мы будем праздновать вместе». Когда старец рассказал об этом одному монаху, тот посоветовал не верить снам. «Каким ещё снам? – искренне удивился старец. – Это был не сон».

Незадолго до кончины старца Фанурия посетили два брата, которые, уходя, пообещали: «Геронда, мы ещё придём». – «Вы меня не застанете, – ответил старец. – Я умру». А одному монаху он ещё более определённо открыл, что скончается незадолго до новолетия.

¹⁴⁰ Притч. 14:15.

В 1986 году 18 декабря, в канун новолетия по новому календарю, старца нашли усопшим в своей келии. В день похорон выпало очень много снега, и добраться до его келии смогли только три монаха. Могила старца была полна воды, и когда его тело опустили в могилу, оно, лёгкое как пушинка, плавало на поверхности.¹⁴¹

Когда через три года мощи старца достали из земли, оказалось, что одна из костей на его ноге была поломана и срослась неправильно. Кто знает, какие мученические боли терпел старец Фанурий, не рассказывая об этой травме даже врачу!

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

¹⁴¹ Афонских монахов хоронят не в гробах, а зашитыми в мантию.

17. Отец Андрей, игумен монастыря святого Павла

Игумен монастыря святого Павла Андрей родился в селении Ангона на острове Кефалония 22 января 1904 года. Его родители Григорий Евангелатос и Василики Панагулату в крещении дали ему имя Ангелос. Вскоре после рождения Ангелоса его семья переселилась в южную часть острова.

Ангелос рос благоговейным юношей и проводил очень внимательную жизнь. У него было сильное желание стать монахом и посвятить себя Богу. Ещё будучи мирянином, Ангелос наизусть знал акафист Пресвятой Богородице и прочитывал его каждый день. Для него было немыслимым лечь спать, не прочитав акафист, – какую бы работу он ни делал, каким бы ни был уставшим.

Придя в совершенный возраст, Ангелос стал полицейским, при этом продолжал очень любить Церковь и молитву. И вот однажды он решил, что пора становиться монахом, и осуществил это желание.

Хотя на острове Кефалония были монастыри, Ангелос предпочёл выбрать обитель, находящуюся далеко, – ради подвига странничества, чтобы родные не знали, где он находится, и его не беспокоили. Он услышал, что в Ливадии¹⁴² есть большой монастырь преподобного Луки, и решил уйти туда. Не зная точно, где это, он принял твёрдое решение уехать в следующий понедельник в Ливадию. Накануне отъезда в воскресный день он был на Божественной Литургии в храме селения Ликсури. Ангелос пришёл в храм задолго до начала службы. Войдя в церковь, он увидел высокого юношу крепкого телосложения, одетого в воинскую одежду и хламиду, подобно древним мужам. Ангелос не стал любопытствовать, кто этот юноша, но тот сам сделал ему знак, прося подойти поближе. Ангелос не придавал этому значения. Тогда юноша вошёл в алтарь и с Горнего места вновь сделал знак рукой, прося его войти внутрь. Но Ангелос вновь не придавал этому значения и в алтарь не вошёл. Он встал на своё обычное место в храме, а когда закончилась Литургия, пошёл домой.

В понедельник Ангелос покинул дом и, как задумал, направился в Ливадию. Сначала он приехал в Патру, а оттуда в Афины. В Патре он встретил одного монаха, которому рассказал о своей тайной цели стать монахом в монастыре преподобного Луки в Ливадии. «Что ты там

¹⁴² *Ливадия* – город в центральной Греции, расположенный в 130 км к северу от Афин.

забыл? – спросил его собеседник. – Поедем на Святую Гору – в сад Пресвятой Богородицы. Святая Гора – она одна». Монах с воодушевлением стал рассказывать Ангелосу об Афоне, и тот принял решение вместе со своим новым знакомым отправиться на Святую Афонскую Гору. Они приехали в Пирей, где сели на корабль, идущий в Салоники, а из Салоник добрались до Дафни. Этот монах был из монастыря Эсфигмен. Ангелос, прибыв на Афон, пошёл поклониться святыням в монастырь Симонопетра. Узнав там, что поблизости есть другие монастыри, он из Симонопетра пошёл в Григориат, оттуда в Дионисиат и потом в монастырь святого Павла. Все эти обители он пешком обошёл за один день. Был сентябрь 1934 года.

В монастырь святого Павла Ангелос пришёл, когда служили вечерню. Он вошёл в храм, чтобы поклониться иконам, и справа в проскинитарии¹⁴³ перед алтарём увидел икону святого великомученика и победоносца Георгия. Внимательно посмотрев на неё, подумав и посмотрев снова, он стал вспоминать, где видел эту икону, и, наконец, воскликнул: «Я видел не икону, а вот этого парня!»¹⁴⁴ Ведь это же он был в церкви Пантократора в Ликсуре. Он, точно он!.. Что же, отсюда я не уйду. Я буду здесь жить». Так Ангелос остался в монастыре святого Павла и, положив послушнический поклон, был принят в обитель.

Настоятелем монастыря святого Павла был тогда игумен Серафим. Видя зрелость юноши, его благоговение, самоотверженное послушание и ревность к подвижничеству, уже через четыре месяца – 16 января 1935 года – он постриг Ангелоса в рясофор. А 25 января того же года игумен и Духовный собор монастыря посчитали его достойным принять великую и ангельскую схиму. Он был пострижен в монахи с именем Андрей, через месяц рукоположен во диакона, а ещё через шесть месяцев, 28 июля того же года, – в иерея. Всё произошло в течение десяти месяцев, иеромонаху Андрею исполнился 31 год. Тогда он понял, зачем святой Георгий звал его к себе. Сначала великомученик позвал его в свой монастырь, а потом в святой алтарь, имея в виду предстоящее священство, всё имело символическое значение.

Молодой иеромонах Андрей, подвизаясь и истощая себя в трудах по монастырю, чувствовал тягу к жизни безмолвной. В те годы в пустыне подвизался отец Герасим Менайяс. Родом отец Герасим был с острова Кефалония, он иногда посещал монастырь святого Павла. Отец Андрей познакомился с отцом Герасимом и возжелал жить вместе с ним в пустыне в келии святого Василия. Он очень упрашивал об этом игумена Серафима, и наконец тот дал благословение. В 1938 году отец Андрей поселился в келии святого Василия, где два с половиной года прожил вместе с подвижником отцом Герасимом. Там он познакомился и с другими старцами, в числе которых был Иосиф Исихаст. Отец Андрей испытывал перед ним благоговение, считая его святым, а когда слышал, что отца Иосифа осуждают, всегда выступал в его защиту.

Своё знакомство с русским монахом отцом Софронием (Сахаровым), с которым он был духовно близок, отец Андрей считал счастьем. Ощущая духовное богатство и божественную благодать, которую имел отец Софроний, бывший тогда иеродиакон, он испытывал перед этим подвижником великое благоговение и стремился к общению с ним.

В 1939 году произошёл следующий случай. Однажды после полудня отец Андрей и иеродиакон Софроний вместе вышли собирать виноградных улиток.¹⁴⁵ Совсем рядом внезапно мелькнула тень человека, на котором почти не было одежды. Они поняли, что это один из так называемых «обнажённых» отцов, и побежали за ним. Однако, заметив их, подвижник бросился прочь, желая скрыться. Иеродиакон Софроний выбился из сил, а отец Андрей, который был моложе его, спросил:

– Ну что, бежать мне за ним, чтобы его догнать?

¹⁴³ *Проскинитарий* – аналой (часто с сенью), на который полагается икона праздника, а в будние дни – икона святого покровителя монастыря или праздника, которому посвящена обитель.

¹⁴⁴ Имеется в виду святой Георгий.

¹⁴⁵ Виноградные улитки съедобны, и некоторые монахи-келиоты употребляют их в пищу.

– Если можешь, догони, – ответил отец Софроний.

Отец Андрей побежал за подвижником и, когда до него оставалось несколько метров, закричал:

– Остановись, человек Божий! Остановись и благослови меня. Если ты не бес, то дай мне твоё благословение.

Он догнал подвижника и удержал его за руку.

– Если ты любишь Бога, – ответил подвижник, – то оставь меня.

– Да, я люблю Бога, поэтому и бежал за тобой, – задыхаясь от бега, сказал отец Андрей. Он увидел, что вокруг пояса отшельника был власяной полуистлевший мешок, больше никакой одежды на нём не было. Также не было ни обуви, ни чулок, а стоял месяц март.

– Как же ты ходишь без одежды? – спросил отец Андрей. – Хочешь, я принесу тебе одежду?

– Нет, не хочу.

– Хочешь, я принесу тебе сухарей или что-нибудь ещё?

– Нет.

– Ну что же тебе принести? Не думай, я принесу тебе просто так, в благословение...

– Принеси мне немного соли, – наконец попросил подвижник.

– Соли? Прекрасно!.. А куда тебе её принести?

– Принеси её и оставь вот под этим камнем, – сказал подвижник и ушёл.

Игумен Андрей в молодости, вскоре после монашеского пострига

На следующий день отец Андрей вместе с отцом Софронием принесли и оставили под указанным камнем соль, а сами спрятались и стали ожидать его прихода. Но соль так и осталась лежать под камнем, а подвижник не пришёл.

Иеромонах Андрей рассказывал ещё и вот что: «Отец Герасим Менайяс был близким другом святителя Нектария Пентапольского при его жизни. Владыка Нектарий подарил отцу Герасиму свои фотографии и чётки. В те годы, когда я жил в келии святого Василия, некоторые

монахи из соседних келий сомневались в святости Нектария Пентапольского. Отец Герасим, желая показать им, что Нектарий действительно свят, взял тазик, наполнил его мукой и водой, замесил тесто и положил сверху чётки святого Нектария – и чудо! – тесто поднялось само». «Мне другие доказательства его святости не нужны», – добавлял отец Андрей к рассказанному.

Живя в келии святого Василия, отец Андрей познакомился со многими великими подвижниками окрестных мест и получил пользу от примера их жизни. И сам он тоже нёс большие подвиги. Все эти два с половиной года он поддерживал связь с монастырём и, в конце концов, вернулся в обитель своего пострига. По возвращении он сказал игумену Серафиму: «Я познакомился со многими святыми, но главное – с одним святым русским иеродиаконном. Геронда, если нам удастся уговорить его переселиться к нам в монастырь и стать духовником, то он нам очень поможет». Игумен согласился: «Конечно, если ты этого хочешь, то мы это сделаем». Они отправились к отцу Софронию (Сахарову) и попросили его перейти в одну из келий монастыря святого Павла. Иеродиакон Софроний стремился к безмолвию. Однако приглашение отцов из святого Павла он посчитал промыслительным, поскольку ещё преподобный Силуан как-то сказал ему: «Когда тебя попросят о помощи, не отказывайся. Когда ты станешь духовником, то будь рассудителен и избегай чрезвычайной строгости». Так, получив предложение из монастыря святого Павла, отец Софроний посчитал, что пришло время осуществиться сказанному преподобным Силуаном. В праздник Сретения Господня 1941 года отца Софрония рукоположили в священники, после этого он ещё год прожил на Каруле, а затем переселился в принадлежащую монастырю святого Павла келию Святой Троицы, которая находилась недалеко от пристани обители. Монастырь снабжал отца Софрония продуктами, а тот отдавал в обитель иконы, которые писал, и исповедовал отцов. Он оказывал монастырю огромную духовную помощь, и в страшные годы немецкой оккупации неоднократно спасал обитель от многих опасностей. Всё это случилось благодаря прозорливости отца Андрея.

Вернувшись из пустыни в монастырь, отец Андрей в течение 20 лет один нёс послушание седмичного иеромонаха. В монастыре святого Павла придерживаются следующей традиции: после окончания утрени и первого часа положен перерыв на два-три часа, чтобы отцы могли отдохнуть до начала Литургии. Во время этого перерыва отец Андрей никогда не ложился в кровать. Он проводил это время сидя на стуле, чтобы с ним не произошло ночное искушение и он мог служить Литургию. Он литургисал каждый день, а после богослужения спускался в виноградник, где стояла келия святого Трифона, и пахал землю деревянным плугом на быках. Вечерню обычно служил другой старенький священник. Весь день отец Андрей пахал землю или поднимался на гору к дровосекам, где они заготавливали лес. Возвращался он поздно на закате, а на следующее утро вновь спускался в храм, чтобы служить полунощницу, утрению, часы и Божественную Литургию. Он приносил свою жизнь в жертву монастырю, и поэтому все отцы любили его, а впоследствии, когда возникла необходимость, отец Андрей был два раза избран игуменом монастыря святого Павла.

С тех пор как отец Андрей пришёл на Святую Афонскую Гору, он не послал ни одного письма своим родным и не уведомил их о том, где находится. Родные думали, что он пропал без вести. И только мать, доверяя своему сердцу, говорила: «Нет, мой мальчик не потерялся, он находится в хорошем месте».

Прошли годы. Однажды к пристани монастыря святого Павла пристал корабль, на котором был земляк отца Андрея, который его узнал и заговорил с ним. Отец Андрей просил этого человека ничего не сообщать о нём его родным. Однако, вернувшись на Кефалонию, паломник рассказал, где находится отец Андрей, и его мать послала на Афон радостное письмо с просьбой, что хочет увидеть сына, потому что жить ей осталось недолго. Отец Андрей ответил матери: «Ты хочешь меня видеть здесь или в будущей жизни? Знай: и в этой и в будущей нельзя. Так что выбирай». – «В будущей, сынок», – ответила мать. Так и не увидев своего сына, она отошла ко Господу.

Когда мать отца Андрея скончалась, его отец Григорий Евангелатос приехал к сыну в монастырь святого Павла, чтобы утешиться после кончины супруги. Он был очень старым и желал пожить несколько дней в монастыре, а потом уехать на Кефалонию. Григорий хотел вернуться домой на сороковой день кончины своей супруги. Дни шли, а он не уезжал. Отец Андрей спросил его:

– Ты что же, уезжать не собираешься?

– Нет, – ответил старик, – я останусь здесь. Мне здесь понравилось.

У него в миру была ещё одна дочь, были и другие причины, которые звали его в мир. Однако Григорий Евангелатос был человеком благоговейным и имел возделанную душу. Когда игумен Серафим узнал о его решении остаться в обители, то спросил:

– Может быть, ты хочешь, чтобы мы тебя постригли в монахи?

– Ну, если вы мне сделаете и этот подарок, – ответил старик, – то будет ещё лучше.

Так, будучи от роду 88 лет, отец иеромонаха Андрея стал монахом с именем Симеон. Несмотря на свой более чем преклонный возраст, он первым приходил в церковь. Когда читали Священное Писание, он, будучи тугоухим, подходил вплотную к аналою, чтобы не упустить ни слова. Так же он слушал и чтение правила к Божественному Причащению. Игумен Серафим говорил об отце Симеоне: «Видишь этот пенёк? Он будет выше всех нас».

В 1960 году игумен Серафим отошёл ко Господу, и игуменом был избран отец Андрей. В 1961 году заболел его родитель, отец Симеон, которому исполнилось уже 96 лет. Его перевели в место, где жили престарелые монахи. Игумен Андрей спросил у своего отца:

– Вижу, что болезнь твоя усилилась. Хочешь, мы тебя причастим?

– Как вы сами считаете нужным, – ответил отец Симеон.

Игумен Андрей принёс Святые Дары, отец Симеон с трудом прочитал «Отче наш», и игумен его причастил. После причастия он спросил отца Симеона:

– Как ты себя чувствуешь?

– Словно на свадьбу иду, – ответил тот.

Отец Андрей пошёл в церковь, чтобы отнести туда святой потир, и когда вернулся в келию, то увидел, что отец Симеон уже отошёл ко Господу.

Однажды игумен Андрей пришёл в монастырскую больницу, чтобы посетить старца Анфима, который находился при последнем издыхании. Отец Андрей спросил старца: «Хочешь, принесём тебе что-нибудь? Пригласим духовника или вызовем врача?» – но отец Анфим не понимал, о чём его спрашивают. Тогда отец Андрей, облокотившись на железную спинку кровати, начал про себя читать акафист Пресвятой Богородице. Как только он дошёл до слов «Радуйся, Невесто Неневестная», старец Анфим осенил себя крестным знамением. А когда игумен закончил читать акафист, старец Анфим трижды перекрестился и мирно испустил дух.

Ещё один насельник монастыря святого Павла, старец Григорий, находился при смерти и не мог говорить. Братия попросили отца Андрея его причастить. Игумен причастил отца Григория, но тот не мог проглотить частичку Святого Причастия. Тогда отец Андрей попросил приготовить чай и по чуть-чуть, по пол-ложечки вливал его в рот отцу Григорию, пока тот не проглотил частичку Тела Христова. Причастившись, старец Григорий пришёл в себя и сказал отцу Андрею: «Благодарю тебя, отче, Бог воздаст тебе за это».

Отец Андрей, вспоминая об ушедших при нём отцах, говорил: «Только о двух-трёх отцах я не могу сказать, куда они пошли после смерти. Все другие, кого я застал, пошли в Царство Небесное».

Через два с половиной года после своего избрания игуменом, отец Андрей из-за одного спорного вопроса, касающегося управления монастырём, снял с себя игуменские обязанности, сокрушаясь: «И зачем мне надо было со всем этим связываться?»

После него игуменом был избран отец Евсевий – монах благоговейный, добродетельный и аскетичный. Однако как игумен он совсем не умел снисходить другим и через шесть лет тоже оставил игуменство. После этого, в июле 1969 года, отцы монастыря святого Павла вновь избрали игуменом отца Андрея. Отец Андрей был сторонником икономии,¹⁴⁶ однако по отношению к себе и своей совести – был последователем акривии. Старец был строг к самому себе, тогда как по отношению к другим был максимально снисходительным.

¹⁴⁶ *Иконоμία* (греч. οἰκονομία – устройство дома, дел) – принцип решения церковных (чаще всего пастырских и аскетических) вопросов с позиции снисхождения, рассудительное нарушение буквы церковного закона, не противоречащее его духу. Принцип икономии неприменим в вопросах догматических.

Игумен Андрей

Игумен Андрей был классическим святогорцем-делателем. Он советовал отцам не оставлять своего монашеского правила, чисто исповедоваться и часто причащаться. Говорил: «Если монах общежительного монастыря оказывает послушание, любит богослужение, чисто исповедуется и не осуждает – непременно пойдёт в рай». Старец, будучи игуменом, отменил трёх-

дневный строгий пост без масла перед Божественным Причащением и ввёл в устав монастыря Божественное Причащение всей братии каждый четверг и субботу.

Отец Андрей был первым игуменом монастыря святого Павла, который начал принимать отцов на исповедь. Каждый день с половины второго до трёх часов пополудни он принимал братию в игуменской. Исповедь братии старец выслушивал мирно. Если брат говорил: «Геронда, я впал в такой-то грех...», – он отвечал: «Ну что же теперь делать, брате... Будем уповать на милость Божию». Однако если брат говорил, что осуждает кого-то, то старец становился необыкновенно строг. Повышенным тоном он начинал отчитывать брата: «Ты что, стал Богом? Как же тебе не стыдно?!» А уже после этого тихими и кроткими словами приводил монаха к покаянию. Отец Андрей имел огромное доверие иеромонаху Дионисию из Малого скита святой Анны и исповедовался ему, хотя отец Дионисий по возрасту был значительно моложе его.

Любовь отца Андрея к братии монастыря была безграничной, он не делил отцов на хороших и плохих, ко всем был очень милостивым. Несмотря на то, что те годы были трудными и лишних денег не было, старец подавал милостыню щедрой рукой. Когда кто-нибудь просил у него пару носков, он давал ему две пары. Когда просили штаны, давал двое штанов, говоря при этом: «Если ты будешь стирать одни, то вот тебе другие – будет, во что переодеться». Старец дал благословение трапезнику – не спрашивая, раздавать милостыню знакомым и незнакомым отцам. «Ну а как же, ведь если им что-то понадобится, где они это найдут? – объяснял отец Андрей. – Что, попросят помощи у своих плотских родителей или будут бегать и побираться по Афону?»

Старец был благородным человеком. Он уважал людей, ему нравилось им помогать. Ещё до того, как у него что-нибудь спрашивали, он успевал спросить первым: «Солнышко, тебе что-то нужно?» Его обычным обращением к братии было «мой сыночек». В этом выражении отражалось всё его внутреннее расположение к отцам. Любовь старца и его снисхождение обильно изливались на ближних. Однако когда было необходимо, он становился строгим, но его строгость тоже была порождением любви и стремлением помочь братии. Услышав, что братия, несущие послушание в поварне, начинают празднословить, он подходил к ним и строго приказывал замолчать. Старец не очень-то доверял видениям Света и ангелов, если не выяснял всё во всех подробностях.

О памяти Божией старец говорил: «Преподобная Мария Египетская всего один раз в жизни увидела икону Пресвятой Богородицы, Которая воспретила ей войти в храм. Память об этой иконе укрепляла её жить одной в пустыне в течение сорока лет. А мы хотим увидеть то, другое, третье, а памяти Божией у нас как не было, так и нет».

Великим постом 1970 года у старца открылось желудочное кровотечение. Врач отец Демоклит констатировал, что его состояние очень серьёзное и надо ехать в Салоники.

«Эту болезнь, геронда, – сказал отец Демоклит, – должна победить наука».

– Наука, – ответил старец, – это Пресвятая Богородица. Я со Святой Горы никогда не выезжаю и сейчас никуда не поеду.

Старец 36 лет жил на Святой Горе и ни разу не выехал в мир.

Тогда врач сказал ему:

– Мы должны по гроб жизни оказывать тебе послушание, разве не так? Вот и ты окажи нам сейчас послушание. Если мы не поедem к врачу, то всё может закончиться плохо.

– Ну что ж, – улыбнулся старец, – раз речь пошла о послушании, то отдаю себя в ваши руки. Сделаю то, что вы велите.

Старца отвезли в Салоники, где ему сделали операцию, и он вернулся на Афон здоровым.

В октябре 1974 года игумен Андрей уже окончательно оставил игуменство и ради безмолвия поселился в принадлежащей монастырю келии в местности Моноксилит. Храм в келии был посвящён святителю Николаю, перед которым отец Андрей чрезвычайно благоговел.

В этой келии в 1975 году старца посетили монахи-зилоты из монастыря Эсфигмен. Тогда у них скончался игумен, и, боясь, что их изгонят из Эсфигмена, они умоляли его стать их игуменом. По-человечески старцу было очень жаль братию, его сердце раздиралось, но решиться на их предложение он так и не смог. С одной стороны, он боялся согрешить, отказав братии в помощи, а с другой – сомневался, можно ли ему в таком возрасте оставлять свой родной монастырь. Он стал молиться Пресвятой Богородице и святителю Николаю, чтобы они его просветили. И вот однажды он увидел, как от моря к его келии поднимается старенький священник. Когда батюшка дошёл до келии отца Андрея, то поприветствовал его и спросил, как пройти в Кариес. Отец Андрей показал путь и спросил гостя, откуда он и как его имя; батюшка ответил, что приехал с Кипра и его имя отец Николай. Отец Андрей никогда не отличался любопытством и обычно не задавал таких вопросов, однако сейчас спросил, повинувшись какому-то внутреннему чувству. Старец направился в сторону Кариес, а отец Андрей пошёл было в келию, но вдруг остановился и подумал: «Ох, солнце высоко, а я даже не предложил человеку покушать! Куда же он пойдёт голодный?» Повернувшись, чтобы позвать батюшку – но никого не увидел. Дорога от Моноксилита в Кариес по крайней мере на километр прекрасно просматривается. Но странное дело – священника не было. Отец Андрей побежал по дороге, громко крича: «Отец Николай!» – но дорога была пуста. «Жаль, что я его не догнал», – подумал отец Андрей. Он вошёл в келию, поел и лёг спать, почти забыв о случившемся. Но вскоре проснулся с чувством необыкновенной радости. Ему всё вдруг стало ясно: «Я буду жить в монастыре святого Павла. Хватит с меня этих игуменств, и монастырь Эсфигмен тоже не для меня», – таково было его внутреннее ощущение. Старец пошёл в церковь и, взглянув на икону святителя Николая, с изумлением узнал в нём священника, который только что посетил его келию, а потом исчез, – это был сам святитель Николай. «Эх, – сокрушался потом старец, – что же он не просветил меня чуть пораньше?» Отец Андрей рассказал об этом случае своему духовнику иеромонаху Дионисию, и тот подтвердил: «Да, это был святитель Николай. Он явился, чтобы освободить тебя от мучившей тяжести».

Отец Андрей продолжал жить в своей келии в Моноксилите. Вскоре на море произошёл ужасный шторм. Старец решил на следующий день спуститься к морю, чтобы собрать деревянные и сучья, которые выбросило на берег (он использовал их как дрова), а также посмотреть, не нуждается ли кто-нибудь в его помощи. Собирая деревянные, отец Андрей вдруг увидел на одном из камней человека. Он подумал, что это кто-то потерпевший кораблекрушение, и побежал, чтобы оказать помощь. Приблизившись, отец Андрей с удивлением увидел монахиню, которая сидела на камне и держала в руках раскрытую книгу и перо. С изумлением старец спросил её:

– Что тебе здесь нужно, моя госпожа? Тебе нужна помощь?

А Та, Которая казалась монахиней, ответила:

– Нет, помощь Мне не нужна, Я – Госпожа сего места, и Моё попечение простирается от одного его края до другого.

– А чем Ты занимаешься, моя Госпожа? Что это за книги, которые Ты держишь? – спросил старец.

– Это книги входа, исхода и пребывания отцов на Святой Афонской Горе. Ну а в этой книге, которую ты видишь, написаны имена всех, кто остаётся на Святой Горе и заканчивает здесь свой земной путь. Их имена вписаны в Книгу Жизни.

После этого разговора отец Андрей вернулся в свою келию. Когда вечером он вошёл в храм, чтобы совершить вечерню, то стал вглядываться в икону Пресвятой Богородицы в иконостасе. У него внутри что-то произошло... Он почувствовал радость, веселие, думая о Монахине с книгой. В это время лампада перед иконой начала сама раскачиваться, и старец быстро побежал вниз, к морю, желая вновь увидеть Монахиню. Тогда ум старца просветился, он был убеждён, что это была Пресвятая Богородица. Однако он не застал Её на том же месте, и душу

его охватила печаль. Старец подумал, что по грехам он не удостоился вновь Её увидеть, но, подойдя к камню, на котором Она сидела, почувствовал, как небесное благоухание наполняет всё вокруг. Так Матерь Божия уверила его в Своем присутствии и известила, что Жена, с Которой он беседовал лицом к лицу, была Она – Царица Небесная.

Пригласив в Моноксилит своего духовника отца Дионисия, отец Андрей рассказал ему об этом страшном видении, и тот подтвердил, что это действительно была Пресвятая Богородица. Отец Андрей просил отца Дионисия: «Гляди, не рассказывай никому о том, что ты слышал, иначе меня примут за святого и сюда начнут приходить люди!» Итак, отец Андрей за своё благоговение к Пресвятой Богородице получил воздаяние видеть Её и говорить с Ней ещё в этой жизни.

Старец был великим подвижником. Живя в Моноксилите, он много трудился, уставал больше, чем позволял его возраст, но никогда не оставлял богослужения суточного круга и своё монашеское правило. Если в какой-то день он опускал на богослужении кафизмы, то потом читал их в своей келии. У старца был больной желудок, и из-за сильных болей он иногда читал Псалтирь сидя, однако правило своё не сокращал.

«Однажды, – рассказывал старец Давид, – я пахал землю на Моноксилите, и один бык заболел. Я позвал отца Андрея, он прочитал над быком молитву, и тот тут же стал здоров».

Когда отец Андрей оставил игуменство, то братия избрали игуменом отца Парфения. Отец Андрей очень поддерживал молодого игумена и говорил братии: «Дорогие мои, у нас в монастыре радость – игумен, преисполненный благодати Духа Святаго».

Когда отец Андрей совсем состарился, он вновь переселился в монастырь, жил затворником в своей келии и уже не мог спускаться на службу. Однажды игумен Парфений зашёл, чтобы спросить, в чём он нуждается. Отец Андрей ответил: «Послушай, сынок, мне ничего не нужно, всё у меня есть. У меня ни в чём нет недостатка. Огромное тебе спасибо. Знаешь, ещё почему я не хочу ни о чём просить: я боюсь, что Христос вменит мне это в грех, если я, неблагодарный, попрошу чего-то лишнего».

Отец Андрей любил рассказывать историю об одном монастырском рабочем, человеке весьма добродетельном. Когда он тяжело заболел, то отец Андрей – тогда седмичный и эконоом монастыря – предложил ему постриг, и рабочий с радостью принял это. Его постригли, и в день Сретения Господня, на престольный праздник монастыря, он предал свою душу Господу. Рассказывая эту историю, отец Андрей часто повторял: «Видно, этот рабочий, раз Матерь Божия забрала его в день Сретения, был человеком очень добродетельным».

И сам старец, будучи человеком добродетели, удостоился предать свою душу Господу во время всенощного бдения на праздник Сретения Господня. В 1987 году перед бдением накануне Сретения служащий старцу монах принёс в его келию ужин. Старец поел, крестообразно сложил руки на груди, сидя за столом, и предал свой дух Господу. Наутро были его похороны. Когда о кончине старца известили его друга и сподвижника отца Софрония (Сахарова) в Эссексе, то старец Софроний ответил: «Знаю, я был там».

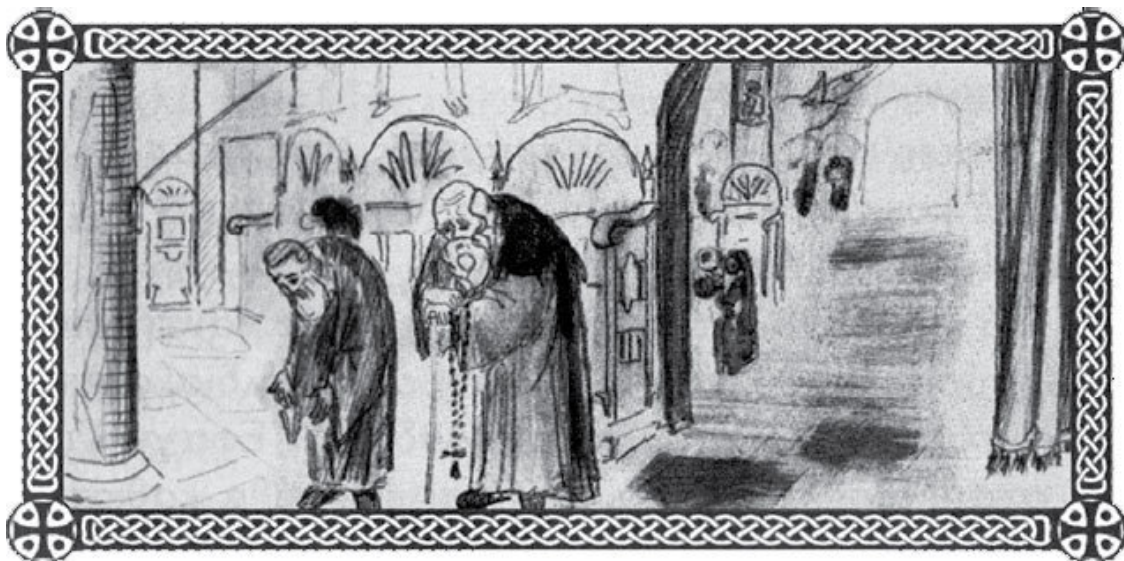
Во время погребения все, кто прикладывался к руке старца Андрея, ощущали, что целуют руку святого, что прикладываются к святым мощам. Во время отпевания духовник отца Андрея иеромонах Дионисий из Малого скита святой Анны в подробностях рассказал, как старцу явилась Пресвятая Богородица в скиту Моноксилит. До этого дня никто из отцов об этом не знал.

Когда 3 августа 1994 года мощи старца достали из могилы, его правая рука благоухала так, словно в ней лежал ладан. Этот запах чувствовал насельник монастыря святого Павла иеромонах Софроний и другие отцы. Видимо, ради обильной милостыни, которую подавал отец Андрей, Бог даровал ему эту благодать.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

18. Старец Евдоким, монах обители святого Павла

Старец Евдоким (в миру Евáнгелос Травлós) родился в 1910 году в греческом селе Фанáри недалеко от города Карди́ца. При демобилизации из армии Евангелос попросил, чтобы конечной точкой в путевом листе была написана афонская пристань Дафни. Таким образом, сразу из казармы он поехал не в родную деревню, а прибыл на Афон, чтобы стать монахом. Евангелос не собирался принимать постриг в монастыре святого Павла, имея намерение поступить в другую обитель. Однако, оставшись на ночь, он здесь остался навсегда – ему пришёлся по душе чин монастыря. Евангелос был грамотным человеком, выпускником неполной средней школы. В монастыре он исполнял послушание помощника игумена. В 1935 году Евангелос был пострижен в монахи.

Мать отца Евдокима, его сестры и брат не хотели, чтобы он становился монахом. Отец Евдоким после пострига никогда не ездил в своё село и не встречался с родными. И не только не бывал в родном селе: даже в мир он впервые выехал лишь после 30 лет монашеской жизни, потому что в старости страдал непрерывным кровотечением из носа, и местный афонский врач, испугавшись, что отец Евдоким может умереть от потери крови, отправил его в больницу в Салоники.

Однажды случилось сильное землетрясение, и отцы монастыря святого Павла ушли спать за монастырские стены, в задний сад монастыря, на каменные террасы. Отец Евдоким никуда не пошёл, а остался преспокойно ночевать в своей келии. Когда его спросили, не было ли ему страшно, он ответил: «Я пришёл жить сюда, в эту святую обитель. И если Матерь Божия хочет разрушить монастырь, то скажите, пожалуйста, зачем мне тогда моя жизнь?» Отец Евдоким во время этого страшного землетрясения возжигал лампы, он не сделал и шага за монастырские ворота.

Старец не совершал множества поклонов, не держал строгих постов, он был занят Иисусовой молитвой. Он никогда не ложился на койку, а отдыхал сидя. В келии старца было полным-полно разных бесполезных вещей. Окно его келии никогда не закрывалось – ни зимой, ни летом. Единственным свободным пространством был проход от двери до кровати. Отец Евдоким спал сидя, покрываясь грубой овечьей шкурой. Когда его спрашивали, почему он не топит печку, отвечал: «А вы что, видите тут сосульки? Я вот не вижу тут сосулек – значит, ещё не

мороз. А коль ещё не мороз, то и печку топить не надо». То же самое старец отвечал, когда ему советовали закрыть окно.

Старец отличался здоровым чувством юмора, но при этом никогда никого не осуждал. А когда его бранили самыми поносными словами, он, немного постояв молча, благодушно отвечал: «Что ж, хорошо, геронда, спасибо тебе», – и отходил в сторонку.

Старец был любим всеми. Всегда был готов помочь любому, кто бы ни позвал его, и был послушен всем. Когда братия делали ему замечания и ругали, а потом снова звали, он благодушно отвечал: «Простите, благословите!..» – словно между ними ничего не случилось. Он ни на кого не держал зла.

Как-то раз братия обсуждали один из вопросов, связанный с монастырским хозяйством. Отец Евдоким тоже высказал своё мнение. Один брат, по дьявольскому наваждению, перебил его со словами:

– Ну-ка, ты, замолчи!.. Ты у нас что – член Духовного собора?

– Прости, ты прав, – ответил отец Евдоким и склонил перед грубым братом свою голову.

Зимой после трапезы отец Евдоким, не заходя к себе в келию, сразу же шёл в церковь. Он садился в одну из стасидий, опускал на лицо куколь, чтобы не видеть никого и самому быть «невидимкой», доставал чётки и начинал творить Иисусову молитву. Когда его спрашивали: «Чем ты занимаешься, старче Евдокиме?» – лаконично отвечал: «Артобстрел, брат, артобстрел... Вот, видишь гаубицу?» – и показывал брату свои чётки на 300 узелков.

Старец прожил в монастыре много лет, и его никогда не видели в раздражении или гневе. Старец ни на кого и ни на что не роптал. Кроме того, он отличался природным благородством. Если ему что-то было нужно, он просил: «Ну где же ты, геронда? – даже совсем юных монахов он называл “геронда”. – Если ты любишь меня, принеси мне то-то и то-то».

Обычно старца в рясе и скуфье с куколем можно было увидеть близ монастырских врат. Он нёс послушание привратника, давал духовные советы паломникам. Старца хотели сделать членом Духовного собора, но он, избегая этой участи, спрятался в помещении, где хранили известь. Его проискали три дня, а когда наконец нашли, игумен сделал ему замечание и велел предстать перед отцами Духовного собора. «Если не хочешь становиться членом Духовного собора, то по крайней мере сам скажи отцам “нет”», – велел игумен. Отец Евдоким оказал послушание и предстал перед соборными старцами. Когда ему сделали почётное предложение, он без долгих размышлений радостно ответил: «Огромное Вам спасибо, геронда! Матерь Божия, Пресвятая Богородица да воздаст Вам за Ваши труды! Итак, у Вас ко мне что-то ещё?.. Благословите!» После чего старец ушёл, решительно отказавшись от предложения. Позднее один монах спрашивал отца Евдокима, не пожалел ли тот, что не стал членом Духовного собора. «Нет, нисколько, – ответил отец Евдоким. – Я рад тому, что моя подпись не стоит ни на одной бумаге».

Отец Евдоким советовался со старцем Иосифом Исихастом, о котором говорил, что он – святой человек. От старца Иосифа он научился молитве Иисусовой. Отец Евдоким занимался молитвой Иисусовой не по «системе» или «теории», как некоторые, он творил её просто, старался произносить молитву Иисусову как можно чаще. Старец советовал: «Дитя моё, твори молитву Иисусову постоянно, не только во время монашеского правила. Если, произнося Иисусову молитву, ты видишь, что устал, то попробуй петь её на пятый глас.¹⁴⁷ Пой её, произнося немного нараспев, а потом вновь твори её в уме. Даже, когда ты поднимаешься по лестнице, на каждой ступеньке произноси: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя”. Для живущего в монастыре недопустимо наступить ни на одну ступеньку ни одной лестницы, не произнеся при этом молитву Иисусову».

¹⁴⁷ Византийский распев пятого гласа заметно отличается от обиходного, принятого в России.

Когда отец Евдоким состарился, уход за ним поручили одному брату. Тот прежде всего выгреб из келии старца разный хлам, сделал уборку и закрыл окно, которое долгие годы не закрывалось ни зимой, ни летом. Когда отца Евдокима привели в его убранную келию, тот начал смеяться: «Да ладно Вам надо мной подшучивать, геронда!.. Когда же Вы отведёте меня в мою келию?» Он подумал, что его перевели в другую келию.

Он говорил: «Я не ложился спать на кровать, наверное, лет пятьдесят».

Сам старец Евдоким в течение своей монашеской жизни упокоил старость многих монахов, после которых у него остался целый мешок очков.

Брат, ухаживавший за старцем, спрашивал его:

– Тебе, отец Евдоким, достался я, несчастный, чтобы подать тебе стакан воды в старости. Интересно, а обо мне в старости кто-нибудь позаботится?

Отец Евдоким мирно отвечал:

– Не грусти, геронда! Бог позаботится о тебе так же, как Он позаботился обо мне! Я упокоил старость семи отцов, и видишь – Бог меня не оставил. Так не оставит Он и тебя.

Старец Евдоким

Отец Евдоким с радостью встретил известие о том, что этого брата будут постригать в великую схиму и дал ему добрые пожелания и наставления: «Каждый день читай по две главы из Нового Завета. По две главы! Не оставляй этого чтения. Пой молебный канон Пресвятой Богородице, читай акафист и совершай своё монашеское правило по чёткам. Воздвигай молитву Иисусову, работай над ней, пока не услышишь в себе голос. Если ты его не услышишь, то ты не преуспел. Когда будешь говорить: “Господи Иисусе Христе”, – услышишь в себе голос: “Что ты хочешь?” – отвечай: “Помилуй мя”». Сам старец жил этим.

Старца любили братия и игумен. В последние дни жизни они каждый вечер заходили к нему в келию. Когда отец Евдоким устал от посещений, то высовывал голову из-под одеяла, которым был укрыт, и с простотой просил: «Геронда, сейчас отец Евдоким хочет исихии! Дайте мне её, пожалуйста, если вы меня любите!» – и снова с головой юркал под одеяло.

Старец оказывал послушание брату, который за ним ухаживал. Впервые в жизни он разрешил помыть своё тело, после чего сказал: «Моё тело не чувствовало воды пятьдесят лет». Старец никогда не роптал и никогда не жаловался. Ни разу в жизни он не сказал: «Мне больно». Он всегда благодарил и славословил Бога. Старец говорил: «Слава Тебе, Боже! Ведь у нас есть всё. А погляди-ка по больницам: у кого-то рук нет, у кого-то – ног. Так на что же нам жаловаться?»

Когда ухаживавший за ним брат делал для него что-то доброе, отец Евдоким говорил:

– Матерь Божия да воздаст тебе за труды! Слава Тебе, Боже! Всё у нас, геронда, хорошо, всё у нас по-богатому! Эх, хорошо живём!

– Здесь-то да, здесь мы хорошо живём, отец Евдоким, – отвечал брат, – а вот каково придётся там?

– Ну как «каково»?.. Раз здесь хорошо, то там и подавно ещё лучше!

– Откуда у тебя столько уверенности, что мы спасёмся?

– Геронда, да как же мне не быть в этом уверенным? Ведь мы же пришли сюда именно для этого – для спасения. Мы боремся уже пятьдесят лет! Если я увижу, что подвергаюсь опасности и могу не спастись, то я призову нашего геронду, нашего преподобного Павла, и скажу ему: «Геронда, я служил тебе полвека! Неужели сейчас ты мне не поможешь?..»

Старец был уверен в том, что его просьба будет услышана преподобным. Он говорил ухаживавшему за ним брату: «Даже не сомневайся, геронда: наш старец – преподобный Павел – нас не оставит».

Пока отец Евдоким ещё мог передвигаться, его время от времени вывозили в больницу. Однажды там его посетил игумен и спросил:

– Как дела, отец Евдоким? У тебя всё хорошо? Ты в чём-то нуждаешься?

– За всё слава Богу! Нуждаюсь я только в духовном.

Старец подробно и внимательно исповедовался, а в последние месяцы своей жизни причащался ежедневно. В последний день его земной жизни, перед началом службы, он лежал со взором, устремлённым ввысь, и молчал. Ухаживавший за ним брат спросил, не видит ли он что-нибудь сверхъестественное. С отличавшим его здоровым юмором отец Евдоким ответил:

– Погоди, пока не вижу. Как увижу, тебе скажу первому, – при этом отец Евдоким даже не посмотрел на брата.

– Тебе становится хуже, отец Евдоким? Я ведь вижу. Может быть, ты уходишь из жизни? – заплакал брат.

– Да нет же, говорю тебе... Если б уходил, разве бы я тебе не сказал?

– Может, позвать седмичного и причастить тебя сейчас?

– Пусть сначала закончится Божественная Литургия, – ответил старец.

Когда на утрени пели славословие, брат снова пошёл проведать старца. Поднимаясь по ступеням, он чувствовал неизъяснимую радость, которая всё увеличивалась по мере приближения к келии. Вокруг была глубокая тишина. Когда брат вошёл к отцу Евдокиму, то увидел, что старец скончался. Душа отца Евдокима отлетела к вожденному Господу. На лице старца сияла широкая улыбка. Это произошло 16 марта 1987 года в Великую Четыредесятницу, в четвертую Неделю поста, когда Церковью отмечается память преподобного Иоанна Лествичника. Старец Евдоким скончался на 77 году своей жизни. Вечером того же дня его тело было предано земле.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

19. Отец Феодосий, монах обители святого Павла

Отец Феодосий (в миру Феодор Антонáтос) родился 1 марта 1901 года в селении Ата-ланди в Локриде.¹⁴⁸ Окончив Высшую торговую школу, Феодор стал заниматься торговлей. Связи с Церковью и церковной жизни у него не было, можно даже сказать, что к Церкви он был настроен отрицательно. Желая, чтобы его бизнес развивался, Феодор вступил в общество спиритов, и действительно, после этого его дела пошли в гору.

В те времена некая француженка издала книгу «Один месяц с мужами Святой Афонской Горы». Эта книга была полна хулы на образ жизни афонских монахов.¹⁴⁹ Поскольку во Франции она издавалась большими тиражами, то её перевели на греческий язык. Одна из афинских газет, подписчиком которой был Феодор, из номера в номер печатала главы из этой книги. Прочитав несколько глав, Феодор, отличавшийся беспокойным духом, почувствовал любопытство и желание посетить Афон. «Если даже половина из написанного француженкой правда, – подумал Феодор, – то Святая Гора должна быть чем-то необыкновенным. Поеду», – решил он.

Через несколько дней на одном из собраний Афинского спиритуалистического общества, в котором принимал участие Феодор, духи ничего не открывали собравшимся. Спириты всё настойчивее призывали духов, однако ответа не было. Вдруг послышался голос: «Пока Феодор не поменяет своего решения, мы вам ничего не скажем!» Услышав это, Феодор лишь ещё больше укрепился в намерении посетить Святую Гору.

Феодор прибыл на Афон накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы и, следуя за толпой паломников, пришёл в монастырь Ивирон. Он присутствовал на всенощном бдении, которое его сильно впечатлило, но духовного изменения в нём не произошло. Затем Феодор посетил монастырь святого Павла. Когда он находился в этой обители, в его сердце произошло что-то важное и глубокое. Он решил поисповедаться и открыл духовнику монастыря иеромонаху Игнатию (послушнику другого известного старца – иеромонаха Игнатия-духовника) своё

¹⁴⁸ Локри́да – область в центральной Греции.

¹⁴⁹ Впоследствии эта француженка покалась и рассказала всем, что она написала ложь, что она никогда не была на Афонской Горе. Однако её покаяние и признание не были интересны средствам массовой информации, и они об этом умолчали. Покайся, гонорар за свою хульную книгу она в знак покаяния отдала одному из христианских богоугодных заведений во Франции. – *Прим. сост.*

желание остаться в монастыре навсегда. Отцы приняли его в братство. Так Феодор стал монахом обители святого Павла и 19 февраля 1936 года был пострижен в монахи с именем Феодосий.

Когда отец Феодосий стал монахом, ради духовной пользы он посетил известного тогда своей добродетелью отца Афанасия, игумена монастыря святого Григория. Тот дал молодому монаху драгоценные советы о монашеской жизни, а в конце прибавил: «Хочешь стать хорошим монахом? Читай святого Ефрема Сирина! Всегда имей книгу святого Ефрема у себя под головой вместо подушки». И действительно, отец Феодосий, ежедневно читая святого Ефрема, получал великую пользу. Он необычайно полюбил святого Ефрема. Но постоянно читая смиренные высказывания преподобного о самом себе, где он укоряет себя как грешника, называет себя достойным адских мук, отец Феодосий посчитал, что святой Ефрем действительно находится в аду. Поэтому, испытывая за него необычайную боль и любя его, он по чёткам молился, чтобы Бог извёл преподобного Ефрема из ада.

Однажды игумен поставил отца Феодосия читать в трапезе что-то, имевшее отношение к святому Ефрему Сирину, – или житие преподобного, или похвальное слово ему. И тут отец Феодосий с изумлением узнал, что святой Ефрем не только не находится в аду, но и предстоит Престолу Божию в сонме великих святых. От радости он пришёл в умиление, начал плакать и не смог читать дальше.

Отец Феодосий отличался необыкновенным трудолюбием. Целые ночи напролёт он приводил в порядок библиотеку монастыря святого Павла, создал ризницу, в которой стали храниться монастырские иконы. Старец очень любил духовное чтение, любил переписывать духовные книги. Много табличек со святоотеческими изречениями и цитатами из Писания, которые по сей день висят на стенах монастыря святого Павла, были написаны его рукой.

Старец Феодосий испытывал особую брань от диавола из-за того, что он когда-то был членом спиритического общества. Враг очень сильно нападал на него. Они боролись лицом к лицу. Отец Феодосий исповедовал игумену нападения диавола и, будучи излишне уверенным в себе, грозил: «Если он ещё раз дерзнёт придти, то увидишь, что я с ним сделаю!» И вот, когда в одну из ночей диавол в человеческом образе начал искушать отца Феодосия, старец набросился на него, схватил одной рукой за морду, а другой рукой пытался повалить его наземь. Однако вскоре отец Феодосий понял, что лукавый побеждает. Тогда, видя, что у него не хватает сил, он призвал Христа и Матерь Божию на помощь. Не выдержав силы Пресвятого Имени, лукавый исчез. Старец тут же побежал к игумену и стал каяться: «Помнишь, что я тебе сказал: мол, пусть только попробует придти, и увидишь, что я с ним сделаю? Так вот, геронда, всё это было от моей гордости!» Так на деле отец Феодосий убедился в том, что бесы побеждаются смирением и Божией силой.

Старец рассказывал: «Однажды ночью я сидел и писал книгу о спиритизме. Вдруг кто-то очень настойчиво стал стучать в оконное стекло. Стук был настолько сильным, что стекло чуть не разбилось. Поглядев за окно, я увидел некую тень. “Во Имя Христа исчезни!” – сказал я и стал многократно осенять окно крестным знаменем. Вскоре я увидел, что эта тень – похожая на астронавта – начала удаляться».

В другой раз со старцем, как он рассказывал сам, произошло следующее.

«Однажды ко мне в келию пришёл отец Герасим Песнописец из Малого скита святой Анны.

– Когда ты пришёл? – спросил я его. – Я тебя и не заметил.

– Да вот вечером. Слышал, что ты хочешь издать книгу.

– Да, – ответил я ему. – Хочу издать книгу о спиритизме.

Тогда отец Герасим сказал:

– А ты знаешь, что медиумы и спириты говорят девяносто девять процентов правды и лишь один процент лжи? Однако этот процент перечёркивает всю сказанную ими правду!

– То, что ты говоришь, отец Герасим, – прекрасная и глубокая мысль! Я помещу это в свою книгу, – обрадовался я. – Однако откуда эти замечательные слова?

– Из книги преподобного Никодима Святогорца “Духовные упражнения”, – ответил отец Герасим.

Когда он ушёл, я открыл книгу “Духовные упражнения” и, действительно, тут же нашёл это место. Когда я закончил составление книги и был готов отправить её в типографию, помысл говорил мне найти и указать страницу из книги преподобного Никодима, чтобы дать точную ссылку на цитату, подсказанную мне отцом Герасимом.

Я три раза перелистал всю книгу – страницу за страницей, – но этой цитаты не нашёл. Тогда я пошёл в Малый скит святой Анны, нашёл отца Герасима и начал возбуждённо рассказывать ему:

– Помнишь, отец Герасим, ты приходил в монастырь? Ну, недавно, когда зашёл ко мне в келию и поделился той цитатой из книги “Духовные упражнения”? Представляешь: я сейчас – три раза! – перерыл всю книгу и этой цитаты не нашёл. Ты можешь мне что-нибудь объяснить?

– А я, брат, не приходил в монастырь святого Павла уже несколько лет, – спокойно ответил отец Герасим. – И никаких цитат из книги “Духовные упражнения” я тебе тоже не говорил.

Я был поражён. Неужели? Дьявол обманул меня – и настолько грубо?

Позднее я понял, что если бы эта цитата попала в мою книгу, то причинила бы читателям великое зло. Ведь читавшие книгу думали бы так: “Ну раз девяносто девять процентов того, что говорят медиумы и спириты, – правда, то какое мне дело до того, что один процент – ложь? К ним можно обращаться”.

Закончив, наконец, книгу о спиритизме, я переписал её начисто. Утром я собирался отправить её в типографию по почте. Мне оставалось дописать всего лишь четыре страницы. Вдруг я почувствовал дьявола – совсем рядом со мной. Волосы на всём теле моём стали дыбом. Помысл запрещал мне писать. “Ну нет! – ответил я помыслу. – Закончу четыре страницы, и потом прекращу”.

“Христе мой, помогай мне!” – шептал я и продолжал переписывать книгу – плача, молясь и одновременно дрожа от страха.

Закончив переписывать, я ненадолго прилёг и вдруг почувствовал, что по воздействию лукавого не могу пошевелить и пальцем. Я не мог открыть рот, не мог позвать на помощь. Только мозг мой был способен думать. Тогда я вспомнил слова преподобного аввы Исаака Сирина: “Только Дух Божий может изгнать дух дьявола”.

Я начал горячо молиться, и вскоре дьявол исчез, и я освободился».

Отец Феодосий

Приведём ещё один рассказ старца.

«Однажды ночью я почувствовал, что моя кровать сильно трясётся. Казалось, что началось сильное землетрясение – настолько ужасное, что вот-вот стены упадут и монастырь будет разрушен! Как только кровать прекратила трястись, я вышел из келии и спустился в церковь. В тот час в церкви был один пономарь, который возжигал лампы. Я спросил его:

– Послушай, было землетрясение? Ты что-нибудь чувствовал?

– Нет, всё тихо, – ответил пономарь.

“Странное дело”, – подумал я. Потом я спросил ещё одного спустившегося к службе монаха, но и он сказал, что никакого землетрясения не было.

Утром после службы я спрашивал о землетрясении всех отцов и услышал в ответ, что никакого землетрясения они не чувствовали. Тогда я понял: «Вот какие трюки проделывает со мной сатана!»»

Ежегодно отец Феодосий посещал келию Говдела́дон на престольный праздник, который отмечается 29 сентября. Святые Гаведда́й и Каздо́я совершают чудеса. Они явили великое чудо в монастыре Кутлумуш. В этой обители есть икона святых, и раньше в день их памяти в монастыре совершалось всенощное бдение. У отца Феодосия была одна болезнь – его руки были покрыты сильной экземой. Они выглядели настолько ужасно, что люди брезговали целовать его руку, когда брали у него благословение. Однажды, по попущению Божию, отец Феодосий забыл о предстоящем престольном празднике Гаведдая и Каздои и не пошёл в их келию. Вспомнив об этом, он до слёз расстроился и стал укорять себя: «Как же я мог не пойти на бдение этих святых!» Одна слезинка упала на его больную руку и вдруг... экзема стала исчезать и совершенно прошла! Отец Феодосий считал это чудом святых мучеников.

Одно время отец Феодосий долго болел. Много дней у него держалась температура выше сорока градусов, и он не мог пошевелить ногами. В те дни в монастырь принесли святые мощи святого новомученика Пахомия.¹⁵⁰ Как только отец Феодосий узнал об этом, он призвал на помощь святого и стал выздоравливать. Его оставил жар, он тотчас спустился в церковь и поклонился мощам новомученика.

Поскольку отец Феодосий был весьма образованным и энергичным человеком, он очень помог монастырю – главным образом в вопросах управления обителью. Он был эпислатом¹⁵¹ монастыря в Священном Киноте и часто находился в Кариес. Там есть несколько небольших кафе, где питаются рабочие-миряне. Когда отец Феодосий видел, что в постные дни в этих кафе готовят мясо, он входил на кухню и заливал противень керосином.

На заседаниях Духовного собора монастыря всё, что говорил отец Феодосий, имело вес. Все отцы признавали значение его мнения, уважали его.

Да и где только не помогал отец Феодосий! На какое-то время он ушёл из Духовного собора и из монастырской канцелярии и взял на себя тяжёлое послушание трапезника. Одновременно старец ухаживал за масличными деревьями. Казалось, что этот человек не знает усталости. Он был необыкновенно энергичен и трудолюбив. Когда ему было уже 78 лет, он взял на себя заботу о принадлежащей монастырю келии святого Спиридона. После службы старец брал свою монашескую сумку и отправлялся пешком в эту келию, чтобы полить там масличные деревья. Если была необходимость, он, не зная усталости, шёл туда в полдень, когда невыносимо пекло солнце.

Отец Феодосий отличался многой любовью, он пытался облегчить жизнь братьев и сделать для них что-нибудь полезное. Когда он нёс послушание в трапезной, то внимательно следил за тем, чтобы арбузы клали в холодную воду (в то время не было холодильников), стремясь доставить отцам некое телесное утешение. Каждую мелочь старец всегда старался сделать как можно лучше, чтобы послужить братии. Своё стремление он утверждал на словах святого Феодора Студита.¹⁵² Поэтому даже неся послушание в других местах, он часто приходил на кухню и помогал повару.

Какое-то время в отсутствие игумена отец Феодосий оставался в монастыре вместо него, был «местоблюстителем». Ночами после повечерия он снимал обувь и босиком, на цыпочках

¹⁵⁰ Преподобномученик Пахомий Русский родился на Украине. Попав в рабство к туркам, он добросовестно трудился 27 лет, а затем бежал на Афон, где 12 лет подвизался в монастыре святого Павла и ещё год – на Кавсокаливии. С благословения духовника добровольно принял мученичество за Христа от турок в 1730 году. Память 7 мая.

¹⁵¹ *Эпислат* – один из четырёх членов, составляющих Священную Эпистасию – исполнительный орган при Священном Киноте, координирующий повседневную жизнь святогорских монастырей. Эпислаты ежегодно избираются из братии всех афонских монастырей.

¹⁵² См., например, Великое оглашение, часть I, оглашение 5.

ходил под окнами братских келий. Если он слышал, что братия разговаривают между собой, то сразу не делал замечания, но утром на службе тихонько подходил к монахам, болтавшим после повечерия, и на ухо шептал: «Брат, чтобы этого больше не было». Старец Феодосий был тонким и деликатным человеком.

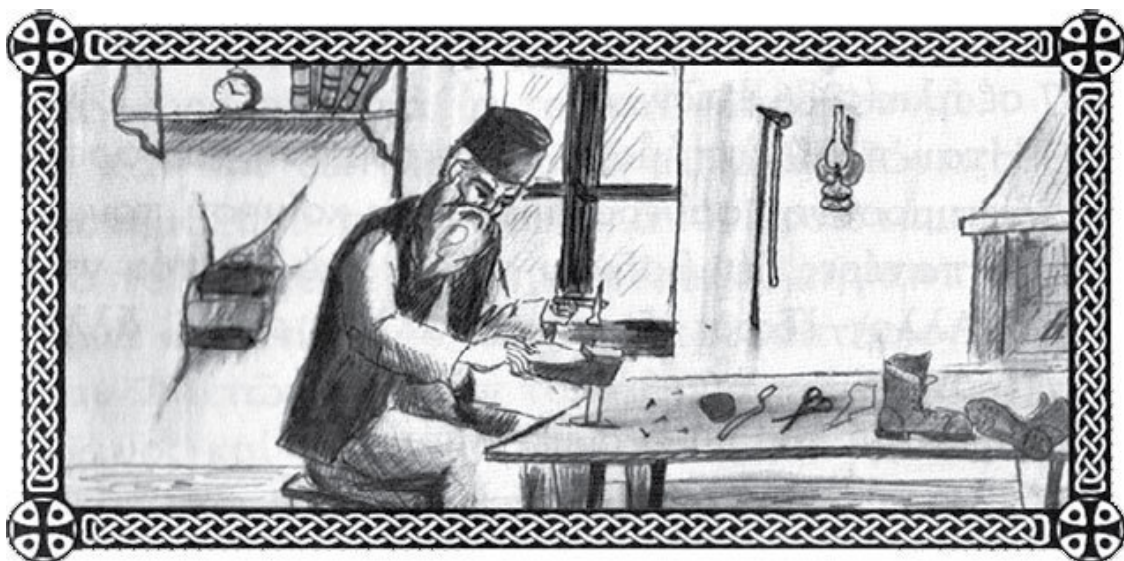
Когда старец был уже при смерти и, держа в руках чётки, лежал в кровати, один монах спросил его: «О чём ты думаешь, отец Феодосий? Что чувствуешь?» Старец смиренно ответил: «Думаю о том, что пойду ко Господу. А чувствую радость». И действительно, лицо его сияло радостью. Через два дня, 4 июля 1987 года, в возрасте 86 лет старец отошёл ко Господу.

Отец Феодосий отличался великой нестяжательностью. Эта добродетель, которую он тщательно скрывал, была явлена отцам в день его погребения – они не смогли найти в его келии одежду, чтобы облачить старца в последний путь. Тогда одежду для погребения собрали по братии: кто-то дал подрясник, кто-то – рясу, кто-то – шаровары.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

20. Отец Евдоким, игумен монастыря Ксенофонт

Его Высокопреподобие игумен монастыря Ксенофонт отец Евдоким (в миру его звали Евстафий Скуфас) родился в 1906 году в Локриде в селении Амфилия. Его отца звали Дмитрием, а мать – Хрисулой. О жизни отца Евдокима в миру сведений не сохранилось, поскольку он не любил рассказывать о себе. Но, по всей видимости, в миру Евстафий отличался благоговением и жил внимательно, исповедовался и ходил в церковь. Евстафий служил в армии и дослужился до звания сержанта. Когда он решил стать монахом, то сначала пришёл в монастырь Пресвятой Богородицы «Олимпиотисса». Однако там ему пришлось не по душе, поскольку монастырь посещало много паломников, главным образом женщин. Тогда он решил перейти в один из монастырей Святой Афонской Горы и попросил на это благословение своего духовника. К несчастью, духовник не благословил, говоря, что на Святой Горе собираются одни преступники. Слава Богу, эти слова духовника не повлияли на желание юного Евстафия.

Следуя божественному гласу, который призывал его посвятить себя Богу, он пришёл на Святую Афонскую Гору в 1929 году, в возрасте 23 лет. Вместе с ним на Афон приехал один из его сослуживцев. По всей видимости, юноши не были знакомы ни с кем из афонских монахов, и поэтому у них не было предпочтений в выборе того или иного святогорского монастыря. В те годы в обителях был избыток братии, и стать послушником молодому человеку было нелегко. Вначале Евстафий попросился в братство монастыря Ксиропотам, однако его не приняли, и он пришёл в монастырь Ксенофонт. В этой обители, несмотря на то, что нужды в новых послушниках не было, его взяли, поскольку увидели, что он крепок и силён телом. Братия посчитали, что такой послушник будет полезен на тяжёлых работах. Евстафия приняли в монастырь, облачили в подрясник и назначили на послушание в поварне. Это послушание он нёс в течение пяти лет. После одного года послушнического искуса 16 марта 1930 года он был пострижен в монахи с именем Евдоким. И действительно, ему подходило это имя, поскольку он явился благоиспытанным¹⁵³ во всех послушаниях, которые на него возлагали в течение его монашеской жизни. В старых общежительных монастырях был следующий чин: монахи должны были пройти через все послушания обители. После поварни отец Евдоким в течение пяти лет нёс послушание пономаря. Он вставал очень рано, готовил храм к богослужению и на всю свою последующую

¹⁵³ *Евдоки́м* (греч. Εὐδόκιμος) – букв. «благоиспытанный».

монашескую жизнь приобрёл добрую привычку приходить в храм до начала службы, раньше всех братьев.

Молодой монах Евдоким чисто и регулярно исповедовался, открывая помыслы духовнику отцу Поликарпу, который к тому времени пришёл в высокую меру добродетели. Позднее отец Евдоким говорил: «Ежедневное исповедание помыслов помогло мне сохранить монашескую акривию». Старец действительно отличался монашеской акривией. Когда его на склоне лет спросили, разрешается ли монахам купаться в море, он ответил: «В прежние годы грехом для монаха считалось не только купаться в море, но даже и смотреть в сторону моря».

Впоследствии отец Евдоким несколько лет трудился в горах, неся послушание старшего лесоруба. Кроме мулов в монастыре были и быки, на которых перевозили бревна. Это была очень тяжёлая, утомительная работа, однако отец Евдоким брался за неё первым и делал её лучше других. Он был истинным монахом, понудителем себя, и, работая, всегда творил молитву Иисусову. Кроме того, он был ответственным и за охрану монастырских буйволов. Однажды старец с помощником-мирянином возвращались от стада буйволов в монастырь, и их накрыл сильный снегопад. Они оказались отрезанными в местности, называемой «Захарá». Была суровая зима, запасы продуктов закончились, и кто-то из них должен был спуститься вниз за продуктами. Помощник отца Евдокима вызвался пойти, однако отец Евдоким не разрешил: «У тебя жена и дети – пойду я. Если погибну, никто обо мне плакать не будет». Утром, бредя по пояс и даже по грудь в снегу, отец Евдоким дошёл до монастыря, набил мешок продуктами, сколько мог унести, и вечером, когда уже смеркалось, вновь поднялся на гору. Его помощник-рабочий весь день в нетерпении глядел на дорогу. Наконец он увидел отца Евдокима и очень обрадовался. Ему показалось, что тот держит в руках фонарик. Однако, когда старец приблизился, оказалось, что никакого фонаря у него нет, а сияет его лицо. Рабочий сказал отцу Евдокиму об этом и услышал ответ: «Замолчи!.. Ещё, не дай Бог, скажешь, что я святой». Старец не придал этому рассказу серьёзного значения.

Какое-то время (с 1 декабря 1945 года по 13 апреля 1946 года) отец Евдоким по собственной воле жил вне монастыря. Это произошло по неизвестной нам причине. Однако вскоре он вернулся в обитель.

Впоследствии в монастыре возникла проблема: в течение одного года сменилось семь игуменов, и никто из них не мог удержаться сколько-нибудь продолжительное время. Так постепенно «очередь» дошла и до отца Евдокима, который, не помышляя об игуменстве, был простым монахом, трудился в лесу и горах. Незадолго до этого его выбрали членом Духовного собора, и он постепенно пытался вернуть монастырь к подобающему чину. Ему предлагали рукоположение во священника и избрание в игумены, но отец Евдоким отказался. Однако игумен монастыря Дионисиат отец Гавриил, с которым старец советовался и которым восхищался, убедил его принять это предложение. Так, 15 ноября 1953 года отец Евдоким был рукоположен во пресвитера, а 14 декабря 1953 года была его игуменская интронизация.

После его избрания один из членов Духовного собора с издёвкой спросил старца: «*Ты ли еси грядый, или иного чаем?*»¹⁵⁴ Отец Евдоким ничего не ответил, однако подумал: «Ну, погоди, я найду на тебя управу». Этот монах, будучи представителем монастыря в Протате, был тогда «заправилой» всех монастырских дел. Он и был причиной того, что ни один игумен не мог удержаться долгое время. После интронизации игумен Евдоким снял этого брата с послушания антипросопа,¹⁵⁵ и таким образом обстановка в монастыре стабилизировалась.

Отец Евдоким оказался подходящей кандидатурой для игуменства, именно он стал настоятелем, укрепившим монастырь. Впоследствии он со смирением говорил: «Возможно, духовно я был для обители бесполезным, но уж материальную пользу точно принёс». Отец

¹⁵⁴ Мф. 11:3.

¹⁵⁵ *Антипрóсоп* – представитель монастыря в Священном Киноте.

Евдоким был образцом для всей братии, первым на послушаниях и на богослужении. Когда он стал игуменом, монахов было мало, и большинство из них были людьми пожилыми, поэтому игумену Евдокиму самому приходилось нести послушания пекаря, повара, ризничего и седмичного иеромонаха. Он не останавливался ни на минуту: заканчивая одно дело, начинал другое. Старец приносил себя в жертву и лишал себя сна для того, чтобы всё успеть. Став игуменом, он не изменил своего поведения и образа жизни. Его келия была простой, он продолжал жить там же, где и раньше – в корпусе недалеко от параклиса святой Евфимии, с другими иеромонахами. Когда к игумену приходил кто-то из братий, он принимал его в своей келии. Во все годы монашеской жизни у него был принцип: если кто-то стучит в твою дверь, – в какой угодно час, даже если ты спишь, – тут же встань и открой дверь. Отец Евдоким говорил: «Сон придёт ко мне вновь, а вот придёт ли ко мне снова мой брат?» Он был как мать, заботящаяся о всех своих чадах. У него находили прибежище и измученные монахи, ушедшие из других монастырей. О мирских рабочих он также заботился с любовью. Дверь своей келии игумен не закрывал на ключ, она была открыта для всех.

Став игуменом, отец Евдоким продолжал носить ту же самую одежду, что и раньше: простую монашескую, немного испачканную. Когда у него рвалась обувь, он не покупал новые ботинки, а зашивал старые своими руками, поэтому некоторые издевательски называли его «лаптем». Старец не любил пышности и великолепия, его сердце не трогали роскошные облачения. Игуменскую мантию он надевал крайне редко. Однажды во время какой-то службы его попытались облачить в мантию, но старец шутя ответил: «Большое спасибо, мне не холодно». Когда отец Евдоким видел, что кто-то из монахов одет в дорогую рясу с широкими рукавами, он говорил ему: «Послушай-ка, горемыка ты мой,¹⁵⁶ ты у нас архимандрит из Вселенской Патриархии или соборный старец из Ватопеда?»

Игумен Евдоким прикладывал все силы, чтобы поднять хозяйство монастыря – в этом была большая нужда. Чтобы деньги не тратились попусту, он сам стал ездить в Салоники и закупать продукты. В городе отец Евдоким питался в самых дешёвых столовых, заказывая самую простую пищу. Он не передвигался по Салоникам с пышностью – как игумен одного из афонских монастырей, но вёл себя смиренно – как простой монах. После необходимых закупок он возвращался в Уранополис, а оттуда нередко шёл в монастырь пешком, шагая семь-восемь часов по горным тропинкам, чтобы сэкономить на билете на корабль.

Однажды отец Евдоким возвращался на Афон из Салоник, имея при себе значительную сумму денег. В Уранополисе он не успел на корабль, который шёл на Афон. Рыбаки предложили отвезти его на лодке в Ксенофонт за 12 драхм. Игумен Евдоким не согласился и сказал: «За десять!» Рыбаки отказались, и тогда отец Евдоким отправился в многокилометровый путь пешком, чтобы не переплачивать две драхмы.

Деньги и имущество монастыря старец считал священными: они принадлежали великомученику Георгию, покровителю монастыря, и игумен Евдоким боялся их потратить не по назначению. Старец жил с чувством, что он «служка» монастыря.

Отец Евдоким вёл и строительные работы в обители. Между монастырскими корпусами он построил разделительные стены для защиты обители от пожара. Старец расширил и принадлежавшие монастырю земельные участки. Когда он пришёл в монастырь, в нём было всего 17 мулов. После нескольких лет его игуменства их стало 70. Он хотя и был игуменом, но трудился как простой рабочий. Как-то раз один из монастырских рабочих перегонял ракию¹⁵⁷ и случайно устроил пожар. Прибежав, отец Евдоким крикнул рабочему: «Не бойся!», – сам потушил пламя, и никому ничего не рассказал.

¹⁵⁶ Это было его обычное обращение старца. – *Прим. сост.*

¹⁵⁷ *Ракія* – виноградная водка, которой на Афоне по традиции угощают паломников.

Старец любил обходить монастырь и смотреть, где чего не хватает. Рыбы для монастырской трапезы он не покупал. Иногда к монастырю подплывали итальянские рыбаки, и тогда монастырская келарня наполнялась свежей рыбой. Помимо этого, итальянцы солили рыбу для монастыря, и игумен расплачивался с ними вином и ракией. Он был очень хорошим и бережливым хозяином, хотя некоторые члены Духовного собора считали его скупым.

Один из членов Духовного собора сам готовил пищу у себя в келии. Игумен, узнав об этом, сказал ему:

– Горюшко ты моё, запахи из твоей келии перебивают даже запахи из поварни...

– Вот будешь кормить нас такими блюдами на трапезе, и я перестану готовить в келии! – дерзко ответил тот.

– Если я буду кормить вас такими блюдами, то мы разрушим весь монастырь, – тихо ответил старец.

Игумен Евдоким был умным, сообразительным и справедливым человеком. Он отличался прямоотой в словах и делах. Один человек украл из монастыря доски, погрузил их на мулов и отвёз в лес. Отец Евдоким, идя по следам, нашёл доски. Он не потребовал вернуть украденное и не стал ругать вора. Единственное, что он ему сказал: «Благословенная душа, что же ты молчал, что нуждаешься в досках? Я бы тебе их дал».

Однажды в Ксенофонт приехал торговец, чтобы купить монастырских быков. Задумав обмануть монастырь, он поднялся в горы, где паслось стадо, отобрал двух быков и двое суток держал их без воды. Потом он привёл их в монастырь ночью, чтобы их взвесили на продажу. Игумен, увидев быков, понял, что случилось, позвал одного из монастырских рабочих и в полночь они накормили быков отрубями с солью. Животные, наевшись солёных отрубей, выпили много воды и вновь приобрели свой нормальный вес. Когда лукавый торговец увидел быков с раздутыми животами, он сказал: «Ишь ты! До сего дня я мог перехитрить любого – только вот этого монаха¹⁵⁸ мне провести не удалось». Игумен Евдоким не допустил осуществиться замыслу этого торговца, чтобы тот не обременил грехом свою совесть, а также потому, что под угрозой было имущество монастыря.

Однажды отец Евдоким продавал принадлежащий монастырю земельный участок, и адвокаты, участвовавшие в сделке, стали предлагать ему «прикарманить» некую часть денег. Отец Евдоким ответил: «Сумма, которую я получил, – это деньги для моей обители. Для себя я не хочу ничего, поскольку я монах. А у монахов нет ничего личного».

Игумен Евдоким тайно раздавал много милостыни. Выезжая в мир, он брал с собой набитый деньгами бумажник и целый блок банковских чеков. Когда какой-нибудь бедняк просил у него денег, отец Евдоким не отказывал. Нуждавшемуся в большей сумме старец выписывал чек, чтобы тот мог получить деньги в банке. Вручая чек, он говорил: «Возьми, вернёшь, когда сможешь». Также, выезжая в мир, игумен брал с собой много коробок и узелков с продуктами, чтобы раздавать их бедным семьям. Одному школьнику из бедной семьи в одной из деревень на Халкидике¹⁵⁹ отец Евдоким помог поступить в университет и его окончить. Этот человек стал профессором университета и к своему благодетелю он испытывает великую благодарность.

Среди добродетелей отца игумена выделялось его совершенное странничество. Он не имел никакого общения со своими сродниками по плоти. Однажды по какой-то потребности он послал родным письмо; те даже не поняли, что автор этого письма – их родственник.

В своих догматических убеждениях отец Евдоким был точным хранителем православных традиций. Однажды, по согласию с другими святогорскими игуменами, он решил прекратить

¹⁵⁸ Имеется в виду игумен Евдоким.

¹⁵⁹ *Халкидика* – полуостров и административная единица в северо-восточной Греции. Одной из оконечностей Халкидики является Святая Гора Афон.

поминовение Вселенского Патриарха.¹⁶⁰ Однако по истечении какого-то времени некоторые из прервавших поминовение Патриарха игуменов вновь стали его поминать. Тогда к старцу Евдокиму приехали представители Вселенского Патриарха под председательством митрополита Ставрупольского Максима. После того как отец Евдоким объяснил причины, по которым он прекратил поминовение Патриарха, председатель комиссии спросил его:

– Святый игумене, сколько у тебя в монастыре монахов?

– Каких именно монахов? – спросил отец Евдоким. – Едоков или работяг?

– Как ты смеешь так разговаривать?! – неожиданно разгневавшись, воскликнул владыка. – Ты что, не знаешь, что палку, которую ты держишь, я могу у тебя отобрать?!

– На, Владыко, заberi её, – смиренно ответил отец Евдоким и отдал митрополиту игуменский жезл. – Я пришёл сюда не для того, чтобы стать игуменом, а спасти свою душу.

Так, 10 марта 1974 года патриаршим решением отец Евдоким был лишён игуменства. Впоследствии губернатор Афонской Горы¹⁶¹ господин Криеку́иас в своём распоряжении № Ф. 26/12/15.6.1974 предписал «игумену монастыря Ксенофонт Евдокиму удалиться из Ксенофонтской обители, так как он продолжает занимать то же самое духовное положение».

Всё это время – между распоряжением Патриарха и указом губернатора – отец Евдоким жил в монастыре Ксенофонт и помогал братии в различных послушаниях. Он был человеком очень выносливым. Тогда в монастыре не хватало иеромонахов, и по будням служил иеромонах Иоанникий из скита монастыря Ксенофонта, а по воскресным и праздничным дням – отец Евдоким. Однажды старец был в Салониках. Утром в субботу он приехал в Уранополис и, опоздав на корабль, отправился в монастырь пешком. Прошагав восемь часов по горным тропам и дорогам, он как седмичный иеромонах отслужил всенощное бдение, а утром, как обычно, служил Божественную Литургию. Тогда старцу было более 70 лет.

Отец Евдоким очень любил обитель своего монашеского пострига, которая была для него земным раем. В монастыре он чувствовал себя словно Адам, который хранит и возделывает рай. Однако через три года после упомянутого бюрократического распоряжения, 24 октября 1977 года он оказался вне стен столь любимой им обители. Старца не слишком огорчило то, что он перестал быть игуменом. Однако он необыкновенно страдал из-за того, что был изгнан из монастыря, ради которого пролил столько пота и в котором прожил долгих 48 лет, из которых 22 года игуменствовал.

С горечью и болью старец поселился в соседней обители Дохиар, где стал послушником одного простого монаха.¹⁶² Он оказывал ему послушание, и когда его старец за какие-то «провинности» публично делал замечания и выговоры, отец Евдоким смиренно отвечал: «Простите, благословите». Из этого видно величие его смиренномудрия.

Для того чтобы смягчить скорбь после изгнания, в начале своей жизни в Дохиаре старец каждый день садился на кораблик, который плыл в Дафни мимо стен Ксенофонта. Старец хотел видеть горячо любимую им обитель хотя бы издали. Глядя на любимые им стены, он начинал плакать и стенать: «Сёде Адам прямо рая...».¹⁶³ Иной раз, пытаясь рассеять боль, он спрашивал находившихся на корабле монахов или мирских паломников: «Скажите, пожалуйста, а как называется этот монастырь?»

¹⁶⁰ В 1964 году многие афонские монастыри, недовольные активной экуменической деятельностью Патриарха Константинопольского Афинагора I (Спиру) (1948–1978), подписали «Воззвание к благочестивому греческому народу и всем верующим Православной Церкви», в котором высказали своё недоверие патриарху Афинагору и заявили о готовности прекратить молитвенное поминовение его имени за богослужением. Эта акция не носила раскольнического характера, а явилась лишь средством выражения протеста и несогласия с внешнецерковной политикой Константинополя.

¹⁶¹ Греческое государство на Афоне представляет губернатор-мирянин, находящийся в подчинении Министерства иностранных дел Греции.

¹⁶² Дохиар в то время был особножительным монастырём.

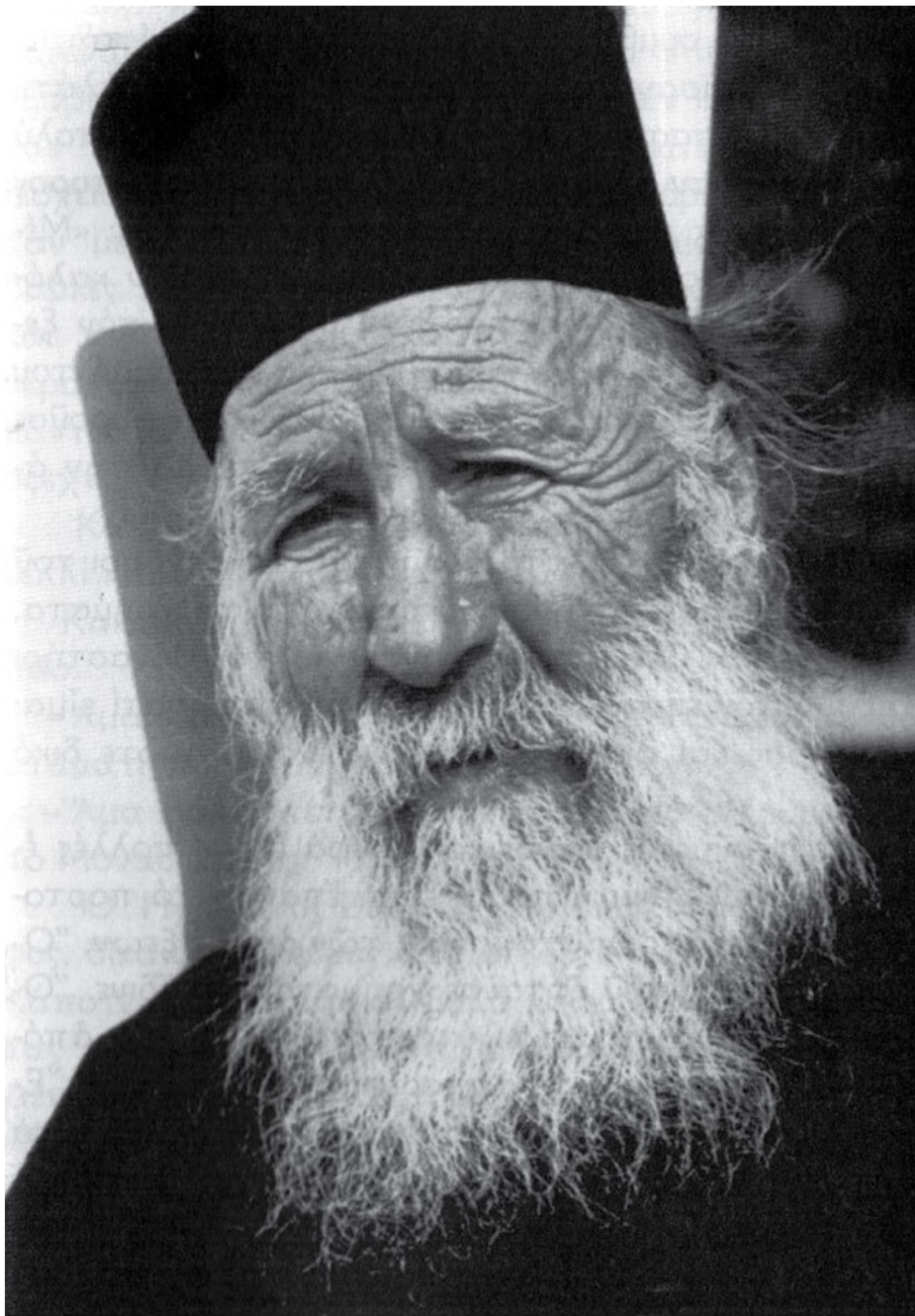
¹⁶³ Триодь Постная. Неделя сыропустная. Вечерня, славник стихир на «Господи воззвах».

Однажды старец разговорился с одним мирянином в Дафни. Тот рассказал ему, что пожертвовал 80 тысяч драхм бывшему эконому монастыря Дохиар, сделав это по благоговению к Божией Матери «Скоропослушнице»,¹⁶⁴ и попросил потратить эти деньги на нужды монастыря. Рассудительный старец промолчал, чтобы не соблазнить жертвователя. Вернувшись в монастырь, он поступил следующим образом: пришёл к бывшему эконому и сказал ему: «Послушай-ка, отче!.. В Дафни болтают о том, что один человек дал тебе восемьдесят тысяч драхм на монастырь. Ну и что будет, если об этом узнает игумен? Если хочешь, оставь себе пять тысяч драхм, а мне отдай остальное, и я сам их передам игумену. Вся ответственность будет на мне». И действительно, бывший эконом отдал ему деньги, а отец Евдоким передал их игумену со словами: «Святой игумене, возьми эти деньги на монастырь! Мне их дал один человек. Если до тебя дойдёт слух, что денег было больше, то знай: кое-что я оставил себе». Так, с помощью рассудительного вмешательства старца вопрос был улажен. Старец был человеком *к созиданию, а не к разорению*.¹⁶⁵

Часто старец-изгнанник чувствовал, как его душат слёзы от того, что с ним поступили несправедливо. Помысл говорил ему, что надо бороться и протестовать. Но однажды, читая «Добротолюбие», отец Евдоким нашёл место, которое помогло ему оставить всякие помыслы о человеческом вмешательстве. Кроме того, старец прекратил переписку с некоторыми из своих прежних врагов, простил их и стал себя чувствовать необыкновенно легко и радостно.

¹⁶⁴ *Чудотворная икона Божией Матери «Скоропослушница»* – фреска, написанная у входа в трапезную монастыря Дохиар, одна из главных святынь обители. Празднование в честь этой иконы совершается 9 ноября.

¹⁶⁵ 2 Кор. 13:10.

Игумен Евдоким

Один рабочий, знакомый старца, предложил ему передать по договору участок земли в миру для строительства монастыря, однако старец отказался со словами: «Земельных-то участков много, но вот второй Святой Афонской Горы на всём свете нет». Итак, вместо того, чтобы стать настоятелем, старец предпочёл остаться на Святой Горе, в изгнании и в повиновении у

простого монаха, а игуменским обязанностям предпочёл послушание пономаря. Старец говорил: «Послушание пономаря – самое лучшее. Ведь пономарь постоянно общается со святыми, он то и дело зажигает лампы перед их иконами».

На одном из престольных праздников уставщик монастыря Дохиар велел старцу Евдокиму зажечь свечи на паникадиле. Внезапно во всеуслышание уставщик начал кричать и топтать ногами на старца: «Ах ты, грязный негодный старикашка! Разве я тебе велел свечи зажечь сейчас?!» Старец молча принял оскорбление, оказал уставщику послушание, а про себя произнёс: «Терпение, Евдоким, терпение!»

Когда в святой обители Дохиар был введён общежительный устав, позиция старца Евдокима в отношении многих вопросов, касавшихся управления обителью, была крайне рассудительной. Если новый игумен спрашивал его мнение по какому-то вопросу, то отец Евдоким отвечал ему с уважением и смирением, называя его «святый игумене» и кладя перед ним поклон. Его советы касались практических, жизненных монашеских вопросов. Он советовал игумену снисходительнее относиться к братии, и в постные дни, когда они совершали тяжёлые работы, разрешать пищу с растительным маслом. Относительно себя старец попросил разрешения не спускаться в трапезную, а принимать пищу в келии. Это было не по своеволию, а по другой причине: ему было достаточно вкушать один раз в день. Однако на богослужении он всегда был в церкви и, когда говорил уставщик, пел на клиросе, пока ему позволял голос. Кроме этого, старец советовал новому игумену очистить прилегавшую к монастырю территорию от деревьев и кустарников, говоря: «Если загорится лес, спасётся монастырь, а если загорится монастырь, спасётся лес».

Когда в Дохиаре на старца возложили послушание лесника, он собственноручно расчищал тропинки к соседним монастырям и в Кариес.

Этот «неотёсанный» деревенский человек, погонщик волов и мулов, имел духовное благородство и чуткость. Никто никогда не видел старца в гневе. Со всеми монахами он был дружелюбен и мягок, ни с кем не ссорился и другим советовал не ссориться: «Если у вас возникают какие-то недоразумения, то не тяните, но тут же миритесь – кладите друг перед другом поклон». Старец избегал празднословия и осуждения, был человеком молчаливым и немногословным – говорил очень и очень мало. У него не было дара слова, но своим примером он учил лучше, чем словом. Всё, что старец говорил, происходило из его опыта, и потому слово его имело вес. Он всегда хотел оставаться незаметным, стремился «идти по обочине». Старец настолько привык к безмолвию, что в новые времена, когда по Святой Горе проложили автомобильные дороги, он, слыша приближающийся автомобиль, немедленно скрывался в лесной чаще.

По по отношению к себе самому старец Евдоким был жёстким. Он не заботился о своём внешнем виде, выглядел небрежным: его монашеские одежды были ветхие и грязные. Борода старца была густой, лицо обуглено солнцем и изъедено морщинами. Его волосы были седые с желтизной, редкие, торчащие клочками. Они были не расчёсаны и не связаны в пучок. Однако старец сиял внутренней чистотой, его глаза выдавали милосердие и сочувствие к ближнему.

Отец Евдоким был нестяжателем. Как пенсионер он получал пенсию ОГА¹⁶⁶ и на эти деньги покупал в Дафни масло для лампад, пакетики сока, сладости для монастырской братии. Эти сладости старец раздавал братии во время послушаний, желая хоть чем-то утешить труждающихся отцов. Подобно деревенскому мальчику, старец от моря, где находился монастырь, поднимался в горы к монастырским оливковым рощам и огородам, чтобы принести сок и сладости трудившимся братьям, и таким образом стать причастником общего дела.

Несмотря на то, что старец любил угощать других сладостями, сам он не ел сладкого, говоря: «Мы, старики, кушать сладости не привыкли. Раньше, если мы видели выброшенным

¹⁶⁶ ОГА – страховая компания для жителей сельской местности, которая выделяет пенсию афонским монахам.

хотя бы полкусочка лукума, то расстраивались и считали это грехом. А сегодня я вижу, как среди мусора валяются целые кучи сладостей. Монахи стали легко есть сладости и легко их выбрасывать».

Для себя отец Евдоким ничего не просил и никому ни на что не жаловался. Он запретил монастырскому повару готовить ему что-то особенное, но брал лишь немного бульона от того блюда, которое готовилось для всей братии. Обычно старцу приносили небольшой стакан вина – оно помогало ему поддерживать упавшие силы в старости. Когда монастырский привратник хотел угостить старца ракией, тот просил смешать стопку ракии с тремя частями воды.

В Великую Четыредесятницу каждую неделю старец первые три дня ничего не ел и не пил – держал такой абсолютный пост с понедельника по среду. В среду он причащался на Литургии Преждеосвященных Даров, после чего вкушал немного хлеба и маслин. Четверг он снова проводил без воды и пищи. В пятницу вновь причащался на Преждеосвященной Литургии, после чего ел хлеб и маслины. В субботу и воскресенье вкушал пищу с растительным маслом. Этого устава старец придерживался каждую седмицу святой Четыредесятницы.

Келия старца была очень бедной и неухоженной, как и он сам. Однажды отцы решили сделать ему сюрприз и, когда его не было, навели в келии порядок. Вернувшись, отец Евдоким рассмеялся: «Такая уборка нужна только однажды – когда я умру. Зачем зря тратить на неё силы?»

На ночь старец покрывался тремя одеялами, которые он сшил между собой и прибил к стене, чтобы они не сползали во время сна. Спал он, не снимая одежды. «Только ботинки снимаю», – говорил он. Дверь в дверь с его келией был крохотный храм в честь Трёх Святителей – очень маленький и умильный. Каждый день старец поправлял там «неусыпаемые» лампы, пламя у которых было очень высоким.

Любовь старца распространялась на всё. Но вот кого он терпеть не мог, так это кошек! Хотя других животных очень любил. Если старец видел, что монах гладит кошку, то восклицал: «Нет, несчастный, нет!.. Нельзя гладить кошек! Кошка – мягкая вещь!» Когда беззаботно дремавшие монастырские коты и кошки слышали приближавшиеся шаги старца и удары его тяжёлой палки о ступеньки лестницы, они в панике удирали и искали, где бы скрыться. Зрелище было весьма забавным. Однажды отец Евдоким спустился на монастырскую пристань и увидел в конце причала кошку. В то время как старец со своей тяжёлой палкой приближался к краю пристани, несчастная кошка, поняв, что путь к отступлению отрезан, решительно бросилась в море и вплавь добралась до берега. «Что ж, предпочла покончить с собой», – заключил отец Евдоким.

За несколько лет до кончины отцу Евдокиму было следующее видение. Он лежал в кровати, и некто показал ему на доске, подобной школьной, все его грехи. Старец услышал голос:

– Твои грехи ещё не полностью очищены.

– А как мне их очистить полностью? – спросил отец Евдоким и получил следующий ответ:

– Молитвой Иисусовой.

С этого дня старец стал неторопливо творить в себе молитву Иисусову. Он не выпускал из руки чётки на 33 узелка: на богослужении, в храме и вне храма – постоянно творил молитву Иисусову. Обычно узелки на его чёточках были сплетены неправильно, кое-как, иногда они были даже сделаны из белых ниток.

Из немногих характерных, лаконичных и глубоких поучений старца приведём следующие:

«Ум человека – самая быстрая вещь в мире. Чтобы он не уходил от нас, куда не нужно, будем непрестанно творить молитву Иисусову».

«Если монах в молодости живёт правильно и подвизается, то его старость – годы тайноводства и наслаждения. Он похож на гружёный корабль, который медленно подходит к пристани. Однако если монах жил нерадиво, то горе ему».

Желая подчеркнуть значимость личного опыта, старец говорил одному из молодых монахов: «Скажи мне, сколько ты знаешь, а я скажу тебе, сколько я настрадался».

Другому монаху старец говорил о чрезмерной увлечённости материальными заботами и делами: «Горе ты моё, да дела ведь никогда не закончатся!.. А вот мы “закончимся”. Ведь даже Мафусал прожил столько лет, а когда умирал, оказалось, что половину дел своих оставил недоделанными!»

Старец огорчался, видя, что люди неблагодарны и забывают о Боге. Он образно говорил: «Что б я смог для Тебя сделать, Боже мой – и Ты бы этого не предвидел? И что б я смог Тебе уготовить – и Ты бы этого не узнал?»

Когда надо было упомянуть Имя Божие, старец с благоговением говорил: «Святой Бог». Когда кто-то просил у него благословения, он благословлял со словами: «Спаси Господи».

Часто, когда речь заходила о святых, старец приходил в умиление и по его изъеденным морщинами щекам текли слёзы. Он говорил: «Я читал “Добротолюбие”, “Отечник”, “Лествицу” и другие книги. Но гораздо сильнее умиляют и радуют мою душу жития святых». Чем ближе был конец земной жизни старца, тем больше и больше слёз текло по его щекам.

На богослужение старец спускался раньше всех. В то время, когда звонил первый «будильный» колокольчик, то есть за полчаса до начала службы, отец Евдоким уже входил в храм. Он прикладывался к иконам и вставал в одну из «старческих» стасидий – в крайнюю справа в притворе, держал в руках свои чёточки и творил молитву Иисусову, покачивая головой. На буднях он не оставался до конца службы, а в какой-то момент уходил в келию. Но в воскресные и праздничные дни старец был на службе до конца и причащался Святых Христовых Таин. Во время пения причастного стиха он прикладывался к иконам в проскинитариях и в иконостасе, входил в алтарь, держа епитрахиль под мышкой. Он испрашивал прощения у игумена и причащался как последний монастырский иеромонах. По причине своего почтенного возраста отец Евдоким прекратил литургисать, как обычно это делают старые святогорские монахи. Однако когда опаздывал или отсутствовал седмичный, старец надевал епитрахиль и служил богослужение суточного круга.

Когда приблизилась кончина старца, монастырь Ксенофонт пригласил его вернуться в обитель своего пострига. Старец отказался со словами: «С дохиарскими отцами мы прожили столько лет, и ни они от меня, ни я от них не услышали ни одного слова, противного Евангелию. Как же сейчас я повернусь к ним спиной и их оставлю? Если бы вы позвали меня раньше, я бы пришёл. А сейчас пришёл уже мой конец». Так, отказавшись вернуться, старец воспринял полную мзду изгнанника.

В неделю Святой Пятидесятницы старец заболел, и отцы хотели отвезти его в Салоники в больницу. «Нет, не успеете», – ответил старец. К тому времени он уже не мог выпивать свой стаканчик вина, который приносил ухаживавший за ним брат. Старец задолго до своей кончины сказал ему: «Знай: когда я не смогу пить вино, то умру».

Старец говорил отцам: «Когда я умру, в келии ничего не ищите, всё равно ничего не найдёте. Все, что у меня есть, уместится в моём кармане». Действительно, в его келии не нашлось ничего, кроме рясы, которую он носил.

Один монах спросил старца:

– Геронда, ты столько лет прожил на Святой Афонской Горе? Скажи, что ты понял? Каков смысл монашеской жизни?

– Смысл монашеской жизни – это смиренномудрие, – ответил старец.

Три дня перед кончиной старец ничего не вкушал, только пил воду. Над ним совершили таинство Елеосвящения, и когда оно подходило к концу, старец мирно испустил дух. Это про-

изошло 1 июля 1990 года, в воскресный день. Его погребение возглавил приглашённый игумен монастыря Ксенофонт Алексей. На следующий день после кончины отца Евдокима пришло его прощение от Вселенской Патриархии.

Бывший игумен Евдоким отошёл ко Господу, находясь в изгнании, ссылке, непонимании, будучи оклеветан и презрён. Никто, кроме монастыря Дохиар, который принял изгнанника, о нём не заботился и им не интересовался. Старец был забыт всеми. Он испытал боль в своей земной жизни, *смирися до зела*.¹⁶⁷ Он очень много потрудился ради своей обители и подвизался в жизни монашеской. «Святой Бог», как говорил сам старец, по Своему праведному суду и по Своей милости да даст ему в Своём Царстве то место, которого он достоин.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

¹⁶⁷ Пс. 37:8.

21. Таинственный затворник Иродион

Подвизавшийся на Капсале старец Иродион (в миру Иоанн Мандуф) родился в 1904 году в местечке Ордасест (Румыния). Его родителей звали Пётр и Елена. Иоанн приехал на Святую Афонскую Гору и стал монахом в принадлежащей монастырю Дионисиат келии Введения во храм Пресвятой Богородицы. Затем жил в разных келиях, главным образом на Капсале. 28 октября 1964 года он поселился в келие святого великомученика Димитрия на Капсале. Последние годы своей жизни старец проводил затворнически: сурово, без утешений и в совершенном одиночестве. Возле его келии в скале была выдолблена ёмкость для воды. Когда однажды в эту цистерну упала крыса и пить эту воду стало опасно, отец Иродион всё равно не ходил за водой в другое место, и воду стал приносить ему сосед – старец Макарий. У отца Иродиона не было запасов, он не покупал пищи, не занимался рукоделием и не возделывал огородов, но Бог, Который питает птиц небесных, питал и его.

Когда к келии отца Иродиона приходил посетитель, старец приоткрывал дверь, высовывал голову и начинал говорить. Старец знал румынский, русский и греческий языки. Он часто «нёс ахинею», например, говорил, что ему дана власть над солнцем и над дождём. Но в этом несвязном многословии находилось нечто, за что цеплялся ум посетителя, поскольку это нечто, открывавшееся в словах старца Иродиона, было сугубо личное, имевшее отношение непосредственно к слушателю.

Уходя от старца, некоторые недоумевали: «Что это за тайна, которая называется “отец Иродион”? Кто он: пророк, сумасшедший, прельщённый или кто-то другой? В любом случае, всех, кому приходилось побывать у старца Иродиона Капсалиота, три вещи глубоко впечатляли.

Во-первых, его тихое и радостное лицо, аскетически бледное и прозрачное, оттенка жёлтой айвы. Несмотря на то, что было неумытым, грязным и исцарапанным, оно не отталкивало, напротив, вызывало симпатию.

Во-вторых, вне всякого сомнения лежало великое самоотречение старца. Будучи на девятом десятке жизни, он часто жил вообще без пищи, потому что в его полуразрушенной келие не было съестных запасов. Войти в келию можно было через множество дыр и проломов в стене. Кроме этого, в дождь келию старца заливало водой через прохудившуюся крышу, а никакой печи или другого отопления в келие не было. Невозможно по-человечески уразуметь, как

старец остался в живых в трудном 1986 году, когда была очень суровейшая зима и температура опускалась очень низко, учитывая и то, что он никогда не надевал обувь и ходил у себя в келии босиком. Кровати или чего-то подобного в келии тоже не было. Отец Иродион всегда стоял на ногах или чуть-чуть опирался на край ящика с разными вещами, годными только на помойку. Ноги отца Иродиона от многого стояния распухли и стали негибкими – словно колонны. Под большим пальцем одной ноги старца была большая рана – размером с грецкий орех, которая не заживала. Из раны вытекала зловонная жидкость, но эта рана была забита землёй и её не было видно.

Когда отец Иродион был молодым монахом, в одной из келий на Провате¹⁶⁸ случился пожар. Старца несправедливо обвинили в том, что пожар случился по его вине. Мало того, что обвинили – некоторые миряне-рабочие очень сильно избили его за это. И когда позднее старца спрашивали, почему зимой он не разводит огонь, тот отвечал: «Чтобы не сжечь Капсалу».¹⁶⁹ Возможно, старец сам наложил на себя такую епитимию – никогда не разводить огонь.

Если старца спрашивали, что он делает, когда ему холодно, он отвечал: «Еду на Синай и греюсь».¹⁷⁰ У монаха, который действительно подвизается, внутри ой как тепло: всё равно что май месяц! Он никогда не мёрзнет!» Старец Паисий свидетельствовал об отце Иродионе: «Раз отец Иродион сидит у себя в келии в таких невероятных лишениях, значит, он получает утешение от Бога».

И, наконец, в-третьих – прозорливость и пророчества старца. Многим людям он открывал их помыслы. Однажды его посетили три монаха с острова Керкиры, и он сказал им, что они приехали «с Корфы».¹⁷¹ Другому монаху он сказал, что тот купил скуфью и через несколько дней, выезжая в мир, её наденет. Так и случилось.

Один монах пришёл к старцу Иродиону, чтобы спросить его о раздвоении в помыслах: его мучили два помысла, и он не знал, какому из них последовать. Ещё до того, как брат успел спросить старца, тот первый сказал: «Пусть мнение не разделяет тебя. Ты сам его бери и разделяй».

В другой раз тот же самый монах во время Святой Четыредесятницы в упадке сил пришёл к отцу Иродиону, чтобы спросить, можно ли добавлять в пищу чуть-чуть растительного масла. Ещё до того, как он успел задать старцу вопрос, тот ответил: «Если не можешь, вкушай немного масла».

Другому монаху, у которого был помысл стать послушником насельника Капсалы старца Никиты, отец Иродион сам, ещё до того, как тот успел задать вопрос, сказал: «Старец Никита!.. Для того, чтобы руководить кем-то, старец Никита и сам должен что-то знать. А коли не так, оставайся лучше в своей келии. В келии, в келии – вот там и сиди».

Ещё одному монаху, который жил в одноэтажной келии, отец Иродион стал расписывать большие балконы в их келии, веранды, спускающиеся к морю, хотя ничего подобного не было и в помине. Когда годы спустя в этой келии построили новые здания с большими балконами и верандами, отцы вспомнили слова старца Иродиона.

Насельникам общежительной келии Буразери старец сказал, что видел во дворе их обители большую прекрасную церковь в честь Пресвятой Богородицы, стоящую среди цветов. Когда много лет спустя отцы построили новую церковь, они вспомнили слова отца Иродиона.

Как-то старца посетили два паломника, и отец Иродион начал рассказывать одному из них о его проблемах и затруднениях. Старец говорил о том, с чем этому человеку предстоит столкнуться, когда он вернётся в мир. Другой паломник спросил старца:

¹⁶⁸ *Прова́та* – местность на Афоне недалеко от монастыря Каракал, в которой расположено около 10 монашеских келий.

¹⁶⁹ Здесь на греческом языке игра слов: *Капсала* дословно означает «место, где горел лес», «выгарки».

¹⁷⁰ Возможно, старец имел в виду, что его ум оказывается на Синае. – *Прим. сост.*

¹⁷¹ *Корф́и* (итал. Corfù), или *Кёркира* (греч. Кёркира) – греческий остров, самый северный и второй по площади среди Ионических островов.

– А что же ты мне ничего не скажешь? Что, тебе совсем нечего мне сказать?

– Твоя проблема в смоковнице.

Человек оглянулся вокруг, но никакой смоковницы не увидел и сказал об этом старцу.

– Та смоковница, о которой я тебе говорю, за морем, – сказал старец.

Так ничего и не поняв, этот паломник ушёл от старца в недоумении. Вернувшись в свой дом, который находился в селении Сикея¹⁷² недалеко от Коринфа, он увидел, что его семья столкнулась с большими трудностями. Вот тогда он и вспомнил сказанное старцем Иродионом.

Таинственный затворник Иродион

Когда отец Иродион состарился, его взял к себе в келию святого Георгия отец Мелетий-румын для того, чтобы о нём позаботиться. Туда однажды пришёл монах в сопровождении юноши. Ещё издали увидев приближавшихся посетителей, старец Иродион, сидевший вместе с кошками возле двери, «в гневе и ярости» закричал, чтобы юноша остановился и не приближался, «потому что у него с собой аппарат». И действительно: в руках юноши была сумка, внутри которой лежал фотоаппарат. Бог знает, как это распознал отец Иродион.

Старца посещали и официальные лица, например, прот¹⁷³ Святой Афонской Горы иеромонах Паисий Хиландарский.

Отец Иродион мог дать и обычный добрый совет, например, такой: «Когда монах сидит в келии, не спрашивает, чем занимаются другие, но молится, в него приходит любовь Божия». И тут же неожиданно старец мог начать говорить какие-то несвязные вещи и совершать юродства. И естественно, собеседнику отца Иродиона трудно было разобраться что к чему и сделать о старце тот или иной вывод.

¹⁷² Сикéя (греч. σικέα) – букв. «смоковница».

¹⁷³ Прот, протоэпистат – первое лицо Священной Эпистасии. Протоэпистатом может быть монах только из пяти главенствующих монастырей: Лавры, Ватопеда, Ивилона, Хиландара и Дионисиата.

Однажды отца Иродиона посетили два монаха, они постучали в дверь, но старец не отвечал. Изнутри слышался шёпот. Через окошко отцы увидели, как старец стоит, повернувшись к стене. Он был неподвижен, что-то шептал себе под нос и ничего вокруг не слышал. Подождав около получаса, отцы вновь попытались привлечь внимание старца, но он не прервал своей молитвы.

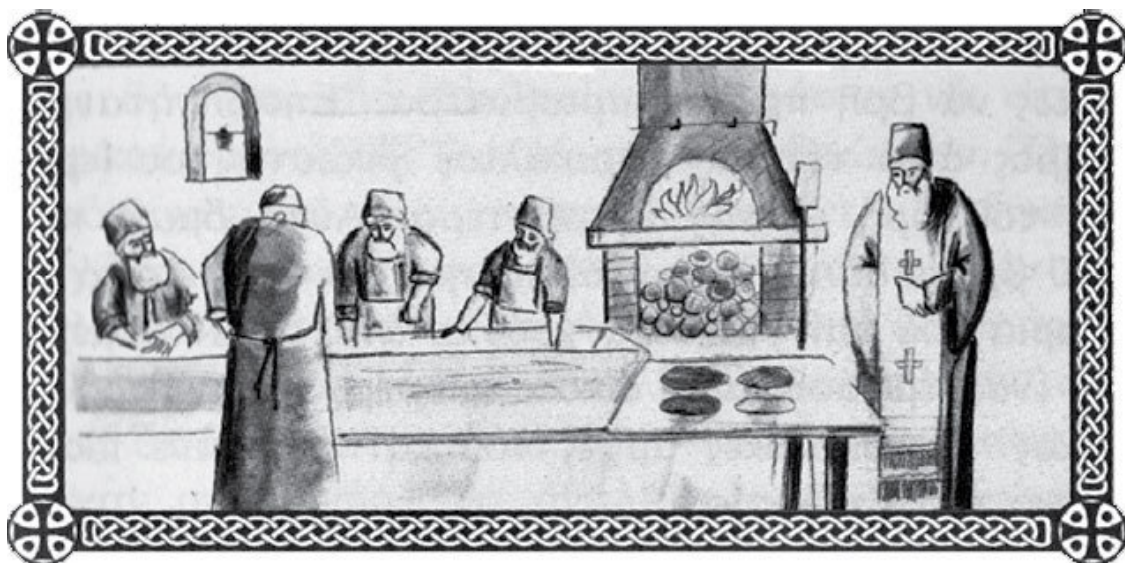
Последние восемь дней своей жизни старец Иродион совсем ничего не ел и не пил. Вероятно, он предчувствовал свою смерть и готовился к ней. Старец стал жёлтым, как лимон. Он скончался в Рождественский пост, 12 декабря 1990 года. В этот день его келия, по свидетельству отца Мелетия, наполнилась благоуханием.

Бог да упокоит душу старца и да согреет её в раю, поскольку в этой суетной жизни он так много перенёс от стужи и холода.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

22. Зографский игумен отец Евфимий

Игумен монастыря Зограф отец Евфимий родился 26 октября 1926 года в Болгарии в селе Энчевцы, недалеко от Велико-Тырново. В крещении ему было дано имя Богомил. С раннего возраста мальчик отличался сообразительностью и добропорядочностью. Он очень хорошо учился и с отличием окончил гимназию.

Отец Богомила хотел сделать его преемником в своих делах, однако юноша, отслужив в армии, объявил родителям, что желает стать священником в своём родном селе. Он поступил в духовную семинарию, которая в те годы находилась в Черепишском монастыре.¹⁷⁴ Через три года, окончив семинарию с отличными оценками, он возвратился в своё село, где все ожидали увидеть его священником. Богомила любили все за его кротость, добрый нрав, тихий характер. Но перед тем, как стать священником, ему надо было найти будущую матушку. Поскольку Богомил был неопытным в подобных делах, он попросил одного своего знакомого священника найти ему невесту. Однако девушка, которую тот выбрал, оказалась непригодной к роли матушки. После этого Богомил уехал из родной деревни и около 10 лет (с 1951 по 1961 год) трудился на стройках. Однако, работая строителем, он продолжал следовать своим благоговеиным принципам и оставался верным чадом Церкви.

В начале 1962 года Богомил решил стать монахом. Для этой цели он отправился в монастырь Преображения Господня недалеко от Велико-Тырнова. После искуса он был пострижен в монахи с именем Евфимий, а в 1963 году рукоположен во пресвитера. Когда в Преображенский монастырь приезжали воспитанники духовной семинарии и брали у иеромонаха Евфимия благословение, он благословлял их, но и сам в свою очередь целовал им руку.

В 1964 году отца Евфимия послали служить в близлежащий женский монастырь святых апостолов Петра и Павла. Незадолго до этого в монастыре случился пожар, и иеромонах Евфимий вместе с сёстрами трудился над восстановлением обители. Они занимались тяжёлым физическим трудом – своими руками они делали кирпичи из глины. Однако, несмотря на усталость, отец Евфимий никогда не ложился в кровать, а краткие часы отдыха спал, сидя на стуле.

¹⁷⁴ Черепишский монастырь Успения Пресвятой Богородицы – мужской монастырь в Болгарии, недалеко от города Враца. Основан в 1390 году.

От длительного стояния у него лопались вены на ногах, и он заматывал их бинтами. Под одеждой на голом теле отец Евфимий носил вериги, от которых его спина была покрыта ранами.

В те годы в монастыре Зограф на Святой Афонской Горе не хватало братии, и Священный Синод Болгарской Церкви принял решение послать туда нескольких монахов, чтобы поддерживать этот монастырь. Когда отцу Евфимию предложили поехать на Святую Гору, он принял это с великой радостью. И 21 октября 1969 года вместе со своим собратом по монастырю, иеромонахом Иоанном, они прибыли в Зограф.

Тогда игуменом Зографа был румын, отец Дометий из ватопедской келии святого Ипатия. Отец Дометий по договорённости с братией Зографа согласился временно стать игуменом, не покидая при этом насовсем свою келию, чтобы в своё время передать игуменство достойному болгарину. По приезде на Святую Гору иеромонах Евфимий снискал всеобщее уважение, отцы стали ему доверять. В 1971 году его сделали членом Духовного собора, а 3 ноября 1975 года он за свою добродетель единогласно был избран игуменом, хотя отец Евфимий по смирению всеми способами пытался уклониться от игуменства. Он твердо говорил «нет», но и отцы не уступали. Тогда отцу Евфимию явилась Пресвятая Богородица и сказала ему: «Ты должен принять игуменство, потому что другого подходящего кандидата нет». Так, по благословению Пресвятой Богородицы, отец Евфимий стал игуменом, однако при этом сохранил простоту и смирение, до конца жизни, все 25 лет своего игуменства.

Игумен Евфимий никогда не «выпячивал» себя, не выказывал себя начальником, но всегда хотел быть в безвестности и оставаться в тени. Он первым приходил на все послушания и приносил себя в жертву обители.

Помимо обязанностей игумена, отец Евфимий исполнял послушание секретаря: читал приходившие в монастырь письма и отвечал на них. В Болгарии он немного выучил греческий язык, а живя в монастыре, выучил его ещё лучше, так что мог читать и писать на кафаревусе,¹⁷⁵ общаться с паломниками-греками и государственными служащими.

Кроме того, отец Евфимий, будучи игуменом и секретарём, нёс и послушание эконома. Он ездил в Салоники, чтобы сделать необходимые для обители закупки; шёл на рынок со своей старой голубой сумкой. Старец никогда не брал такси, а всегда ходил пешком и весь груз нёс на себе в монастырский конак. Завершив дела, отец Евфимий с покупками ехал на автовокзал и оттуда на обычном рейсовом автобусе – в Уранополис.

Живя в Салониках, он проводил время очень просто и аскетично. Старец никогда не оставлял богослужения суточного круга, совершая его по чёткам. Кроме этого, он молился по Псалтири и молитвослову, поскольку необходимых для богослужения книг на конаке не было. Помимо прочего он совершал большое количество земных поклонов. Когда приходило время богослужения, отец Евфимий скрывался у себя в комнате и молился, однако дверь не запирали, но и стучащему не открывал; а если кто-то сам входил в его комнату, прерывая молитву старца, он отвечал на вопросы и продолжал богослужение.

По утрам отец Евфимий совершал утренью и заканчивал её поздно. Часто монастырский эпитроп,¹⁷⁶ который ездил вместе с ним в Салоники, терял терпение и начинал стучать в дверь, чтобы старец поскорее заканчивал и они успели бы сделать необходимые дела. Однако старец не спешил: для него важнее были духовные обязанности. Не завтракая, они вместе с эпитропом выходили из конака и отправлялись по делам.

¹⁷⁵ В современном греческом языке два языковых стиля: димотика (δημοτική – букв. «народный язык») и кафаревуса (καθαρεύουσα – букв. «чистый язык»). Последний в грамматике и лексике ближе к древнегреческому языку. С 1976 года официальным языком Греции является димотика.

¹⁷⁶ *Эпитропы* – это ежегодно избираемые члены Духовного собора в общежительном афонском монастыре (обычно двое), вместе с игуменом участвующие в управлении обителью. Например, только в присутствии эпитропов происходит отправление и чтение монастырской корреспонденции, визирование монастырских документов, банковские распоряжения и т. п.

Когда вечером, уставшие и обессиленные, они возвращались на конак, то эпитроп обычно не мог дожидаться, пока сварится ужин. Он на скорую руку ел немного хлеба и какой-нибудь фрукт. Однако старец Евфимий терпеливо готовил пищу и ел только за трапезой. Помимо трапезы старец никогда ничего не ел – ни в монастыре, ни вне его.

Обедать в кафе или таверну игумен не ходил никогда. Он говорил, что монаху это не приличествует. Однажды по настоянию эпитропа отец Евфимий вместе с ним пошёл пообедать в кафе, однако когда они ели, было видно, что старец очень расстроен. Если на конаке не было пищи, отец Евфимий разбивал несколько грецких орехов – это и был его ужин.

Однажды отец Евфимий взял в банке для нужд монастыря около миллиона драхм. В те времена (в 1986 году) это была внушительная денежная сумма. По всей вероятности, за игуменом следили: как только он вышел из дверей банка, какой-то человек выхватил у него из рук старую сумку с деньгами и умчался на мотоцикле. Старец успел только крикнуть ему вслед: «Погоди, зачем ты их забрал? Ведь это же монастырские деньги!»

Вечером отец игумен абсолютно спокойно рассказал о происшедшем эпитропу и ничуть не казался расстроенным. Отправившись спать, он тотчас уснул, как будто ничего не случилось. Вероятно, старец много молился о грабителе.

Будучи в Салониках, старец не рассеивался и не глядел по сторонам. Он был внимательным монахом, поэтому смог сохранить доброе духовное устроение. Возвращаясь в монастырь, он тут же начинал исполнять обязанности седмичного иеромонаха, поскольку в те годы священников в монастыре было мало. После утомительного путешествия, входя в монастырские ворота, отец игумен напрямик направлялся в церковь, надевал епитрахиль и начинал вечерню. А на следующий день на Божественной Литургии во время чтения Евангелия его голос постепенно менялся от умиления и глаза наполнялись слезами. Выезды в мир не изменяли старца, поскольку он имел трезвение и выезжал не по собственной воле, а по необходимости. «Безмолвник, исходящий из келии телом, но не исходящий словом на беседы, бывает кроток, и весь – дом любви».¹⁷⁷

Старец чувствовал умиление, читая на воскресной вечерне акафист святому великомученику Георгию.¹⁷⁸ Когда старец не совершал Литургию, то стоял в стасидии на клиросе. Слушая канон на утрени, на каждом тропаре он осенял себя крестным знамением и делал поклон. Ему очень нравилось читать и петь. Отец Евфимий читал Псалтирь, каноны, часы, делая это медленно и чисто, без спешки. Когда на противоположном клиросе не оказывалось чтеца, он безропотно сам читал всё. Старец не придирался к монахам из-за их недостатков и никого не осуждал, но всегда был мирен и молчалив.

Поскольку в те годы зографская братия происходила из разных монастырей Болгарии, они не соблюдали строгий общежительный чин. Старец, если его об этом не просили, не вмешивался в их личную духовную жизнь. Он относился к братии с материнской любовью, однако в двух случаях был непреклонен: строго запрещал разговаривать в церкви и, если два брата находились между собой в ссоре – убеждал, чтобы до начала утрени они помирились.

Игумен следил за тем, чтобы богослужения совершались по чину и с благоговением, без сокращений. Однажды по ошибке уставщика на утрени забыли прочитать один из канонов Пресвятой Богородице. Несмотря на то, что отцу Евфимию очень хотелось спать, он вместо того, чтобы отдыхать после утрени, пошёл читать упущенный не по его вине канон. Вдвоём с одним из монахов они вычитали этот канон в приделе, посвящённом Пресвятой Богородице.

Да и как сон мог не бороться старца, который постоянно шёл с одного послушания на другое и спал совсем немного, а некоторые ночи не спал вообще? Часто случалось следующее: возвращаясь из Салоник, игумен, отслужив как седмичный иеромонах вечерню, шёл замеси-

¹⁷⁷ Лествица. Слово 27, п. 5.

¹⁷⁸ Главный престол монастыря Зограф освящён в честь великомученика Георгия.

вать тесто и до поздней ночи выпекал просфоры. После этого он готовился к служению Божественной Литургии и, совсем не сомкнув глаз, направлялся в церковь. Естественно, что при таких трудах и бдениях старцу всегда хотелось спать. Однажды он перевозил на тракторе сено и, уснув за рулём, вместе с трактором упал в реку. Это был второй раз, когда явилась ему Пресвятая Богородица. Она спасла старца, так что у него не оказалось даже царапины, и предупредила: «Крайности ни к чему. Если бы Я не пришла, знаешь, что бы с тобой было?!»

Как-то раз после повечерия старец отправился перегонять ракию в келию, которая называется Патитирия. Отец Евфимий трудился вместе с монастырскими работниками до самого рассвета. Со смирением отец игумен спросил эпитропа, придёт ли кто-нибудь из монахов, чтобы их заменить, но эпитроп рассудил, что пусть лучше останется сам игумен с рабочими, чтобы те не злоупотребили только что изготовленным продуктом. Около трёх часов ночи игумен Евфимий привёз ракию в монастырь и поместил сосуды в погреб, затем надел рясу, куколь и отправился в церковь. Пономарь, спускаясь стучать в монастырское било, видел это, и, когда кто-то из отцов осуждал игумена за то, что тот дремлет на службе (сам отец Евфимий на эти обвинения ничего не отвечал), вступался за него. Отцы, слыша эту историю, восхищались самоотречением и смирением старца.

В другой раз надо было срочно найти какой-то документ в монастырском архиве, игумен проискал его всю ночь, совсем не спал и нашёл его только под утро. На следующий день он отправился в монастырь Симонопетра, чтобы снять с найденного документа ксерокопию. Отцы этой обители предложили старцу отслужить Божественную Литургию, и он, с радостью приняв их предложение, стал готовиться к службе, проведя и следующую ночь без сна. Отец Евфимий совершал Божественную Литургию просто, смиренно и от сердца. Он служил безупречно и много молитв знал наизусть.

По отношению к каждому человеку старец проявлял любовь, не делая различий ни по национальности, ни по общественному статусу. Знавшие его люди – от полицейских в Зографе до членов Конституционного суда в Афинах – в один голос говорят о его смирении и любви. Например, господин Кириак Кескесиáдис, много лет служивший в Зографе полицейским, вспоминал:

«Старец ни разу не отказался помочь полицейским или рабочим. Мы с ним дружили, и часто я приходил в игуменскую. Нередко во время разговора он клевал носом – он ведь ходил на все послушания и тянул на своих плечах все монастырские работы, и это при том, что у него не было помощников. На губах у старца всегда была улыбка, и ни на кого он никогда не раздражался.

Однажды я пошёл поохотиться в прилегающий к монастырю лес и оказался в густых зарослях, в расщелине у одного из потоков. Когда стемнело, я вдруг услышал, что кто-то приближается: трещали ветки и слышался шум. Это не был кабан, поскольку отсутствовал характерный для кабанов запах. Я посветил фонарём, крикнул и услышал, как треск стал подниматься вверх к дороге. Я подумал, что это может быть какой-нибудь преступник, и побежал за ним. Догнав его, я увидел, что это старец Евфимий. Он уже садился в машину. Я спросил его:

– Что же ты ничего не отвечал?

– Испугался, – ответил старец, – я ведь не знал, что это ты.

– А что же ты там искал внизу? – снова спросил я.

– Особую траву, чтобы положить её в бочки с вином. Я знал, что она там растёт, – ответил старец».

Зографский игумен отец Евфимий

Господин Георгий Сидеропулос, таможенный служащий, рассказал следующее:

«На Афонской Горе я служил с 1977 года. А с 1987 по 1992 год я служил в таможенном отделении монастыря Зограф. Перед тем как переехать в Зограф насовсем, я приезжал сюда как паломник и встречался со старцем. Я знал его как истинного монаха, человека молитвы. Он был игуменом, хотя его принимали за отшельника-аскета. Старец любил всех: и братию, и паломников, и рабочих, он часто сам прислуживал им на трапезе и в архондарике. Он всегда выглядел уставшим, но ни разу не отказался принять человека для исповеди или беседы. У него было много терпения и доброты, он никогда ни на что не жаловался.

Когда меня перевели в Зограф, здание, в котором размещался таможенный пост, было в ужасном состоянии. Старец проявил о нас заботу и просил потерпеть, одновременно присылая нам монастырских рабочих, чтобы они производили необходимые работы. Я видел, что он

трудится везде: в церкви, в архондарике, в саду и огороде. Когда была необходимость, он даже садился за руль автомобиля, чтобы перевезти к пристани паломников или братию.

Однажды мы обсуждали, где взять рыбу к приближавшемуся престольному празднику монастыря. Я предложил старцу выехать в Салоники и купить рыбу там, однако он попросил меня забросить в море сети. В тот вечер мы поймали 80 килограммов рыбы, которой хватило на праздничную трапезу.

Как-то зимой был сильный снегопад, и снега навалило больше метра. Паломники, которые находились в монастыре, были обеспокоены, как они попадут домой. Старец сказал: “Расчистим тропинку”, – и первый с лопатой стал раскидывать снег, за ним последовали и другие отцы. Так мы расчистили тропинку, по которой паломники смогли дойти до пристани.¹⁷⁹

Когда я приходил к старцу Евфимию в игуменскую, то видел, что для отдыха он не ложился на кровать, а дремал, сидя на стуле. Я спросил его:

– Почему бы тебе не прилечь поспать?

– Монах должен всегда находиться в готовности и бодрствовать, – ответил старец. – Ведь он не знает, когда Господь призовет его – либо к Себе, либо на послушание здесь.

Старец посоветовал мне тоже отдыхать, сидя на стуле, и я старался ему подражать. Кроме того, старцу не нравилось, когда зимой была сильно натоплена печь. Он говорил: “Жара делает нас дряблыми, комфорт монаху не подходит”.

Старец помог мне понять, в чём смысл жизни. Он советовал: “Люби ближнего как самого себя”. От него я научился стремлению делать для людей всё самое доброе, научился основным добродетелям – любви к Богу и ближнему. Я чувствовал радость, находясь вместе с ним. Изредка он оказывал мне честь, приходил на таможенный пост и беседовал со мной. Он был очень смиренным человеком.

Паломники, видя старца, говорили: “Этот монах, должно быть, очень благоговейный и трудолюбивый”. А когда я отвечал им, что это не простой монах, а игумен, они были радостно удивлены.

Если мне удавалось наловить немного рыбы, я делился со старцем, когда он приходил ко мне на таможенный пост. Но он брал только половину самой маленькой рыбёшки, чтобы не расстроить меня.

Когда я начинал жить на таможенном посту, который расположен рядом с монастырской пристанью, то был совсем один. Но я не боялся, потому что верил: “У меня есть святой великомученик Георгий, который меня хранит, а ещё старец Евфимий, который молится за меня”. До сих пор, когда я вспоминаю старца, испытываю великую радость».

Один святогорский иеродиакон имел желание никогда в жизни не ступать за пределы Афонской Горы и молился об этом Пресвятой Богородице. Узнав об этом, старец Евфимий сказал ему: «Вот это-то и есть самая первая вещь, которую хороший монах должен просить у Матери Божией. Сколько раз монах выезжает в мир, столько раз он теряет свою мзду».

Отец по плоти монаха Марка из монастыря Констанит присутствовал при следующем случае: на монастырской пристани некий мирянин с Халкидики по неизвестной причине стал ругать отца Евфимия неподобающими словами. Смиренный старец опустил голову и ничего не отвечал. Понося старца, мирянин стоял на старом каменном мосту. Через неделю этот человек оказался под тем же самым мостом. Внезапно, без видимой причины мост обрушился, и злословивший старца погиб под камнями.

И вот ещё свидетельство одного святогорского монаха: «Старец Евфимий был человеком благоговейным, серьёзным и одновременно очень мягким, радостным, трудолюбивым и очень любящим богослужение. Он был щедро наделён страхом Божиим, глубоко чувствовал своё монашеское призвание и своё служение монастырю.

¹⁷⁹ Расстояние от Зографа до пристани около 4 км.

Несмотря на то, что старец был очень открытым человеком, жил как простой монах и не пользовался атрибутами своего игуменского достоинства, по отношению к нему нельзя было потерять уважение, перейти грань и начать фамильярничать. Поскольку он был духовным монахом, деланием которого была непрестанная молитва, в общении с ним было ощущение, что он переживает духовные состояния.

Отец Евфимий всегда жил в заботах о своём монастыре, в котором остро не хватало братии, а многие здания требовали капитального ремонта. Однако, несмотря на все трудности, ему удалось сохранить монастырь от разрушения, потому что у него была вера в Бога, любовь к святому Георгию, и он, насколько мог, заботился и о материальном, и о духовном».

Один крайне нерадивый монах обращался с игуменом грубо и обзывал его ужасным словом «падаль». Старец ничего не отвечал. Впоследствии этот монах впал во многие искушения и ушёл из монастыря. Он был монастырским казначеем, а когда после его ухода провели ревизию кассы монастыря, то нашли недостачу. Некоторые из братии предложили донести на него в полицию и написать заявление в суд, однако незлобивый игумен встал на его защиту: «Это неправильно, братия, ведь мы монахи».

Игумен Евфимий был человек благоговейный. Он занимался внутренним тайным деланием и любил молитву. Он всегда творил Иисусову молитву и читал книги писавших о ней отцов, главным образом Исаака Сирина, а также житие и творения святого Паисия Величковского. Одному послушнику перед постригом старец говорил, что духовная книга подобна зеркалу, в котором читающий видит самого себя и своё состояние.

Старец всегда присутствовал на службе и, несмотря на свои игуменские обязанности, находил время исполнять обязанности духовные: поклоны, молитвы по чёткам, чтение Писания...

Однажды старец, собирая хурму, упал с дерева и попал в больницу. Даже в больнице он не оставлял своих духовных обязанностей и старался закончить молитву до того, как проснутся другие больные в его палате. Сидя на кровати, он пытался творить молитву побыстрее. И здесь в третий раз ему явилась Пресвятая Богородица. Старец видел Её ясно и отчётливо, хотя от благоговения и смущения не дерзнул поднять глаза выше, чтобы рассмотреть Её получше. Мать Божия сказала старцу, чтобы он не торопился при молитве.

Об этом событии отец Евфимий был вынужден рассказать иеромонаху, который ныне является одним из митрополитов Болгарской Церкви. Старец поведал ему об этом, когда они совершали богослужение на конаке в Салониках и этот иеромонах читал службу быстро, чтобы успеть сделать необходимые дела.

Старец Евфимий любил всенощные бдения и с радостью принимал в них участие. Он пел очень сладко и с благоговением, хотя теорию византийской музыки знал не очень хорошо. Часто, когда старец пел какую-нибудь стихирю или тропарь, у него перехватывало дыхание от умиления и не хватало сил её закончить.

Игумен Евфимий был настоящим исихастом, несмотря на то, что весь день работал на всевозможных послушаниях. Один монах предложил старцу уйти из монастыря и ради безмолвия поселиться на монастырской пристани. Старец, сердцем своим стремившийся к исихии, отказался: «Безмолвие – это хорошо. Но оставить монастырь я не могу».

Старец был настоящим игуменом. Он буквально и всецело воплотил в своей жизни изречение: *Кто из вас больше, будь как меньший, а начальствующий – как служащий*.¹⁸⁰ Он совершал все работы так, будто был последним среди монастырских рабочих. После богослужения надевал старый подрясник и шёл работать, например, расчищать дорогу к источникам, откуда монастырь брал воду, или латать водопроводные трубы. Однажды, когда водопровод сильно повредился, чинить его пошли многие из братии, но конца и края работе не было видно, и

¹⁸⁰ Лк. 22:26.

отцы один за другим стали уходить. В итоге остались двое – игумен и эпитроп. Они прокопали огромную траншею, чтобы найти, откуда уходит вода. Наконец нашли пробойну. Уже стемнело, однако старец в темноте с большим искусством соединил трубы, и лишь к часу ночи они с эпитропом вернулись в монастырь. Починенный ими водопровод работает донныне.

Своими руками старец перекрывал крыши монастырских зданий, собирал грецкие орехи и фрукты, до самой кончины лазая по деревьям. Он был пекарем и просфорником, делал вино, а по ночам перегонял ракию. Один или с мирским поваром по имени Мицос он носил для этого кипяток в баках, чтобы никого не беспокоить.

Когда из Болгарии в Зограф прибыл один монах для того, чтобы остаться на Святой Горе, отец Евфимий с монастырскими мулами спустился на пристань и ждал его. Он принял брата с любовью, поцеловал его руку и крепко обнял. Вместе они отправились в Кариес, чтобы оформить необходимые документы. На монастырском конаке в Кариес старец приготовил фасоль и предложил брату трапезу.

Некоторые обвиняли игумена, что он недостаточно занимается ремонтом монастырских зданий. Но в те времена положение дел было весьма непростым: даже при большом желании старец не смог бы сделать полноценного ремонта, поскольку и денег не было, и братии в обители не хватало.

Игумен Евфимий пытался благоустроить монастырь, однако его сердце не прилеплялось ни к чему материальному. Одному монаху, который предложил ему планы и программы по реставрации обители, старец сказал: «Все эти стройки, ремонты и тому подобное – дело, конечно, хорошее, но не будем ко всему этому чрезмерно прилепляться».

Старец отличался подвижничеством. Сильно уставая на послушаниях, он ел очень мало. Он любил, чтобы пища была приготовлена просто. Когда эпитроп предлагал отцу игумену сделать пищу повкуснее с помощью приправ, масла и тому подобного, старец отвечал: «Нужды в этом нет. У нас на трапезе всего достаточно. Мы ведь монахи. Мы должны питаться просто и скромно». Однако старец всегда следил за тем, чтобы на столах было много хлеба.

Иногда братия забывали приготовить ту пищу, о которой просил игумен, но и в этом случае он не делал никому замечания и ничего не требовал. Старец вкушал только за трапезой; если ему предлагали поесть что-то после повечерия, пусть и самую малость, он отказывался.

Старец никого не осуждал, злое слово никогда не выходило из его уст. Он отличался душевной тонкостью, благородством, ни о ком не говорил пренебрежительно.

Все братия обители хотя бы единожды, но побывали в Иерусалиме. Старец же ни разу в Иерусалим не ездил. В последний год своей жизни он сказал одному из отцов: «Каждая Божественная Литургия – это всё равно что паломничество в Иерусалим».

Игумен Евфимий всех любил одинаково. Об этом в один голос говорят болгары, греки, русские и все, кто его знал. Он горячо любил свою Родину, но любил её духовным образом, без национализма. Тогда в Болгарии господствовало коммунистическое безбожие. Старец по собственной инициативе издавал духовные книги и посылал их в Болгарию, чтобы поддержать верующих людей. Несмотря на то, что у монастыря было немного источников материального дохода, в те годы старец потратил на издание духовных книг около 3,5 миллионов драхм.

Отец Евфимий был абсолютно нестяжателен. В течение какого-то времени Священный Синод Болгарской Церкви посылал каждому из братии монастыря Зограф денежную помощь. Старец ни разу не прикоснулся к этим деньгам, он клал их в углу келии, а потом просил эпитропа забрать их и опустить в ящик для пожертвований в церкви.

Старец был всегда одет в старую одежду. Однажды он купил себе на зиму тёплую куртку. Один монах спросил его, почему он не купил такую же и ему. На следующий день отец Евфимий отдал эту куртку брату, а сам вновь надел свою старую. Он стирал свою одежду сам и делал это в холодной воде даже зимой.

Старец чрезвычайно любил Пресвятую Богородицу и благоговел перед Ней. Он часто с умилением говорил о том, как Она Сама в трёхлетнем возрасте поднялась по ступенькам храма.

Несмотря на то, что у старца было много талантов и достаточно знаний, он никогда не хвастался, а напротив, приступая к какому-то делу, спрашивал кого-нибудь ещё, как это сделать, чтобы не поступать по своей воле. На Духовном соборе монастыря игумен Евфимий всегда просто выражал своё мнение, но никогда не стремился на нём настоять. Он молча молился и в конечном итоге после обсуждений принималось его решение.

Ради большей аскезы старец крайне редко топил в своей келии печь. Когда он замерзал и был поздний час, то спускался в поварню и садился возле печи. Поскольку его всегда борол сон, то он тут же засыпал. Повар Мицос, благоговевя перед старцем, стоял рядом и охранял его, чтобы тот не упал со стула и не обжёгся. Но и сам Мицос тоже клевал носом, так они и спали – один стоя, другой сидя.

Как уже говорилось, старец ни разу в жизни не прилёг на кровать для отдыха, но всегда отдыхал, сидя на стуле или на кушетке. Подобно солдату, он хотел всегда пребывать в состоянии боевой готовности. Так, в состоянии боевой готовности, сидящим на кушетке, отцы и нашли усопшего старца. Это было 21 ноября 1994 года, после всенощного бдения в честь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Чистая душа старца взлетела на небеса ко Христу, Которого он возлюбил с юного возраста и Которому многообразно служил всю свою жизнь.

Братия, убирая келию, увидели, что его кровать игумена покрыта огромным слоем пыли и паутины.

В сей жизни старец Евфимий не наслаждался сном и не отдохнул, но сейчас Праведный Судия Господь да упокоит его в нескончаемом блаженстве.

Знавшие старца с умилением вспоминают его как святого человека.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

23. Старец Митрофан, насельник монастыря святого Павла

Старец Митрофан родился 21 февраля 1917 года в селении Кóрфион на греческом острове Андрос. Его родителей звали Иоаннис и Елена Кóндис. В святом крещении ему было дано имя Георгий. Придя в совершенный возраст, Георгий стал мичманом королевского военного флота. Как только он женился, его жена тяжело заболела, у неё парализовало ноги. Георгий стал ухаживать за ней, однако через несколько месяцев жена скончалась. После её смерти Георгий прочитал у апостола Павла и у святого Космы Этолийского,¹⁸¹ что вдовцу лучше не жениться вновь, а стать монахом. Детей у него не было, а значит, не было и обязанностей. Поэтому Георгий оставил мир и пришёл на Святую Афонскую Гору. Ему было около 45 лет. О его жизни в миру не известно больше ничего, поскольку сам старец никогда и никому о ней не рассказывал.

Перед уходом в монастырь Георгий раздал всё своё имущество бедным, и взял с собой только 20 тысяч драхм. Совершив паломничество по всем афонским монастырям, он ни один из них не смог выбрать. Затем ещё раз обошёл все обители по кругу и, наконец, остался в монастыре святого Павла. На Духовном соборе монастыря, куда его пригласили перед тем, как принять в послушники, он сказал: «Знаете, я обошёл все монастыри. Здесь мне по душе». Двадцать тысяч драхм он отдал игумену. Когда Георгия спросили: «У тебя что – нет родных, которым ты мог бы отдать эти деньги?» – он ответил: «Родные своё взяли. Возьмите, пожалуйста, эти деньги и молитесь об упокоении душ моих усопших родителей».

Через несколько лет, 30 января 1965 года, Георгий был пострижен в монахи с именем Митрофан. Став монахом, отец Митрофан начал вести безукоризненную жизнь и заниматься духовным деланием. Он был образцом странничества, послушания, умной молитвы и монашеской акривии.

Отец Митрофан за свою монашескую жизнь только однажды выехал в мир: за год до кончины по состоянию здоровья старец был вынужден лечь в больницу. Он не имел никакой связи с родными. Он дошёл до вершин странничества. Однажды в монастырь приехал его род-

¹⁸¹ *Равноапостольный Косма Этолийский* (1714–1779) – греческий святой, пламенный проповедник, просветитель, увенчавший своё служение мученическим венцом. Святой Косма оставил множество поучений и пророчеств о будущем человечества.

ной брат. Отец Митрофан сказал брату: «Здравствуй!» – и этим общение ограничилось. Брат бежал за ним, желая с ним поговорить, но старец Митрофан ничего не отвечал, занимаясь своим послушанием. Уезжая, брат достал из кошелька 20 тысяч драхм и предложил их отцу Митрофану. В 1970-е годы это была значительная сумма. «У моего монастыря есть все, что нам нужно», – ответил отец Митрофан и денег не взял. Больше брат старца в монастырь не приезжал. В следующий раз навестить отца Митрофана приехали его племянники. Поздоровавшись с ними на монастырском дворе, он больше не проронил ни слова. Вернувшись в мир, племянники отправили отцу Митрофану денежный перевод. В расстроенных чувствах старец пришёл к игумену и сказал: «Геронда, прости меня. Они ввели меня в искушение. Возьми, геронда, эти деньги для нужд обители, чтобы я не послал их назад».

Около 20 лет отец Митрофан нёс послушание в архондарике. Некоторые паломники приезжали в монастырь святого Павла специально, чтобы посмотреть на отца Митрофана. Все знали, что это тот самый архондаричный, который не разговаривает, при том, что архондарик – это место, где люди естественным образом знакомятся, беседуют. Ему присылали письма и открытки, но он даже не дотрагивался до них. Некоторые спрашивали:

– Отец Митрофан, помнишь нас? Мы были здесь в прошлом году.

Желая избежать разговора, отец Митрофан отвечал:

– Да, благословенная душа, сейчас начнут звонить к службе...

– Разве Вы не помните: ну, мы ещё были с группой ребят с теологического факультета?..

– Старец сказал, чтобы мы не опаздывали на вечерню, опаздывать на службу нельзя, – отвечал отец Митрофан.

Иногда, желая избежать бесцельных расспросов, отец Митрофан говорил: «Я этого не знаю, спросите об этом у игумена».

Когда у старца интересовались, откуда он родом, то, избегая ответа, он вслух произносил Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас». Но если человек настаивал: «Но я же спросил Вас, откуда Вы родом!» – старец твердо отвечал: «Я Вас попрошу!..», а потом более громким голосом произносил: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас». Особенно отец Митрофан избегал бесед с людьми мирскими. Когда ему задавали вопрос: «Геронда, когда Вы пришли в монастырь?» – он отвечал: «Такие вещи знает игумен». Несмотря на такое поведение, люди не обижались на старца и не расстраивались из-за того, что он отказывался разговаривать с ними. Напротив, они потом присылали в монастырь открытки, в которых писали: «Поздравляем вас с вашим архондаричным!»

И действительно, старец Митрофан был достойным того, чтобы «с ним поздравлять». Насколько он избегал общения с паломниками, настолько был тщателен и безупречен в своём послушании и делал всё, чтобы доставить им покой. Паломники чувствовали эту любовь. Неся послушание в архондарике, старец в течение многих лет стирал простыни собственными руками, которые были в крови от соды и стиральных порошков. Ни одному человеку старец не дал повода осудить его за нерадение в послушании. Он был молчаливым, подчёркнуто вежливым, к любому человеку обращался «на Вы» и никогда никого не осуждал.

Отец Митрофан был человеком молитвы. В начале ему было тяжело нести послушание архондаричного, поскольку он иногда не успевал на богослужение и сильно из-за этого расстраивался. Отец Митрофан пошёл посоветоваться на Катунаки к старцу Ефрему, и тот сказал: «Прежде всего отсекай свою волю. Ничего, если ты упустишь что-то из богослужения и молитвы». Получив этот ответ, отец Митрофан успокоился и исполнял своё послушание от сердца, не мучаясь помыслом.

К добродетели послушания старец всегда относился как к первой и важнейшей. Он очень часто читал книгу святых Варсонофия и Иоанна и относился к ней как ко второй по значимости после Евангелия.

Старец был столпом терпения. Однажды на него возложили новое послушание: заботиться о стареньком монахе-инвалиде, отличавшемся жутким характером. Это послушание необычайно затрудняло отца Митрофана. Когда монаху-инвалиду не нравилась еда, он мог запустить тарелкой в стену, вытворял кое-что и похлеще. Отец Митрофан, исповедав свои трудности игумену, с выдержкой и терпением продолжил своё послушание. Перед смертью сердце старенького монаха умягчилось. Он многократно просил у отца Митрофана прощения и благодарил его за всё.

По признанию насельников монастыря святого Павла, отец Митрофан достиг высокой меры. Он отличался благородством, чуткостью, а также необыкновенной тонкостью и щепетильностью по отношению к своим помыслам. Приращение помысла он исповедовал и каялся в нём так, словно совершил преступление. Никому старец не был в тягость. Никогда он не имел никаких претензий. Во всём он отсекал свою волю. Когда 1 января распределяли послушания между братией и приходила очередь отца Митрофана войти в зал, где заседал Духовный собор, он входил, клал отцам поклон и на все, что бы ему ни сказали, отвечал: «Да будет благословенно». Больше он ничего не говорил – не жаловался, не ныл, не отнекивался. Старец Митрофан всегда был мирен и молчалив, соблюдал трезвение, пребывал в непрестанном делании внутренней молитвы. У себя в келии старец скотил табуретку и, сидя на ней, совершал всенощное бдение, творя молитву Иисусову. Кроме этого, он приспособил под голову две подпорки и спал сидя. На богослужении он стоял на ногах и тянул чётки. Старец был довольно высокого роста и страдал от болей в пояснице, однако принуждал себя не садиться в стасидию, чтобы не уснуть. Утомление старца от всенощного бдения иногда проявлялось в том, что на службе из его рук выпадали чётки.

Старец Митрофан был человеком молитвы Иисусовой. Он хранил это делание как зеницу ока. Он никогда не присаживался рядом с кем-то, чтобы «помолоть языком». Да что там «помолоть»!.. Он никогда не разговаривал даже о духовных вещах с братией. Старец мог сказать только что-нибудь вроде: «Да, весна нынче ранняя» или «Сегодня прошёл дождь». Скажет два слова, а потом вежливо отходит в сторонку и тянет чётки.

На общих послушаниях, куда выходила вся монастырская братия, старец помогал молча, не прекращая молитву Иисусову. Если он слышал, что молодые монахи пустословят, то, не обращаясь ни к кому конкретно, произносил: «Молитва Иисусова, отцы, молитва Иисусова». Если молодые монахи вновь забывались и не творили молитву, он неспешно вслух мог произнести один раз молитву Иисусову для того, чтобы напомнить им о ней.

Отец Митрофан спрашивал иеромонаха Анфима:

– Как дела с молитвой Иисусовой, отец Анфим? Вы трудитесь над молитвой Иисусовой?

– Ну да, я совершаю своё правило, стараюсь.

– Благословенная душа, одно дело правило, а другое дело то, о чём я тебе говорю.

Как-то раз один юный монах, насельник монастыря святого Павла, спросил отца Митрофана о молитве Иисусовой. «Я в таких вещах не разбираюсь», – ответил тот. Молодой монах передал слова старца игумену, и тот благословил его вновь обратиться к отцу Митрофану с тем же вопросом, присовокупив: «Есть благословение от игумена». Когда старец услышал эти слова, он рассказал брату о круговращательной молитве – как понимал её сам и как сам её применял. Также он сказал, что во время богослужения он слушает псалмопения, однако основное внимание уделяет молитве Иисусовой. Вообще старец творил молитву 24 часа в сутки. Он творил её даже во сне, творил непрестанно – кроме того времени, когда вкушал пищу на трапезе. В это время старец не мог творить Иисусову молитву, из-за чего сильно переживал: «Да что же это за дела!..» – сокрушался он. Мы не знаем, научился ли старец Митрофан молитве Иисусовой от кого-то из людей. Одно можно сказать уверенно: старец был человек с исключительной самодисциплиной, и все, что было ему на пользу, он схватывал с большой горячностью. С таким же жаром он избегал того, что наносило вред его душе. Так, поскольку он был

настойчив в молитве, Бог Сам научил его молитве Иисусовой, и старец достиг состояния, о котором пишет Апостол: *непрестанно моли́тесь*.¹⁸²

Старец Митрофан

Старец отличался глубоким смирением. Один человек спросил его:

– Почему ты не поселился в пустыне, раз тебе нравится молитва Иисусова?

– Пустыня для сильных людей! – ответил старец. – Нет, я для неё не гоюсь.

Тем не менее отец Митрофан совершил великий подвиг, сумев прожить безмолвную жизнь в общежитии. Ведь исихаст – это не тот, кто живёт в пустыне, а тот, кто совершает дела безмолвия. «Безмолвник тот, кто существо бестелесное усиливается удерживать в пределах телесного дома. Подвиг редкий и удивительный».¹⁸³ Тот, кто хранит молчание, кто имеет умную и непрестанную молитву, тот совершает всеохватывающее делание безмолвия, тот всту-

¹⁸² 1 Фес. 5:17.

¹⁸³ Лествица, слово 27, п. 6.

пает в предпразднство молитвы. Старец Митрофан достиг этих высот трезвения, проводя свою монашескую жизнь в многолюдном общежительном монастыре.

Один курсант военного училища, совершивший паломничество в монастырь святого Павла, рассказывал: «Однажды ночью я пошёл в туалет. В коридоре издалека я увидел старца Митрофана, он шёл навстречу и что-то шептал. Тогда я почувствовал, что из его уст исходит благоухание, которое распространяется по всему коридору, и я преисполнился мира и тишины. Старец Митрофан повернул по коридору и стал подниматься по лестнице, а я пошёл в туалет. Это благоухание, внутренний мир и тишина сопровождали меня даже в там. Весь коридор наполнился этим благоуханием».

Диавол, искушая старца, говорил ему, что он пойдёт в адскую муку за то, что не исповедовался чисто. Тогда отец Митрофан исписал толстую тетрадь своими грехами, начиная с детства, во всех подробностях. Потом он пошёл к игумену и более двух часов читал ему свою исповедь по тетради. Закончив, отец Митрофан сказал: «Слава Тебе, Боже! – и осенил себя крестным знамением. – Благодарю Тебя, Боже мой!.. Геронда, моя душа испытывает облегчение. Теперь мне есть, что ответить лукавому, поскольку я исповедал все грехи своей жизни подробнейшим образом».

Однако диавол не успокоился. Он перестал бороться старца изнутри и воздвиг против него внешнюю брань. Когда старец Митрофан ложился отдыхать, диавол раскачивал его кровать, шумел и не давал ему уснуть.

Старец часто видел диавола собственными глазами. Его келия наполнялась бесами. Один сидел на полке, другой выглядывал из-под кровати – и все они были голыми. Рассказывая это игумену, отец Митрофан восклицал: «Что же они за твари, геронда? На дворе снегу по колено, а они все голые. Они что, не мёрзнут? Они не оставляют меня в покое!»

Диавол обрушивал свою брань на отца Митрофана, даже когда тот был в миру в больнице. Однажды старец сильно напугал врачей: ночью он внезапно сел на кровать, вытаращив глаза и глядя перед собой. Было видно, что внутри у него происходит какая-то борьба. Врачи и медсестры окружили старца и долго не могли привести его в чувство. Старец пробыл в этом состоянии около двух часов, а потом постепенно пришёл в себя. Когда врачи спросили, что с ним случилось, он улыбнулся и просто ответил: «Что-что?.. Да так, один незванный гость».

Старец одевался в чистые, но старые рясы с многочисленными заплатами. Он не собирався менять подрясник, который не снимал 24 года, пока его не пригласили на Духовный собор и игумен не велел надеть новый. Старец Митрофан тут же ответил: «Да будет благословенно», – и оказал послушание. Обувь старца тоже была вся в заплатах, так что невозможно было определить её первоначальный вид. Старцу было по душе всё простое, монашеское, он чтит традиции прежних отцов. Когда он нёс послушание в трапезной, один из его молодых помощников-монахов где-то нашёл столик на колёсах и притащил в трапезную, чтобы было легче развозить тарелки. Увидев это, отец Митрофан воскликнул: «Нет-нет-нет! Нас не учили возить тарелки на столике на колёсах! Значит, и дальше без него обойдёмся». Так они этот столик и не использовали.

Отец Митрофан хорошо знал и любил монастырский чин и порядки, соблюдал их с благоговением и постоянством. У старца ни к кому не было абсолютно никаких претензий и просьб. Однажды, когда ему понадобилось врачебное обследование, он сказал об этом игумену, а потом мирно ждал его решения. «Если захотят – отвезут меня к врачу», – говорил старец Митрофан. Его отвезли в Салоники, где сделали операцию по поводу грыжи. Когда понадобился его перевод в другую больницу для обследования, он не позволил сопровождавшему его брату нести его сумку, как тот об этом ни просил.

Врач господин Панаги́отис Колиомиха́лис рассказывает:

«В восьмидесятые годы у меня было много искушений и я дошёл до отчаяния. Я поехал на Святую Гору, чтобы от кого-то получить утешение. На корабле я плыл вместе с неизвестным мне монахом очень высокого роста. Вдруг этот молчаливый монах спросил меня:

– Что с тобой? Видно, что тебя что-то очень беспокоит.

Я рассказал ему о своей проблеме и попросил у него совета. Подумав и помолчав немного, высокий монах ответил мне:

– Будь внимателен к трём вещам. Первое: имей терпение.

Я обрадовался, поскольку по природе своей я человек терпеливый. И вот оказалось, что треть из того, что мне бы помогло, у меня уже есть!

Старец продолжил:

– А если твоё первое терпение лопнет, ты должен найти в себе силы и снова терпеть.

“Прекрасно! – подумал я. – Видимо, с этим я тоже справлюсь”.

– А третье, геронда? – спросил я его.

– Ну, и наконец, третье – имей терпение.

После этого ответа мной овладели радость и печаль одновременно. Радость – поскольку я услышал, что мне нужно делать, а печаль – поскольку услышанное не помогало мне волшебным образом.

Когда мы достигли монастыря святого Павла, я узнал, что беседовавший со мною монах был архондаричным обители. Он угостил меня больше, чем принято угощать паломников, с любовью сказав мне: “Возьми и это угощение, поскольку ты устал и измучен”. От других отцов я узнал, что монаха зовут Митрофан. Когда я рассказывал братии о советах, которые дал мне отец Митрофан, мне с трудом верили, зная, насколько он был молчалив и немногословен. А его совет... он помог мне, и я благодарю его за благословение и молитвы».

Старец трудился на послушаниях до самой старости. Последним послушанием, которое он нёс незадолго до своей кончины, была монастырская аптека. В конце концов старец заболел, у него начались проблемы с сердцем. Отец Анфим приехал навестить его в больнице, прочитал над ним молитву о болящих и осенил его крестным знамением. Спросив главврача, не возникает ли проблем с больным, отец Анфим услышал следующий ответ: «Вы прислали нам не человека, но ангела». То же самое врачи передали и игумену.

Вернувшись в монастырь, старец последнюю неделю перед кончиной чувствовал себя очень плохо и спускался в храм на Божественную Литургию с трудом.

В последний день своей жизни, за полчаса до кончины, старец надел рясу, в которой его постригли в монахи, спустился во двор монастыря и прошёлся из одного конца в другой. Он словно хотел попрощаться с местами, где жил и подвижался столько лет. После этого он поднялся к себе в келию. Увидев, как брат белит известкой соседнюю келию, старец сказал: «Какая прекрасная, чистая, белая келия! Так и должно быть! Пусть будет радостно живущему в ней». После этого, войдя к себе, старец сел на скамью, которую сам сделал для всенощного бдения, взял в руки чётки и, творя Иисусову молитву, мирно предал свой дух Господу. При похоронах его уже не переоблачали, поскольку он сам перед кончиной надел одежду и обувь своего монашеского пострига.

Вскоре служащий брат принёс старцу Митрофану ужин. Видя, что старец сидит на скамье, брат подумал, что он молится. Не желая тревожить, оставил поднос с едой и ушёл. Через полчаса брат поднялся, чтобы забрать посуду, и нашёл ужин нетронутым. Прикоснувшись к старцу, брат понял, что тот скончался. Это случилось 28 апреля 1995 года в 8 часов вечера. Старцу было 78 лет. Подобно другим усопшим святогорским отцам, тело старца не окоченело после кончины и сохранило гибкость. В случае с отцом Митрофаном это было особенно явственно. Он сидел в стасидии, склонив голову направо, держа в руке чётки, и под большим пальцем его руки был узелок. Присутствовавшие отцы видели, как сияет лицо старца. Они испытывали столь великое благоговение, что боялись к нему притронуться, чтобы под-

готовить его к погребению. Ни один из братии не мог сказать об отце Митрофане плохого слова, наоборот: он был образцом совершенного монаха. Он не только «не задолжал» ничего из духовных обязанностей, но и совершил 75 монашеских правил «сверх нормы».

Бывший игумен монастыря святого Павла Евсений, который совершал постриг отца Митрофана, с восхищением говорил о его монашеской жизни и добродетелях. А нынешний игумен монастыря святого Павла отец Парфений свидетельствует: «Я в жизни своей не видел более сознательного монаха, чем отец Митрофан. Это был образец монаха. И он добился этого, потому что никого не осуждал. Такой уж это был человек – можно сказать, дворянин, человек исключительного благородства».

Один из отцов монастыря святого Павла дважды видел отца Митрофана во сне и спросил его, как тот поживает. «Слава Богу, очень хорошо», – услышал в ответ. На отце Митрофане была монашеская схи́ма,¹⁸⁴ и брат удивился: «Вижу, ты и схиму носишь?» – «Конечно, ношу, я ведь в ней подвизался», – ответил старец.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

¹⁸⁴ Схиму и многокрестие (особым образом сплетённые верёвочные кресты) афонские монахи надевают на службу только когда собираются причащаться Святых Христовых Таин.

24. Старец Георгий, насельник монастыря святого Павла

Отец Георгий (в миру Герасим Мосхона́с) родился 6 сентября 1910 года в селении Хавдата на острове Кефалония. Впервые он задумался о монашестве в связи с кончиной своего отца, который умер в возрасте 35 лет от аппендицита. «Увидев отца мёртвым, – вспоминал отец Георгий, – я сказал себе: “Всё, хватит. Нет ничего лучше, чем жизнь монашеская”».

Брат его отца, Кириак, взял на себя заботу о сиротах. Он очень много работал, чтобы вывести их в люди, а по прошествии 15 лет стал монахом. Обет стать монахом он дал ещё раньше, когда спасся на войне. В 1927 году Кириак прибыл на Святую Афонскую Гору в монастырь святого Павла, где принял постриг с именем Константин.

Юный Герасим трудился в Афинах и Пирее, также помогал своим братьям и сёстрам, особенно Антонию. «Если бы я остался в миру, – говорил старец впоследствии, – то стал бы крезом.¹⁸⁵ Я много работал и получал кучу денег».

В 1935 году, отслужив в армии, Герасим, испытывая признательность дяде, приехал в монастырь святого Павла, чтобы его поблагодарить. Несмотря на то, что Герасим был энергичным юношей, на него оказала сильное впечатление жизнь монахов и его дяди, и он окончательно решил стать монахом. После послушнического искуса 20 декабря 1937 года он был пострижен в монахи с именем Георгий. Он усердно подвизался и возложенные на него послушания исполнял очень тщательно.

Отец Георгий был человеком, талантливым во всём. Он был лучшим поваром в монастыре, лучшим огородником. Без преувеличений можно сказать, что овощи с огорода отца Георгия можно было показывать на выставке! Когда отцы ночью шли на богослужение, отец Георгий с помощью двурогой мотыги вскапывал свой огород. Копал он очень глубоко, почти на метр, и при этом творил молитву Иисусову. Кусты помидоров вырастали настолько высокими, что нужно было ставить стремянку, чтобы собрать урожай. Кроме этого, отец Георгий был лучшим пекарем обители. Замешивая хлеб, он приговаривал: «Сейчас я вам испеку хлебушек такой вкусный, что вы его будете есть с хлебом вприкуску!» И действительно, хлеб получался необыкновенно вкусным. Кроме всего прочего, отец Георгий был искуснейшим рыба-

¹⁸⁵ *Крез* – царь Лидии в Малой Азии (IV век до н. э.), владевший несметными богатствами. В переносном значении – обладатель больших богатств.

ком. Одним словом, всё, за что он брался, выходило совершенным и превосходным. Отец Георгий исполнял все послушания и нёс труды для того, чтобы доставить покой и радость братии монастыря.

В те годы монастырь святого Павла, не имея собственных певчих, приглашал на клирос отцов из других обителей и скитов и платил им деньги. Отец Георгий не мог с этим смириться, он отправился в Новый скит и научился византийскому пению у одного из тамошних певчих – отца Исихия. Потом отец Георгий передал свои знания нынешнему игумену монастыря святого Павла отцу Парфению и другим отцам. Так в монастыре появились свои певчие. Голос у отца Георгия не был выдающимся, однако теорию музыки он знал хорошо. Подшучивая над собой, он говорил: «Ну ладно, в протопсалты¹⁸⁶ я не гожусь, это я признаю!.. Но и вторым певчим я тоже петь не согласен!»

Отец Георгий отдал множество сил, обустроивая монастырь святого Павла, мудро помогал в управлении обителью и хорошо справлялся с обязанностями антипросопа и епистата.

В годы немецкой оккупации отец Георгий тайно вступил в ряды греческого Сопротивления. Вместе с другими афонскими монахами он помогал союзникам переправиться в Малую Азию и на Ближний Восток.¹⁸⁷ Один румын предал отца Георгия немцам. Они схватили его и отправили в концлагерь «Павел Мелас», где отец Георгий предстал перед немецким трибуналом. Судья-немец спросил его:

– Почему вы помогаете нашим врагам и отправляете их в Смирну и Египет?

– Потому что люди нуждаются в помощи. Если тебе в дверь постучит человек и попросит о помощи, что ты ему ответишь? Христос в Евангелии говорит, что тому, кто просит твоей помощи, надо помогать.

– То есть если к тебе придёт и попросит о помощи немец, ты ему тоже поможешь? – спросил судья.

– Если он нуждается, конечно, помогу! – ответил отец Георгий. – Зависит от того, что именно ему нужно. Однако вам никакая помощь не нужна. Вы залили весь мир кровью. Человечество обливается кровью по вашей вине.

Трибунал приговорил отца Георгия к смерти. Его перевели в тюрьму в Эптапиргио.¹⁸⁸ Пробыв там два дня, он заболел малярией. Тогда его перевели в барак для больных заключённых, где находились два монаха, брата по плоти, Пантелеимон и Феофилакт Нанопулосы из келии Типографов в Кариес, а также отец Мелетий Сикеотис. У отца Георгия была очень высокая температура. В один из вечеров, как только зашло солнце, он пришёл в себя, сел на кровати и сказал: «Сейчас ко мне пришли преподобный Павел и великомученик Георгий и сказали, что освободят меня через три дня». Сказав это, он вновь потерял сознание. Слышавшие не поверили и решили, что он бредит. Через три дня отец Георгий, который до этого не мог пошевелить ногами от жара и истощения, в три часа открыл окно третьего этажа и сумел допрыгнуть до дерева, которое находилось за забором тюрьмы. На нём не было ни царапины. Тюрьма охранялась очень тщательно, однако его побега никто не заметил.

Оттуда отец Георгий отправился в сторону Святой Афонской Горы. Только там, в монастыре святого Павла, он был бы в безопасности, а вне Афона его могли арестовать. Он шёл пешком, не зная точного пути. Когда дошёл до селения Гомати,¹⁸⁹ ему повстречался один грек, служивший у оккупантов, и сказал ему: «Ты арестован, потому что выглядишь подозрительно». Предатель вынул пистолет и заставил отца Георгия идти впереди себя. Идя по тропинке, старец в какой-то момент сделал вид, что споткнулся, и, резко обернувшись к своему конвоиру,

¹⁸⁶ *Протопсалт* (греч. *πρωτοψάλτης* – «первый певец») – главный певчий в хоре, регент.

¹⁸⁷ В момент германского вторжения в Грецию 6 апреля 1941 года там находился 50-тысячный контингент союзных грекам войск Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, впоследствии эвакуированный на Крит и в Египет.

¹⁸⁸ *Эптапиргио* – район в Салониках.

¹⁸⁹ Селение Гомати находится в 140 км от Салоник.

выхватил у него из руки пистолет. Предатель стал умолять: «Не убивай меня, у меня жена и дети!» Отец Георгий оставил его в живых и продолжил свой путь на Святую Гору. Однако «железяку», как он называл пистолет, у себя оставил. На Дионисиатском подворье в Моноксилите старец вновь подвергся опасности – его чуть не узнал один из монастырских рабочих. Однако, проявив находчивость, отец Георгий смог ускользнуть и добраться до монастыря святого Павла, но внутрь обители не вошёл, а поселился в одной из пещер над монастырём. Об этом знали только игумен Серафим, иеромонах Андрей-трапезник и отец Давид. Иеромонах Андрей, служа по субботам Литургию в монастырской усыпальнице, тайно причащал отца Георгия. Они встречались в другой пещере – в пещере святого Павла, которая находится чуть выше монастырской башни. В пещере старец прожил 19 месяцев. Одна из зим была крайне суровой. Чтобы не замёрзнуть, отец Георгий прибегал ко всяческим ухищрениям. Огонь в пещере он зажигал только ночью, чтобы дыма не было видно. Тогда пещера хоть немного прогревалась. По ночам отцы спускали ему еду в корзине с монастырской стены.

Пещера отца Георгия находилась у западного подножия Святой Афонской Горы, и поэтому солнце освещало её поздно после обеда. Весной, желая согреться, старец залезал на скалу напротив пещеры, и там как-то раз его укусила ядовитая змея. Призвав на помощь святого апостола Павла, отец Георгий остался невредимым.

Однажды старец увидел, как под его пещерой по тропе в Кариес идут три человека. В одном из них он узнал румына, который предал его немцам. Это была хорошая возможность отомстить за предательство, поскольку при нём был пистолет, однако старец сказал себе: «Пусть идут с Богом».

Немцы приняли решение сжечь монастырь святого Павла, подозревая, что Мосхонас (они называли отца Георгия по фамилии) прячется там. Однако вместо монастыря святого Павла они прибыли в соседний – Дионисиат. Войдя в обитель, немцы дали монахам неделю на то, чтобы те собрали свои вещи и ушли. Оккупанты, поняв, что совершили ошибку, хотели идти в монастырь святого Павла, однако игумен монастыря Дионисиат отец Гавриил под каким-то предлогом задержал их и послал одного из братьев уведомить соседей. Узнав о том, что немцы совсем близко, братия монастыря святого Павла поняли смысл слов, сказанных накануне отцом Софронием (Сахаровым): «Молитесь усердно в своих келиях, на монастырь надвигается великая беда». По совету секретаря обители святого Павла отца Феодосия быстро собрали Духовный собор, на котором вынесли формальное определение об осуждении отца Георгия и приняли решение при первой возможности схватить и предать его немцам. Как только оккупанты пришли в монастырь, братия показали им эти бумаги, и, таким образом, молитвами отца Софрония монастырь был спасён.

Когда немецкая оккупация закончилась и опасность миновала, отец Георгий вернулся в родной монастырь на прежнее послушание – огородника. Он говорил: «Я пережил тяжёлое время, однако такой душевной радости я больше никогда не испытывал. Это было благословение преподобного Павла и великомученика Георгия, которые меня спасли».

Один из спасённых отцом Георгием союзников был сыном высокопоставленного человека из Новой Зеландии. Как только война кончилась, этот человек приехал в монастырь отблагодарить отца Георгия, которого называл своим спасителем. Отец Георгий ответил:

– Это не я. Это Бог спас и тебя, и меня.

Новозеландец хотел вручить старцу мешок, полный золотых монет:

– Эти деньги, геронда, шлёт мой отец, присоединяя к ним всю свою любовь.

– Я в деньгах не нуждаюсь, я всё это оставил в миру.

– Тогда возьми их для обители.

– Наш монастырь в новозеландских деньгах не нуждается, – улыбнулся отец Георгий и денег не взял.

Позднее правительство Новой Зеландии прислало отцу Георгию благодарственную грамоту как человеку, оказавшему их стране огромную услугу.

Спустя ещё некоторое время старцу прислали орден из Великобритании и хотели дать ему ежемесячную пенсию золотыми английскими фунтами. Однако всё присланное старец отправил обратно. «То, что я сделал, я сделал для своей Родины», – повторял он. Также многие другие люди, которые были спасены отцом Георгием, благодарили его, хотели отплатить ему чем-то материальным, но старец не принимал абсолютно ничего – несмотря на то, что годы были тяжёлыми по причине нищеты и бедствий, обрушившихся на страну.

Отец Георгий какое-то время вёл подробный дневник, в котором день за днём описывал свои злоключения. Если бы он был опубликован, то несомненно стал бы бестселлером. Но однажды, совершив монашеское правило, отец Георгий бросил этот дневник в печку. «Все эти книжки – дело не монашеское», – объяснял он свой поступок.

Несмотря на то, что отец Георгий был человеком малограмотным, он справлялся с серьёзными поручениями на благо монастыря святого Павла, и справлялся великолепно. Как-то по поручению игумена он отправился в банк и взял там деньги для монастыря, не имея при себе ни паспорта, ни удостоверения личности. «Зачем вам паспорт? Вот он я!» – объяснил он изумлённым банковским служащим. В другой раз отец Георгий взял из банка золотые монеты и положил их в старую грязную монашескую сумку, сверху прикрыл эти монеты старой майкой и на обычном рейсовом автобусе повёз их в монастырь. Когда кондуктор стал настаивать, чтобы отец Георгий положил сумку в место для багажа, тот ни в какую не соглашался. «Дамы же не сдают свои сумочки в багаж! – горячился отец Георгий. – Вот и я – монах – имею при себе сумочку».

Каждый год монастырь посылал отца Георгия в Каликратию¹⁹⁰ для того, чтобы купить пшеницу для обители. В какой-то год в Каликратии пшеницы не оказалось, и отец Георгий был вынужден поехать в Фессалию.¹⁹¹ Он сел на рейсовый автобус, который направлялся в Ларису. Вскоре на одной из остановок в автобус вошла женщина и села рядом с отцом Георгием. Помысл стал говорить отцу Георгию: «Взгляни на неё», – и тут же последовал такой диалог с помыслом:

– Ну и зачем на неё смотреть?

– Как зачем? Как зачем? Чтобы знать, с кем путешествую!

– Нет, не надо на неё глядеть. Ведь Евангелие что говорит? *Если поглядишь на женщину с возжеланием, уже прелюбодействуешь с ней в сердце своём.*¹⁹²

– Да ладно!.. Что будет, если я брошу на неё всего один взгляд? Можно подумать! Что, от этого будет конец света?! Да может, она вообще моя родственница?

Они ехали от Салоник до Ларисы несколько часов. Всё это время отец Георгий ни разу не повернулся, чтобы взглянуть на соседку. Он не заговорил с ней, не поздоровался. Когда они добрались до Ларисы, старец дождался, пока женщина выйдет из автобуса, и только после этого, опасаясь увидеть её хотя бы со спины, поднялся с сидения. Отец Георгий пошёл покупать пшеницу, и вот тогда Бог его вознаградил. Он пережил неопишемое состояние: «Я почувствовал такое необыкновенное радование и веселие! Если нечто подобное люди испытывают в раю, то большего мне не нужно. И это не было кратковременным, а продолжалось несколько дней! Я уехал из Ларисы, вернулся в монастырь, но радость не оставляла моей души».

Отец Георгий был наделён многими талантами, и его душа была сильной. Во всём, за что бы он ни брался, был великолепен. Вполне естественно, что он преуспел и на монашеском поприще, продвинулся духовно. Огромную пользу старец получил от советов добродетельного

¹⁹⁰ *Каликратия* – место в Халкидики.

¹⁹¹ *Фессалия* – крупный сельскохозяйственный район на северо-востоке Греции.

¹⁹² См.: Мф. 5:28.

игумена монастыря Григориат Афанасия. Его советы он читал почти так же, как Евангелие, и соблюдал их буквально. Как-то раз игумен сказал ему: «Письма не пиши никому и никогда. Для тебя мир закончился». И действительно, оказывая послушание, отец Георгий во всю свою жизнь не написал ни одного письма. Поскольку некоторое время он нёс послушание на монастырской пристани, многие паломники его узнавали, присылали письма и поздравительные открытки. Старец, не открывая корреспонденцию, отдавал её одному брату со словами: «Посмотри, что там... Если хочешь – сам им ответь».

Также игумен Афанасий сказал ему как-то: «Монах должен наплевать на свою кровать», – имея в виду, вероятно, что место, где монах спит, должно быть в небрежении. Отец Георгий говорил, что и этот совет он исполнял с буквальной точностью...

И ещё один совет старца Афанасия отец Георгий выполнял буквально: «Не зажигай лампы. Ложись пораньше спать и как можно раньше вставай на монашеское правило». Духовник сказал это отцу Георгию всего один раз, и этот совет он исполнял всю свою жизнь буквально. Лампы он не зажигал никогда.

Также старец Афанасий посоветовал отцу Георгию никогда не мыть тело водой. Отец Георгий выполнил и это. Исполняя послушание старцу, с того дня он вообще перестал мыться. Отец Георгий говорил: «Когда я жил у себя в деревне на острове, плескался словно дельфин! Ух, я так любил купаться! А с того дня, как пришёл в монастырь, я в море ни разу не вошёл». Также он говорил: «Ну, а с веником и половой тряпкой мы уже много лет как поругались».

При таком образе жизни ноги старца стали подобны ногам черепахи, они были словно покрыты чешуёй. Его голова выглядела так, будто старца взяли за шиворот и окунули в ведро с угольной пылью. Но при этом его тело оставалось чистейшим, от него вовсе не пахло. Однако необыкновенно грязный и неопрятный вид старца отталкивал людей. Отец Георгий был похож на драгоценный алмаз, сознательно брошенный в грязь. Этого старец хотел сам. Он делал всё это ради подвижничества, ради смирения, ради того, чтобы его презирали. Он пытался избежать всяких почестей. Руки он тоже никогда не мыл. Когда в поварне монастыря святого Павла на стену прикрепили сосуд с жидким мылом, то старец с любопытством спросил, что это за жидкость, и нажал на кнопочку. Как только ему сказали, что это мыло, он тут же отдернул руку, как от огня, и стал вытирать её о подрысник, громко и с удивлением повторяя: «Мыло!.. Ты только погляди: мыло!»

Новую одежду старец не надевал никогда. Он говорил: «Рабом одежды не буду. Монахом не делают ни ряса, ни монашеский постриг, но желание небесного и божественное жителство». Однако, выезжая в мир по монастырским делам, старец слегка приводил себя в порядок, чтобы никого не соблазнить. Когда же он был не в миру, а в монастыре, до его одежды невозможно было дотронуться. Майку под рясой он никогда не менял. Когда одна майка истлевала на его теле, то надевал сверху другую. Также у него был один порванный подрысник, который он «заштопал» толстой проволокой так, что её было видно. Если старцу были нужны шаровары (когда его собственные истлевали), он шёл к верёвке, где сушилось братское бельё, и выбирал самые старые шаровары. Если они оказывались длинны, он обрезал их перочинным ножиком и тут же надевал на себя. Подобным образом старец Георгий поступал, когда ему была нужна обувь. Из тех башмаков, что стояли у дверей братских келий, старец выбирал себе пару по ноге. Потом он показывал башмаки брату, которому они принадлежали, и весёлым и радостным тоном торжественно объявлял: «Ну что же, Бог да простит брата, который потерял эти башмаки!» Когда один из братии, отец Герасим, ругал его: «Что ж ты творишь, отец Георгий? Может быть, ты это мои башмаки надел?!» – отец Георгий делал вид, что обижался, и говорил: «Ты что, отец Герасим?! Хочешь сказать, что я вор?»

Отец Георгий «вытворял» всё это для того, чтобы всегда носить только старую одежду и обувь. Он знал, что отцы могут легко пойти в рухольную¹⁹³ и попросить себе необходимое. Способ, с помощью которого старец «одевался и обувался» был прекрасным, радостным и скрывал в себе духовную и монашескую глубину.

Отец Георгий не заботился ни о чём внешнем, включая деньги. Когда он нёс послушание на пристани, то упокоил старость одного монаха, после смерти которого нашли 70 золотых монет. Ни одной монеты старец себе не оставил, всё отдал в монастырь.

Один из насельников монастыря святого Павла подшучивал над отцом Георгием:

– Отец Георгий, моя учительница говорила, что чистота – это половина благородства!

– Ваша учительница, отец мой, говорила это для людей мирских!.. А вот авва Исаак говорит совсем другое, – моментально парировал старец.

Отец Георгий постоянно читал «Добротолюбие». Он называл эту книгу «большой брошюрой», потому что у него было только сокращённое издание. Также он много читал авву Исаака Сирина. Эти две книги он всегда имел при себе и свои слова подтверждал цитатами из аввы Исаака и других отцов.

Одному монаху старец говорил: «У меня была одна подруга. В трудные моменты я с ней советовался и никогда об этом не пожалел». Он имел в виду книгу «Добротолюбие». Несмотря на то, что старец окончил только начальную школу, он знал целые главы «Добротолюбия» наизусть. Его экземпляр книги от постоянного чтения распался на отдельные страницы.

Старец избегал давать советы. «*Имуть Моисея и пророков*¹⁹⁴», – говорил он. Когда у него спрашивали совета, он отвечал: «Неужели я, отче мой, буду Вам советовать? Я недостойн. Каждый сам знает, как ему устроить своё спасение». Ко всем старец обращался «на Вы», включая самого последнего послушника. Он отличался природной вежливостью и благородством, каждому собеседнику он говорил: «Будьте добры» и остроумно оправдывал своё поведение: «Видите ли, у меня в деревне были две соседки, которых звали Евгении.¹⁹⁵ Я не могу их обидеть».

Старец Георгий очень любил богослужение. Он приходил до «Благословен Бог наш...», а уходил после отпуста. Никогда не присаживался в стасидию, всегда стоял на ногах – в своё время игумен Афанасий дал ему заповедь не садиться на Божественной Литургии.

Как-то раз один старый прозорливый игумен видел, что после повечерия через стену монастыря внутрь запрыгивают бесы. Этот игумен говорил братии после повечерия: «Быстро по келиям, братия, быстро по келиям». Пономарь монастыря святого Павла, молодой монах, услышав эту историю, боялся ходить с колокольчиком и будить братию и зажигать лампы в церкви. Однако, спускаясь в церковь, он всегда заставлял там отца Георгия, который приходил в храм ещё до начала первого звона. Отец Георгий сидел в нартексе¹⁹⁶ и молился по чёткам. Присутствие старца утешало пономаря, и однажды он спросил его, почему тот приходит в церковь так рано. Отец Георгий по секрету рассказал следующее: «Когда я был молодым монахом, то два-три раза опоздал на службу. Я говорил себе: “Пусть закончится полунощница, я очень устал”. Тогда во сне я увидел преподобного Павла с посохом, который сказал мне: “А ну-ка, поднялся и быстро спустился в церковь! Или я сломаю посох о твою спину! Горе тебе!”»

Отец Георгий отличался строгой акривией. После повечерия он никогда не пил воды и ничего не вкушал. В храме после службы он прикладывался к иконам последним со словами: «Я свою очередь знаю, знаю... Иду прикладываться последним, чтобы оказаться первым». Он, конечно же, не верил, что будет первым, но этими словами прикрывал своё смиренное дей-

¹⁹³ Рухольная – монастырский вещевого склад.

¹⁹⁴ Лк. 16:29.

¹⁹⁵ Евгения по-гречески значит «благородная».

¹⁹⁶ Нартекс – входная пристройка, примыкающая ко всей ширине западной части храма.

ствие. Принимая из рук священника антидор или подходя под помазание на всенощном бдении, старец от благоговения не поворачивался к нему спиной, а отходил, оставаясь лицом к священнику.

Во время богослужения старец удостоился увидеть святителя Нектария Эгинского. «Я увидел архиерея в полном облачении, как он выходит из Царских врат. На моё недоумение внутренний голос ответил мне: “Это святой Нектарий!” Я подбежал к нему и положил перед ним земной поклон, испрашивая его благословения: “Благослови меня! Мы в монастыре совершаем в твою честь всенощное бдение!” Святитель перекрестил меня, и видение исчезло».

В другой раз старец рассказывал следующее: «Я стоял в нартексе, а братия выходила из храма после службы. Я увидел нечто странное. Одни монахи были облачены во всё монашеское: рясу, скуфью, куколь и схиму. На других не хватало куколя, на третьих – и скуфьи, на четвертых – схимы... Кто-то был без рясы, а некоторые были вообще только в мирских одеждах. Тогда я услышал у себя над ухом голос: “Тебе открылось, что каждый из монахов получил на службе, в таком виде он с неё и выходит”».

Старец любил монашеское Предание, он избегал мирских вещей и технических удобств. Когда он был антипросопом, Священный Кинот обсуждал возможность прокладки автомобильных дорог на Святой Афонской Горе. Вероятно, это было незадолго до празднования 1000-летия Святой Горы. Отец Георгий был против прокладки автомобильных дорог на Афоне и не подписал этот документ. Он видел очень далеко. Старец и ещё весьма немногие монахи хорошо понимали, что дороги разрушат Святую Афонскую Гору, однако их не послушали. Отец Георгий, увидев, что дорогу подводят и к его обители, ушёл из монастыря святого Павла и полтора года подвизался в Керасии.¹⁹⁷ Но один духовник посоветовал ему: «Ты поступил по совести, уйдя, однако советую тебе возвратиться в свою обитель, потому что может случиться так, что тебе осталось жить немного. А я видал несчастных монахов, умирающих вдали от обители своего пострига».

Отец Георгий вернулся в свой монастырь и увидел, что помимо той, уже проложенной, дороги, появляются и другие. Тогда он сказал себе: «Я из своего монастыря не уйду, однако на Святой Горе никогда не сяду в автомобиль, потому что я не согласен с прокладкой дорог. Ведь они разрушают Святую Афонскую Гору!» Слова старца не расходились с его делами. Когда он выезжал в мир по разным монастырским поручениям, то садился в автобусы и автомобили, однако, живя на Святой Горе, не сделал этого ни разу. Когда члены Духовного собора и епископы должны были по монастырским делам подниматься в лес на высокие горы, то старец отправлялся туда на пару часов раньше на муле. Когда он был антипросопом, из Дафни в Кариес он всегда шёл пешком. Такой он отличался акривией. Этой акривии он научился от «старушонки», как он ещё называл «Добротолюбие», чтобы другим не было понятно, что он читает.

Одно время старец страдал от грыжи, он отправился в монастырь Ватопед, чтобы поклониться там Честному Поясу Пресвятой Богородицы. Он усердно помолился, и Матерь Божия его исцелила. С тех пор и до самой кончины старец каждый год ходил в Ватопед на престольный праздник Честного Пояса Пресвятой Богородицы. Знакомые ватопедские отцы делали всё возможное, чтобы доставить старцу покой, а он отказывался и от келии, и от кровати, шёл в церковь и сидел в одной из стасидий нартекса. Путь от Дафни до Ватопеда и обратно старец проделывал пешком по горным дорогам,¹⁹⁸ и совершал это паломничество до 1997 года, когда ему исполнилось 87 лет, в следующем году он отошёл ко Господу.

¹⁹⁷ Керасия – принадлежащая Великой Лавре местность на южной оконечности Афонского полуострова, где расположены несколько келий.

¹⁹⁸ Расстояние от Ватопеда до Дафни составляет примерно 25 км.

После того как в пекарне монастыря поставили тестомес, старец больше туда не входил. Он сделал исключение единственный раз, когда игумен благословил его помочь новому брату-пекарю, у которого не получался хлеб. Старец зашёл в пекарню и с первого взгляда понял, что брат делал не так. Дав ему совет, старец тут же вышел.

В келии отца Георгия были три вещи: часы, миска для еды и подрясник, до которого из-за грязи невозможно было дотронуться. Старец не разрешил проводить в его келию электричество и ставить паровое отопление. У него была печь-буржуйка, которая топилась дровами. Стены его келии были чёрные от копоти, поскольку он оставлял дверцу печки открытой и глядел на огонь. Старец предпочитал из подвала носить к себе дрова на верхний этаж, наотрез отказавшись от парового отопления. Он был против технических новшеств, против мирского духа и неоправданного для монаха комфорта. Всё это старец считал разрушительным.

Несмотря на то, что старец был человеком энергичным и трудолюбивым, он очень любил безмолвие, говорил: «Лучший спутник моей души – это одиночество». Когда старец был антипросопом и жил в Кариес, в одну из зим там 27 дней держался необыкновенно густой туман – настолько густой, что не было видно дерево, которое росло в нескольких метрах за окном. Но любитель безмолвия, отец Георгий не огорчился из-за таких погодных условий. Он считал их благословением и говорил: «Это были лучшие дни моей жизни. Я сидел в келии и молился по чёткам».

Один из монахов, несших вместе со старцем послушание в Священном Киноте Афонской Горы, свидетельствует:

«Из всех антипросопов афонских монастырей на меня произвёл наибольшее впечатление отец Георгий – антипросоп монастыря святого Павла. Он был очень хорошим монахом и человеком молитвы. Когда он был эписпатором, то выходил из кабинета, где сидели все эписпаты, и молился по чёткам в соседней комнате. Когда старца звали поставить подпись под каким-то документом, он приходил, подписывал и снова уходил, чтобы продолжить свою молитву. Он отличался рассуждением и благородством. По вопросам, с которыми не соглашалась его монашеская совесть, отец Георгий не ругался, не настаивал на своём и не стремился, чтобы его мнение возобладало».

Однажды, когда старец нёс послушание на монастырской пристани, к нему пришли три немца с просьбой принять их на ночлег. Они заблудились, идя в Дионисиат, а ворота монастыря были уже закрыты. Старец принял их, накрыл им стол, позаботился о них наилучшим образом, а утром немцы, поблагодарив его, ушли. Несмотря на то, что старец столько претерпел от оккупантов, он всё забыл, потому что был истинным учеником Распятого Господа, Который на деле учил нас любить и врагов.

Отец Георгий заботился о том, чтобы на пристани, где имелся свой домовый храм, время от времени совершалась Литургия. Однажды старец пригласил на Литургию игумена Андрея и отца Герасима. Как только Божественная Литургия закончилась, он сварил отцам кофе, а сам отправился к пирсу, чтобы проверить донки. Старец был уверен в том, что на донки попалась рыба, потому что просил об этом великомученика Димитрия, в честь которого освящён храм на пристани. «Вчера я положил перед святым великомучеником поклон и просил его угостить нас рыбкой», – сказал он, спускаясь к морю. И действительно, с одной из донок он вытащил довольно приличного окуня, длиной в две ладони. «Глядите-ка: святой Димитрий угощает вас обедом», – сказал старец, поднимаясь к отцам. Отцы восхитились его верой. Он испёк рыбу на углях, братья прославили Бога и поблагодарили святого.

Старец Георгий был человеком радостным и лёгким в общении. Обычно он украшал речь своими замечательными шутками и непередаваемой игрой слов. Однажды старца некто из братии прервал грубыми словами: «Ты что, не понимаешь, что ты несёшь, дурак?!» Старец смиренно отвечал: «Большое Вам спасибо, отче, больше таких глупостей я говорить не буду».

Один человек хотел похудеть, и старец дал ему следующий совет: «Я пропишу Вам замечательное лекарство. Оно называется “неподвижные челюсти” – точно похудеете!»

Также, основываясь на собственном опыте, старец говорил: «Если ты оставляешь богослужение, монашеское правило и исповедь, то ты сам как бы облепляешь свою обувь глиной и грязью, и диавол выгонит тебя из монастыря».

Ничего ни от кого старец не принимал. Что бы ему ни давали, он отказывался. Когда у него спрашивали: «Почему?» – он отвечал: «Я имею основание для этого в службе Великого канона: *губит себе мздоимец*¹⁹⁹».

Как-то раз, когда старец выехал в мир, одна бабушка, увидев его дырявые башмаки, сказала: «Позвольте мне, отче, купить вам пару ботинок». Старец ответил: «Вот что, я из монастыря, у которого нет нужды в ботинках. Есть другие бедняки, помогите лучше им».

Странничество²⁰⁰ было для старца не просто понятием, а образом жизни. Приезжая в Афины по монастырским делам, он не навещал свою мать, хотя она с юности была вдовой. «Я, – говорил старец, – отказался от этого мира ради Христа. Если буду ездить и навещать своих родных, то другим монахам дам плохой пример». Старец не нарушал свои монашеские обеты и стремился не давать никому повода для этого. Однажды старец отправился в мир, сопровождая одного юного монаха к врачу. Брат сказал ему, что взял благословение у игумена, чтобы мать приехала навестить его на монастырский конак. Отец Георгий ответил: «Это дело Ваше, как Вы там договорились с игуменом, отче. Просто слушайте, что я Вам скажу: всё это – канаты, которые удерживают корабль у суши. Чем больше канатов мы отсечём, тем скорее корабль поплывёт к намеченной цели».

Когда старец был в Афинах, одна из его землячек, увидев его, закричала:

– Отец Георгий!

Старец, услышав, что его зовут, только прибавил ходу. Женщина побежала за ним и, догнав, спросила:

– Ты разве не отец Георгий?

– Перестаньте, сударыня моя, какой ещё отец Георгий? Кто этот отец Георгий? Вы совсем всех запутали.

– Ах, простите меня, – засмушалась женщина.

А отец Георгий продолжил свой путь, бормоча под нос:

– Подальше, подальше... Что, может, ещё сядем с тобой побеседуем? У нас и без неё дел полно.

Когда паломники спрашивали старца, откуда он родом, он остроумно и просто отвечал: «А я родом из ниоткуда, я, сударь мой, на корабле родился». Только расспрашивая братию в монастыре, паломники узнавали, что это и есть тот самый отец Георгий, который от всех прячется.

Однажды отец Георгий трудился на огороде. Один паломник заблудился и стал кричать: «Помогите, помогите!» Отец Георгий услышал его крики и помог человеку выйти на тропинку. На вечерне этот паломник, увидев отца Георгия в храме, подошёл его поблагодарить. «Меня, сударь, благодарите? – ответил отец Георгий. – Я ведь Вас не знаю. Вы ошиблись». Сказав это, старец поспешил уйти.

Когда отцу Георгию исполнилось 80 лет, он начал говорить: «Я свои *еще в силах* прожил. Чего мне ждать? Отсюда и дальше – *только труд и болезнь*».²⁰¹

После 80 лет отец Георгий уже перестал трудиться на послушаниях и проводил все дни в часовне на месте, где царица Маро, неся честные дары волхвов в монастырь, услышала предо-

¹⁹⁹ Притч. 15:27. См. паремии на вечерне в среду пятой седмицы Великого поста.

²⁰⁰ *Странничество* – решительное отречение от мира, прерывание связи со своими родными и близкими.

²⁰¹ *Дни лет наших в нихже семьдесят лет, еще же в силах осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь* (Пс. 89:10).

стерегающий голос Пресвятой Богородицы.²⁰² В этой часовенке отец Георгий возжигал лампаду и молился по чёткам до вечерни. Он соорудил себе крохотное убежище из нескольких кусков кровельной жести и тростника, где сидел на маленькой скамейке. Чтобы не мёрзнуть, старец надевал нечто вроде кожаной куртки. Бесконечные часы он творил там молитву Иисусову – готовил себя к предстоящему великому путешествию. «Отче мой, а какая разница? – говорил он. – В среду ли, в субботу ли... Ведь этого не избежать. Я совсем не боюсь».

Старец избегал говорить с людьми, которые шли мимо часовни, или отвечал им юродством. Однажды мирской священник, проходя мимо, спросил его:

– Ты откуда, геронда?

– Да так, ниоткуда – прохожий человек.

– А как Вас зовут?

– Как нас зовут? Наша фамилия Колокифóпулос.²⁰³

Часто старец оставался на всю ночь в братской усыпальнице, и делал это даже зимой, когда было холодно. Однажды пономарь забыл открыть монастырские ворота перед началом полунощницы, и отец Георгий был вынужден стучаться, чтобы ему открыли.

Когда молодые монахи приходили в келию отца Георгия и спрашивали, в чём он нуждается, старец просил только одного: «Оставьте меня в покое». – «Почему, геронда?» – спрашивали братия. «Когда ты один, Бог присылает к тебе трёх ангелов, чтобы они были с тобой», – отвечал старец. До самой старости отец Георгий не поменял келии, несмотря на то, что она находилась очень высоко и ему было трудно подниматься по ступенькам. К тому же перед смертью старец почти ослеп и поднимался к себе в келию наощупь, опираясь о стену. Единственное, с чем он согласился – это чтобы в келию провели электричество, тогда при свете он мог хоть немного ориентироваться. Старец благодарил отцов: «Ну, по крайней мере, мимо своей кровати я теперь не пройду».

В последние месяцы старец страдал от болей в пояснице, однако ежедневно спускался в храм на богослужение. Однажды окончилось шестопсалмие, а отец Георгий на службу так и не пришёл. Тогда брат, ухаживавший за пожилыми монахами, поднялся к нему в келию и увидел, что старец скончался. Отец Георгий сидел на кровати с чётками в руке. Это было 23 июля 1998 года. В келии старца не нашлось одежды, чтобы облачить его перед погребением, поэтому отцы дали свои одежды и омыли его тело – впервые с того дня, как он стал монахом.

Блажен отец Георгий, который с помощью немытости и смирения смог сохранить нерасхищенным своё духовное богатство. Старцу удалось ещё одно достижение – он смог избежать фотообъектива, что в наши дни сделать чрезвычайно сложно. Ведь он столько лет жил в общежительном многолюдном монастыре, а также нёс послушание антипросопа и эпистата в Кариес. Смирение старца послужило причиной того, что мы не нашли ни одной его фотографии – даже в удостоверении личности и в медицинском полисе. Итак, пусть сейчас отец Георгий радуется и веселится там, где он находится, и молится, чтобы были прощены те, кто, судя поверхностно, его недооценили.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

²⁰² По преданию, сербская царица Маро (1418–1487) встретила величественную Женщину, строго спросившую: «Кто ты, что осмелилась вступить в Мой Удел?» – «Я сербская царица и несу честные дары волхвов». – «Царица здесь Я, поэтому возвращайся обратно». И эта Женщина, сиявшая божественной красотой и славой, стала невидимой. Маро раскаялась, а на месте, где случилось чудо, воздвигли часовню, которая стоит и по сей день.

²⁰³ Придуманная фамилия от греческого слова *κολοκύνθη* – «кабачок, тыква».

25. Подвижник Евфимий Виглолавриот

Старец Евфимий родился в 1915 году в селении Гомати на Халкидике. Его родителей звали Афанасий и Елена Папуцис. В святом крещении мальчик был назван Астериосом. Живя в миру, Астериос трудился и помогал родителям в их заботах. Ему нравилась музыка, он обладал прекрасным голосом, играл на скрипке и пел народные песни.

Благодать Божия просветила Астериоса, и он пришёл на Святую Гору, чтобы стать монахом. В январе 1950 года он поселился в святой обители Констанонит, где после определённого послушнического искуса был пострижен в монахи с именем Евфимий. Около шести лет отец Евфимий прожил в послушании в общежитии, а затем возжелал жизни пустынной. Он открыл свой помысл игумену, и тот на целую неделю послал его в лес рубить деревья топором, запретив при этом принимать пищу. Неделя прошла в тяжёлых трудах и без еды, но отец Евфимий справился с этим канонем. У него было много сил и много ревности, что и привело его в пустыню Виглы²⁰⁴ для больших подвигов.

На Вигле отец Евфимий стал послушником добродетельного иеромонаха и духовника старца Варлаама. Вместе со старцем они поселились в каливе преподобных Варлаама и Иоасафа. Старец Евфимий говорил о своём старце, что он сиял от добродетелей на всю Святую Гору. «Мой старец был святым», – рассказывал отец Евфимий и плакал от умиления и любви.

Там, на Вигле, в послушании старцу Варлааму отец Евфимий предал себя великим подвигам. Он очень много постился. Держал «двойной» девятый час, то есть вкушал одну тарелку пищи без растительного масла один раз в двое суток. Чтобы утешить своего старца, отец Евфимий ловил рыбу и готовил её для старца Варлаама, потому что тот был уже в преклонном возрасте. Однако сам отец Евфимий вкушал «наслаждение воздержания» – сухари и овощи, естественно, без растительного масла. Постясь столь жёстко, он делал неисчислимое количество земных поклонов и непрестанно творил Иисусову молитву. Отец Евфимий весьма немного заботился о крохотной территории, прилегавшей к его каливе, и изредка занимался рукоделием – вырезал деревянные ложки.

Подвизаясь с таким самоотречением, отец Евфимий не замедлил вкушать плодов своего подвижничества. Всецело, с настойчивостью отдавая себя молитве Иисусовой, он во время

²⁰⁴ Вигла – пустынная местность на Святой Афонской Горе, южнее Лавры святого Афанасия.

молитвы проливал обильные слёзы. Однажды отец Евфимий пришёл на Литургию в соседний румынский скит; уставщик подошёл к нему, чтобы пригласить на клирос, однако увидев, что старец задыхается от слёз, отошёл с благоговением, постеснявшись к нему обратиться.

Для большего безмолвия и всецелого посвящения себя внутреннему деланию старец пристроил к своей каливе крохотную келейку, в которой проводил ночи, творя молитву Иисусову. Желая отдохнуть, он спал, сидя на камне, и, просыпаясь, вновь продолжал умное делание.

В одну из суббот, молясь по чёткам всем святым, отец Евфимий увидел архангела Михаила – точно в таком виде, как он изображён на фреске в притворе соборного храма Великой Лавры – с мечом и в мантии. «Святой Архангел шёл, – рассказывал старец, – а хвост его мантии развевался по ветру». Отец Евфимий рассказал об этом своему старцу, и тот от радости многократно осенял себя крестным знамением и повторял: «Слава Тебе, Боже!»

В другой раз отец Евфимий был восхищен в созерцание и видел Нетварный Свет. Он поведал эту тайну старцу Паисию, а тот, желая оказать духовную пользу, открыл её одному молодому монаху, учившемуся на богословском факультете. Юноша пришёл к старцу Евфимию и стал настойчиво выпытывать, что он делал, как увидел Нетварный Свет, и правда ли, что он всю неделю провёл в созерцании. Отец Евфимий, стремясь скрыть свой таинственный духовный опыт, сказал юноше: «Ну да... Только это старец наложил на меня такую епитимию – целую неделю быть в созерцании. Мы с ним тут недавно разругались, я ему всыпал по первое число, и он наложил на меня вот такой канон». Естественно, юноша растерялся и не смог разобраться, где правда в словах подвижника Виглы старца Евфимия, а где нет.

Похоронив своего старца и получив его благословение, отец Евфимий продолжил свои аскетические подвиги с бóльшим напряжением. Немногие монахи в нашу эпоху могут выдержать столь строгие посты. Житие отца Евфимия было непохожим на общий монашеский путь, оно было недостижимым для многих. Его самоотречение доходило до добровольного мученичества и смерти. Однажды он постился семь дней, ничего не вкушая, и в конце пришёл в изнеможение. «Я должен был тогда умереть, – вспоминал старец, – я усох, как изюм. Я удивлялся, откуда мой организм вырабатывал жидкость».

Вместе с другими подвигами отец Евфимий совершал и много замечательных и «удачных» юродств.

Раньше, когда монастырь Филофей был особножительным, отец Евфимий приходил туда на службу. Когда ответственный монах раздавал братии монастыря продукты, отец Евфимий говорил: «Погляди-ка, что я им сейчас устрою!» Он влезал впереди всех и, хотя не имел права брать продукты, так как не был насельником Филофея, начинал требовать: «Ну-ка, дай мне две банки консервированных кальмаров, голову сыра и ещё вон то и вон то», – и, наполнив свою монашескую торбу продуктами, уходил и раздавал их бедным, старым монахам, не способным раздобыть себе пропитание. Отец Евфимий принимал вид странного, своенравного, сумасшедшего и стяжательного монаха, несмотря на то, что сам жил бедно и аскетично.

Однажды в соборном храме Великой Лавры старец прибил к стене катушку из-под ниток, на неё повесил чётки на 300 узелков и, сидя в стасидии, тянул их. Катушка, крутясь, производила шум. Один из членов Духовного собора монастыря сделал отцу Евфимию замечание, а в ответ получил увесистую оплеуху.

Подвижник Евфимий

Как-то раз отец Евфимий пошёл на престольный праздник в одну келию и пел там на всенощном бдении. После службы он грозно сказал старцу келии: «А теперь дай мне это, вот это и вот это!.. Так... Теперь дай мне мула, чтобы я нагрузил на него всё это, а ещё... а ещё дай мне монаха, чтобы он вёл этого мула за уздечку!»

Однажды к побережью Виглы приблизился корабль, на борту которого были женщины, и старец, кидая с берега камни, заставил корабль уйти в море.

В одно братство отец Евфимий дал денег, чтобы там совершили сорокоуст о его усопших родителях, однако по прошествии времени пришёл и потребовал деньги обратно, потому что, как он заявил, видел своих папу и маму в аду.

Вольная Христа ради нищета старца Евфимия была великой. Его ряса была вся покрыта заплатами. Никто не захотел бы взять эту рясу, даже чтобы надеть её на пугало. Крохотная каливка старца была старой и простой, однако чистой и ухоженной. Впоследствии старец оставил рукоделие и стал заниматься только духовным деланием. Из денег у него было всего 200

драхм и две-три золотые монеты на случай, если в его келию зайдёт какой-нибудь бедняк с пантахусой,²⁰⁵ чтобы он мог дать ему милостыню.

Когда старец приходил в Великую Лавру на Божественную Литургию для святого причащения, то братия давали ему с собой запас пищи на неделю. Не желая вкушать хлеб свой всуе, он прислуживал братии на трапезе и делал это очень ловко и умело. В благословение старец не принимал ничего материального. Одна благоговейная женщина из его села (позднее она стала монахиней) послала старцу посылку с продуктами, однако старец отправил её назад. В Кариес он не ходил больше полувека, хотя молодым монахом он там бывал на престольных праздниках, где пел очень сладкогласно и от сердца.

Однажды старец пришёл на престольный праздник в монастырь святого Павла и увидел под паникадиллом пляшущего диавола. В другой раз на престольном празднике он выпил вина. После этого ему явился диавол, и старец посчитал, что будет хорошо больше никогда не пить вина. И действительно, он сохранил это до конца своих дней.

Отец Евфимий писал письма своим родным братьям, в которых советовал им покаяться и поисповедоваться, однако те не придавали значения его советам. Он приглашал их приехать на Святую Афонскую Гору, чтобы рассказать им о спасении души, однако те были равнодушны. Тогда отец Евфимий написал братьям письмо, что скоро умрёт и что они должны приехать и забрать золотые монеты, которые он якобы скопил, иначе «их заберёт Лавра». На следующий же день братья как штык стояли перед его келией и, увидев, в каком состоянии и в какой бедности живёт старец, поняли, что он их обманул и, разочарованные, уехали. «У него даже бутылки вина в келии не найдёшь, только одни сухари», – рассказывали братья.

Многие юные монахи просили у старца благословения остаться с ним жить, однако никто из них не мог последовать его аскезе. Кандидатам в послушники, которых старец сам хотел прогнать, видя их непригодность к аскетичной жизни, он устраивал невероятные испытания, вынуждая их уйти.

Старец Паисий говорил: «Старец Евфимий похож на врача, который даёт больному очень сильное лекарство. И уж если это лекарство его не убьёт, то от болезни он точно исцелится!» Старец имел в виду, что если бы кто-то из желавших жить рядом с отцом Евфимием смог последовать его аскезе, то он бы освятился.

Один иеромонах попросил у старца разрешения остаться рядом с ним. Отец Евфимий принял его и велел ему полить деревья. Выполнив работу, иеромонах ждал, что старец накроет стол, и они перекусят. Отец Евфимий рассказывал: «Он думал, что я его ужином накормлю!.. Говорит мне: “Ну что, тогда я пошёл?” – “Пошёл, – говорю, – пошёл, да прямо сейчас, пока солнце не зашло”. Так и этот ушёл».

Сам старец летом трудился без пищи и воды, да к тому же, чтобы посильнее себя помучить, часто снимал одежду и работал голым по пояс.

Когда некий иеромонах прислал старцу письмо, в котором просил благословения жить с ним, отец Евфимий ответил ему следующим посланием:

«Аз старец Евфимий – господина моего пресвитера (имярек) преклоняясь, целую.

Множицею ты мя искусил еси, тщася приити ко мне, да составим братство. Аще убо воистину волю имаши да жительствуем вкупе прочее время живота нашего, вниди, аз же тебе приемлю. Веси жительство моё, каково есть, и яко никакоже могу беседы творити с приходящими, и бремя всезаботное об исихастирии на рамена твоя возляжет. Посему, аще поймеш с собою ина брата, да в помощь тебе будет в Литургиях и иных нуждах, добре сотвориши.

²⁰⁵ *Пантахуса* – документ на право сбора милостыни в афонских монастырях, скитах и келиях, выдаваемый бедным монахам-келиотам Священным Кинотом Святой Горы.

Аще положите вопрошати мя о всяком деле, ни в чимже погрешите, Богу содействующу. Аще питаете мя укрухами хлеба, сим доволен буду. Елико есть дний моих, толикожде не проживу ктому. Хлеб свой весь изъядох. Быть может, пришествие ваше есть воля Божия, не вем, посему возлагаю все на Бога, да будет по воле Его.

Доныне противихся аз и не приимах никогоже, и не пребысть у мене ни один из притекавших. Отселе же возлагаю сие на Бога, да будет якоже волит Он.

Кланяюсь и целую вы.

Евфимий Виглолавриот».

В конце концов этот брат тоже не приехал, и старец один продолжил свой подвиг. Он был непреклонен и точен в исполнении своих монашеских обязанностей, не позволял себе никакого снисхождения, никакой икономии – и не только себе, но и тому, кто просил остаться с ним. В 1985 году весь пост святых Апостолов он держал «двойной» девятый час. Тогда ему было 72 года, а пост в том году продолжался целый месяц.

Однажды старец принял у себя стремящегося к монашеству юношу. Он положил его спать в келии своего старца. Одежда там были чистые, однако все истрёпанные в лохмотья. Между одеялами старец проложил куски полиэтилена, чтобы они не рассыпались окончательно.

На юношу произвели впечатление скорость, ревность, напор и гибкость старца, когда он делал в церкви земные поклоны. Старец был похож на хорошо тренированного спортсмена, несмотря на то, что ему – атлету Христову старцу Евфимию – было более 70 лет. Шла Великая Четыредесятница. Старец прочёл часть богослужения, держа в руке большую лупу, потому что его зрение ослабло. Его ряса была очень старая, истрёпанная, но чистая. В церкви он надевал скуфью и куколь собственного пошива. Его образ и жизнь были необычными, но в этой необычности скрывался глубокий духовный смысл.

После вечерни старец предложил юноше трапезу. Он угостил самым лучшим, чем располагал, чтобы доставить радость своему посетителю: на этот раз это был варёный нут²⁰⁶ без масла, смоченные в воде сухари и два вида маслин. «Эти маслины – самые лучшие», – сказал старец, предлагая их гостю. Однако и эти «самые лучшие» отличались необычайной горечью. Плошки на столе были глиняными, сам столик – очень ветхим. Кухня, в которой была накрыта трапеза – полутёмной и с земляным полом. Однако всё здесь было уместным, всё излучало аскетическую благодать, простоту, и вкушать этот ужин было приятнее, чем сидеть за ломящимся яствами столом в пятизвёздочном отеле.

Беседуя с юношей после трапезы старец был отечески нежен. Он давал юному посетителю прекрасные и практические советы. Он беседовал свободно, с бесстрашием; голубые, подобные синему небу, глаза старца свидетельствовали о том, что он был чист, как малое дитя.

В каливе старца всё было простым и очень старым, нельзя было найти ничего нового. Все эти старинные вещи переносили тебя в прежнюю эпоху – даже немногие книги, которые были у старца в келии, например, «Добротолюбие» в сокращении, одно из первых изданий. Однако и сам старец Евфимий чувствовал себя живущим в другой эпохе, или, лучше сказать, что он сам пришёл из другой эпохи в наше время. Потом юноша написал старцу письмо, благодаря его за Авраамово гостеприимство. К письму он приложил несколько конвертов и марок для того, чтобы старец мог отвечать на его письма. Однако даже эти конверты и марки старец вернул, соблюдая монашескую акривию.

Годы шли, и силы старца уходили. Он чувствовал слабость и ему стало трудно приходить на Божественную Литургию не только в Лавру, но и в соседний румынский скит. Однако свою

²⁰⁶ Нут – бараний горох.

аскезу и устав старец не изменил. Он говорил: «Иногда я вкушаю пищу даже два раза в день», – имея в виду Светлую седмицу. Тогда он говорил: «Ах, если бы я мог построить какую-нибудь каливку рядом с отцом Исаией и начать подвизаться!»

В конце концов по причине старости и упадка сил старец был вынужден перейти в Лавру. Он уже потерял слух и с того времени стал подписывать свои письма «глухой Евфимий». Позднее старец ещё и ослеп, потому что не захотел выехать в мир и сделать операцию на глаза. И даже когда он сломал ногу, тоже ни за что на свете не захотел ехать в больницу.

Живя в Лавре, старец Евфимий следовал своему уставу и был внимателен к тому, чтобы не вкушать ничего, кроме принесённого из трапезы. В 2001 году, в возрасте 86 лет, он по три дня воздерживался от пищи, однако делал это втайне, так как голодать ему не позволял брат, ухаживавший за старыми и больными монахами. Старец притворно жаловался ему: «Нет, куда там!.. Сейчас я уже не могу поститься. Это было когда-то – в прошлом». Однако, несмотря на свою старость, он мог воздерживаться от пищи по три дня. В понедельник первой седмицы Великого поста старец, находясь в приделе Святой Троицы, услышал, как один бес зовёт других: «Собирайтесь! Началась война».

В больнице старца посещали многие, желая услышать его совет. Старец говорил: «Вся основа в посте. Оттуда рождается всё остальное: и молитва, и послушание, и бдение. Когда человек постится, его ум приобретает силу и побеждает помыслы. Внутри у него слышится: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя”. Соблюдение девятого часа человек закалённый не боится. Однако, когда вкушаешь пищу один раз в день после вечерни, не надо сидеть сиднем, надо работать. Если же человек постится два дня и больше, тогда он может и не работать. Монах не должен увлекаться многими попечениями. Он должен позаботиться о самом необходимом и ограничиться этим. Тогда что бы он ни делал, будет приносить плод. Когда монах отвлекается на многое, к нему приходит забвение и неведение, которые подобны мокрой губке, стирающей из ума монаха слова, взятые из духовных книг и полезных бесед. Многие уходят из общежития в пустыню, но делают это для того, чтобы жить по своей воле. Обязанностей послушника по отношению к старцу – шесть. Они написаны в святогорской брошюре²⁰⁷».

Старец Евфимий хотел, чтобы монах – особенно пустынный – был постником. Он верил и был убеждён в том, что «звери страстей умервщляются постом». Одному стремящегося к монашеству юноше, который служил в армии, старец писал: «...а если помыслы будут настаивать, чтобы ты постился по три дня – не слушай их. Не ешь ничего до девятого часа и до конца вечерни не вкушай даже антидор». Как старец жил и подвизался сам, так он советовал жить и другим. Ему казалось, что все вокруг могут совершать такие же или подобные суровые подвиги. От своей чрезмерной ревности и подвижничества старец подчас доходил до нерассудительности.

Старец Евфимий, полагая всю суть своей жизни в аскетической борьбе и очищении от страстей, «резал по живому», жил в одиночестве десятилетиями. Даже было время, когда он подписывал свои письма словом «пустынный». Старец не только был лишён удобств, но избегал простого общения с людьми, жил крайне уединённо, без друзей, знакомых и сотоварищей. Возможно, поэтому под конец жизни он приобрёл подозрительность, стал спорливым и раздражительным (конечно, мы исключаем случаи, когда он притворялся, совершая юродства).

²⁰⁷ Старец имел в виду книгу со службой и похвальными словами святым отцам, на Горе Афонской просиявшим. Там преподобный Никодим Святогорец пишет: «Послушники и подчинённые да подражают сим святым мужам в истинном подчинении и послушании, храня обязанности послушания, которых, согласно святым отцам, шесть: первое – не скрывать своих помыслов, но исповедовать их; второе – иметь к своим старцам неподдельную и истинную любовь, а не любовь деланую и лицемерную; третье – хранить чистую и подлинную веру им, как Самому Христу; четвёртое – во всём быть истинным – и в словах, и в делах; пятое – иметь совершенное отсечение не только своей воли, но и своего мудрования; шестое – не противоречить и не противиться своим игуменам и предстоятелям во всем, что те повелевают согласно заповеди Божией, поскольку, как свидетельствует Великий Василий, “противоречие – признак самоуправства и неподчинения”» (Ακολουθία καὶ ἐγκώμιον τῶν Ὁσίων καὶ Θεοφόρων Πατέρων ἡμῶν, τῶν ἐν τῇ Ἀγίῳ Ὁρεὶ τοῦ Ἁθῶ διαλαμπάντων. Ἑρμούπολις, 1847. Σ. 122–123).

Однако, будем молиться о том, чтобы Благий Бог, приняв великую жертву старца ради любви ко Христу, простил ему малую человеческую слабость.

Житие старца – это молчаливое обличение теплохладности большинства монахов нашего поколения, а также пример для подражания. В свои последние годы старец Евфимий, лёжа на койке в больнице Великой Лавры, будучи глухим и слепым, держал пост, несмотря на то, что ему было за 90 лет. Когда ему приносили что-то съедобное, он спрашивал, с трапезы ли это. Всё, что было не с трапезы, старец не ел. Он каждый день держал девятый час, и только во вторник, в субботу и воскресенье вкушал пищу с растительным маслом. Молитву Иисусову старец не оставил никогда. Лёжа в кровати, он тянул чётки – они были привязаны к катушке, прибитой к стене. Он постоянно молился о себе и о мире и часто спрашивал: «Что мне делать? У меня нет слёз, чтобы оплакивать мир!»

Некто рассказал старцу об одном из епископов Элладской Церкви, который упразднил канонические препятствия для священства в своей епархии. Старец Евфимий ответил: «Этого епископа надо покрепче привязать к волнорезу и расстрелять». Старец вдруг назвал один из районов Греции, и человек, рассказывавший ему об этом, изумился, потому что старец прозрел, кто был этот епископ.

Другому монаху, который посетил старца, отец Евфимий подробнейшим образом описал его каливу, хотя сам там ни разу не был.

Находясь в монастырской больнице, старец вспомнил некоторых из братьев, которые его огорчили, начал осуждать и обвинять их, и его оставила благодать Божия. У него прервалась молитва, он погрузился в отчаяние. Так около шести месяцев он страдал, живя в аду. Отцы, которые прислуживали ему, поняли причину искушения и пригласили отцов, с которыми отец Евфимий имел несогласие. Отцы помирились. Постепенно старец снова обрёл мир и молитву. Предчувствуя кончину, старец попрощался со всеми отцами и мирно скончался 9 июля 2004 года.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.